

5380

55371 / 454

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

IX—X

✓

SZEGED
1975

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

IX—X

SZEGED
1975

**Publicationes Instituti Philologiae Russicae in Universitate
de Attila József Nominata**

IX—X.

**Redigit:
György Szőke**

**Seriem publicationum edendam curant
Imre H. Tóth et Sándor Kónyi**

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР "ЛИРИЧЕСКОЙ ЭПИГРАММЫ"

Д.С. Чернявская (г.Одесса)

Эпиграмма – одна из наиболее древних форм поэзии, которая уже с эпохи античности традиционно выделяется в многообразии лирических жанров. За свою более чем тысячелетнюю историю эпиграмма претерпела серьезную трансформацию и вместе с тем сохранила ряд специфических особенностей, оставаясь до сих пор популярной формой лирики.

Возникнув в VI–V вв. до н.э. в поэзии древней Греции как стихотворная надпись на памятнике, храме или предмете, приносящемся в дар божеству, эпиграмма вскоре утратила свое первоначальное значение, превратившись в сжатое по мысли и короткое по форме лирическое стихотворение. Уже в античную эпоху развитие эпиграммы пошло в двух направлениях. Одно из них было связано с усилением в эпиграмме насмешливого сатирического элемента, в конечном итоге определившего основную тенденцию в развитии жанра вплоть до нового времени, так что эпиграмма стала восприниматься только как жанр сатирический. Другая линия, связанная с лирическим содержанием эпиграммы, ставившей своей целью запечатлеть различные душевные состояния, настроения, жизненную ситуацию, оказалась менее плодотворной, эпиграмма утратила в значительной степени свои исконные жанровые особенности, зачастую сливаясь с коротким лирическим стихотворением.

В современном процессе развития жанров с явно наметившейся

в нем тенденцией резкого отталкивания от жанровых традиций, обновления жанра судьба этой ветви эпиграммы представляет особый интерес, потому что связана как бы с противоположным явлением — возвращением к традиции, возрождением, хотя и на новой основе, исконных свойств природы этого жанра — ее лирического, позитивного начала. Основанием для такого суждения является книга С.Я.Маршака "Лирические эпиграммы" ⁺, дающая материал для понимания природы и законов эпиграмматического жанра, его содержательных возможностей, традиций и перспектив существования в современной поэзии. Книга была по достоинству оценена советскими литературоведами, но ряд вопросов, связанных со спецификой жанра, остался за пределами внимания исследователей, что и позволяет обратиться к ним в данной статье.

Лирические эпиграммы Маршака — своеобразное возрождение эпиграммы как малой лирической формы. С традиционными особенностями жанра их связывает композиционная завершенность, отточенность формы, афористичность, лаконизм. Вместе с тем, эпиграммы Маршака — обновление жанра на основе богатейших традиций классической русской и мировой лирики, достижений советской поэзии. То новое, что вносят эпиграммы Маршака в специфику жанра, касается прежде всего видового своеобразия эпиграммы: меняется характер "самовыражения" субъекта, его отношения к объекту, т.е. один из важных критериев жанровой определенности. В сатирической эпиграмме субъект находится как бы в "оппозиции" к объекту, в "конфликтных" с ним отношениях. Именно такое содержание субъект-

---

⁺ С.Маршак. "Лирические эпиграммы". Изд. "Советский писатель" М., 1965. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страницы в тексте.

но — объектных отношений определяет форму эпиграммы, язвительно-насмешливый, а то и едко-сатирический ее тон. "Четыре строчки источают яд, когда живет в них злая эпиграмма", — скажет Маршак, отмечая как жанровую специфику эпиграммы оппозиционный характер отношения лирического субъекта к предмету изображения. Причем, сатирическая эпиграмма эту конфликтность как бы абсолютизирует, без нее эпиграмма утрачивает свою соль.

Возрождая эпиграмму в ее наиболее древней традиционной форме лирической миниатюры, Маршак "снимает" эту абсолютизацию, сопоставляет сугубо сатирические функции эпиграммы, возвращая жанру его положительные функции, делая предметом его изображения все богатство объективного мира и человеческой души. Очевидно, именно этот акцент на положительном, со знаком плюса содержания эпиграммы и побудил Маршака назвать свои эпиграммы лирическими, хотя вряд ли поэт не заметил тавтологичности предложенной им дефиниции.⁺⁺

Маршак чрезвычайно расширил содержательные возможности эпиграмматической формы: амплитуда ее тематики колеблется в его книге от проблем вечности до вопросов ежедневного человеческого бытия. Художественный мир эпиграмм отличается широтой и разнообразием — здесь и философское, проникнутое лиризмом раздумье над временем, творческим гением человека, красотой и мудростью

⁺⁺ И мы, сознавая условность этого термина, тем не менее будем пользоваться им в дальнейшем в качестве рабочего.

природы, здесь — мысли об искусстве, о личности художника, о долге поэта.

Лирические эпиграммы запечатлели и картины времени с его выразительными приметами, данными сквозь призму восприятия отдельной личности, и нравственный портрет человека. Они отразили преломленные в индивидуальном опыте, трансформированные в личности поэта черты философии, мироощущения современника Октябрьской революции, человека нового мира. В книге эпиграмм С.Маршака нашла выражение общая тенденция современной лирики — стремление к философскому осмыслению действительности. При этом "вечные" темы С.Маршак решает с позиций мировоззрения и морали современного человека.

Эпиграммы С.Маршака различны по своим жанровым оттенкам. Это и философское размышление, и лирическая миниатюра, и публицистическая мысль, выраженная в афористической форме, и надпись, и пейзажная зарисовка, и насмешливая эпиграмма.

Лирика С.Маршака отличается полифоничностью интонации, богатством образного спектра. В ней выражена вся гамма настроений и чувств поэта — и детски-удивленный взгляд на мир, и мудрая рассудительность жизнь познавшего человека, и лукавая насмешливость, и затаенная скорбь. Но при всем том преобладающая тональность их — элегическая, идущая от раздумий над проблемами социального и личного бытия, над делами житейскими и литературными, над вечными вопросами жизни и смерти. Этот элегический тон лирических и философских медитаций дает еще одно основание для сопоставления лирических эпиграмм С.Маршака с их античным прообразом.

Античная эпиграмма обычно писалась в форме элегического дистиха (двустихия, представляющего сочетание гекзаметра и пентаметра), содержанием которого была "глубокая житейско-философская мысль, вызывающая на размышления".¹ Примечательно, что лирическая эпиграмма не только усваивает содержательную сторону своего античного прообраза, но и использует его форму. Так в книге есть эпиграмма, написанная именно в такой форме двойного дистиха, где первый и третий стихи представляют собой гекзаметр, а второй и четвертый – пентаметр:

Время любви тяжело, если даже несут его двое,
Нашу с тобой любовь нынче несут я один.
Долю мою и твою берегу я ревниво и свято,
Но для кого и зачем, сам я сказать не могу.

(23)

Это использование античной ритмической формы – еще одно доказательство осознанной самим поэтом генетической связи лирической эпиграммы с ее классическим источником.

Лирические эпиграммы С.Маршака – убедительное свидетельство емкости малой лирической формы, почти не превышающей размеров восьмистишия. Маршак осознает огромные содержательные возможности эпиграммы, способной передать не только силу душевных чувств, но и дыхание жизненных бурь. Это модель, повторяющая в миниатюре огромность объективного мира. Ее пространственную вместимость и жизненную многоплановость отмечает и сам автор:

Пусть будет небом верхняя строка,
А во второй - клубятся облака,
На нижнюю сквозь третью дождик льется,
И ловит капли детская рука.

(9)

С.Маршак обнаруживает тонкое и глубокое понимание специфики жанра, одна из важнейших особенностей которого заключается в том, что образ-переживание в эпиграмме отличается высокой степенью абстрагирования, обобщения, типизации. Поэт стремится, не утрачивая связи с конкретным явлением, отвлечься вместе с тем от частного повода и, - по его словам - "возвыситься до такого обобщения", чтобы заключенная в стихотворении "внутренняя правда" относилась не только к данному лицу, факту, явлению, чтобы эпиграмма, "сохраняя весь жанр непосредственного чувства", всю его остроту, "переросла рамки личного и злободневного". Именно в этой способности достигать высокой степени абстрагирования при внутренней связи с конкретным видит поэт закон жанра. "Прочные стены искусства, - считал он, - не должны нагреваться и коробиться от огня, пылающего внутри".² В одной из эпиграмм С.Маршак писал:

Дождись, поэт, душевного затишья,
Чтобы дыханье бури передать,
Чтобы легло одно четверостишье
В твою давно раскрытую тетрадь.

(8)

"Душевное затишье" и необходимо поэту как раз для того, чтобы

"жар чувства" не покоробил стены искусства.

Высокая степень обобщения – залог долгой жизни эпиграммы, интересной не только и не столько своей злободневностью, сколько типичностью явлений, в ней отраженных, и в таком случае представляющей интерес для людей разных эпох.

Законы жанра определили и такую особенность лирических эпиграмм, как емкость художественного образа. При минимальных возможностях лирической миниатюры, часто в пределах короткой монострофы, поэт стремится к максимальной выразительности. Вследствие краткости формы, уменьшения размера строфы увеличивается смысловая нагрузка образа. Образ в эпigramме сжат, как пружина, каркасом строфы, таит в себе огромные динамические и выразительные возможности. Он часто опирается на ассоциации далекого плана, стремясь к большему "захвату" явлений действительности, их уплотнению, конденсации. При чтении эпиграммы, ее читательской "дешифровке" происходит как бы высвобождение этой конденсированной энергии образа, что дает простор для мыслей, раздумий читателя, открывает возможность для расширения смысла. Художественный образ строится на метафоре, зачастую представляющей собой ассоциативное сближение далеко отстоящих друг от друга явлений. При этом возможны пропуски отдельных звеньев в цепи ассоциаций, создающих художественный образ. Пример такой емкости образа, основанного на ассоциациях, – эпиграмма о человеке, не имеющем своего личного мнения, подобострастно повторяющем оценки других:

Определять вещам и людям цену
Он каждый раз предоставлял другим.
В театре жизни видел он не сцену,
А лысины сидящих перед ним.

(45)

Детали "театр" (жизни), "лысины" — это те единственные опорные моменты ассоциаций, которые должны вызвать в памяти чеховского чиновника, имевшего несчастье чихнуть на лысину значительного лица.

Еще сложнее механизм метафоры в следующей эпиграмме, художественная мысль которой не легко и не сразу поддается расшифровке:

О том, что жизнь — борьба людей и рока,
От мудрецов древнейших слышал мир.
Но с часовой стрелкою Востока
Минутную соединил Шекспир.

(67)

Здесь, как впрочем, и в других случаях, проявляется еще одна специфическая черта эпиграмматической лирики. "Плотность" ее художественного образа предполагает тесный контакт писательского замысла и его читательского понимания. В сущности, именно в результате такого взаимодействия и обнаруживается та многомерность поэтического образа, которая не исчерпывается авторской "программой". Маршак отводит читателю активную роль в создании художественного образа. Читатель выступает даже в некото-

ром роде соавтором художественного произведения. Маршак говорил, что талант нужен не только поэту, но и его читателям. Читатель — "тоже художник, — писал он в статье "О талантливом читателе", — иначе мы не могли бы разговаривать с ним на языке образов и красок... Художник-автор берет на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель." ³

Уважение и доверие поэта к "художнику-читателю", "талантливому, чуткому, обладающему творческим воображением", проявляется в книге С.Маршака и в том, что поэт не чуждается сложных метафорических образов: они будят мысль.

Поэт высокой стихотворной культуры, С.Маршак предстает в эпиграммах во всем блеске своего таланта, поэтической вооруженности. Все формальные возможности структуры — композиция, строфика, ритм, рифма, интонация, мелодика — вплоть до графического рисунка стиха — взяты поэтом на службу смыслу, содержанию. Мы наблюдаем в его стихах тот "эффект сцепления" ⁺ идеи с формой, который и является показателем мастерства. Слово звучащее и слово значимое образуют в эпиграммах плотный сплав и выступают в сложных образотворческих связях. Совершенно исключительна роль звукописи в лирике С.Маршака. Вот эпиграмма, где главная мысль выражена в форме вопроса: "Если слух умирает, разве должен и звук умереть?" и ответа на него: "Человек слышит сердцем".

⁺ Термин принадлежит А.С.Бушмину. См. его работу "Методологические вопросы литературоведческих исследований". Изд. "Наука". Л., 1969. стр. 105.

Люди пьют, а время стирает,
Все стирает, что может стереть.
Но скажи: если слух умирает,
Разве должен и звук умереть?

Он становится глуше и тише,
Он смешаться готов с тишиной.
И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

(24)

Глухому, умирающему, исчезающему "слуху" соответствуют аллитерации, основанные на согласных, словно повторяющих, как отзвук, глухие С, Х и Т в словах "слух", "стирает", "тишина". Зато, как только в строке появляется слово "звук" и связанное с ним "голос" — она наполняется звонкими Д, З, Г. ("Разве должен и звук умереть"). И как громко звучат Г, Д, Р в словах "голос" и "грудной" в последнем стихе — словно победное доказательство того, что звук не умирает со слухом:

И не слухом, а сердцем я слышу
Этот смех, этот голос грудной.

С.Маршак умеет создать тонкий и точный ритмико-мелодический рисунок, сделав ритм подвластным художественному замыслу:

Дыхание свободно в каждой гласной,
В согласных — прерывается на миг.

(72)

Во втором стихе этого пятистопного ямба совпадение безударных на 3-ем, 4-ом и 5-ом, а также 7-ом, 8-ом и 9-ом слогах, дополненное паузой на месте тире, создает задержку в движении стиха и вызывает физическое ощущение перерыва дыхания.

Маршак говорил, что у хороших поэтов все точки и тире вписаны в стих ритмом. И у него самого графический рисунок стиха — деление на полуступиши или намеренно растянутая в сопоставлении с другими стихами строка — обязан со смыслом, "работает" на художественный образ. Например:

Нужна нам отвага
Для первого шага,
А кто упадет, не рискнет на второй, —
Тот дважды герой.

(42)

Здесь третий стих почти в два раза длиннее всех остальных, но в нем — главный смысловой акцент всего стихотворения — ведь он — то как бы и заключает в себе эти два шага, словно материально воплощая идею в композиции стихотворения.

Даже место слов в стихе и расположение строк поставлено на службу мысли. В "Заметках о сказках Пушкина" Маршак писал о том, как поразили его стихи в "Сказке о царе Салтане":

Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.

"Как не случайно, — писал Маршак, — то, что небо помещено в верхней строчке, а море — в нижней". И, вероятно, не случайно, но и

не искусственно и преднамеренно, использовал он сам этот прием в своей эпиграмме:

Небо. Море.
Море. Небо.
Позабудешь о земле, -
Словно ты на ней и не был,
Век провел на корабле.

Но когда впотьмах на койку
Заберешься, как в жилье,
Видишь землю, землю только,
Только землю. Да ее.

(84)

Противостояние слов в первом и втором стихе этой эпиграммы вызывает ощущение качки. Само место этих слов в соседних стихах -

Небо. Море. | Море. Небо.

создает картину медленного, как бы задержанного переваливания корабля с волны на волну. А в последних стихах, как магнитную стрелку к желанному берегу притягивает трехкратное повторение слова "земля":

Видишь землю, землю только,
Только землю.

Место и роль слова в образной системе этого стихотворения, способность волновать "простым сочетанием немногих слов", заставляет вспомнить то, что писал Маршак о поэте:

"Слова для него – не застывшие термины, а живые, играющие образы, зримые, внятные, рожденные реальностью и рождающие реальность" (подчеркнуто нами – Д. Ч.). ⁴

Маршак перевел и не раз цитировал полюбившиеся ему стихи Гейне:

Материю песни, ее вещество
Не высосет автор из пальца.
Сам бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у него матерьяльца.

А ценность материи придает
Искусная обработка.

Маршак сам знал толк в "материи песни" и умел ценить ее искусную обработку. Его эпиграммы оставляют впечатление тонкой работы мастера и вместе с тем поражают ненарочитостью приемов, отсутствием следов "обработки". Это то "таинственное совпадение" формы и содержания, которое объясняется талантом и вдохновением. Маршак был решительным противником внешней эффективности, нагнетания "приемов". Перечисление "статей", – говорил он, – забота коннозаводчиков; внешняя эффективность – это "банальность наизнанку"; образ-самоцель – "некоторое подобие флюса". Он был за стих-трудящего, за честную работу стиха против бессмысленной траты его "чудесной силы" на "словесные фиоритуры". ⁵ Главное для него – не приемы, а правда стиха, отражающего правду жизни, правду чувства и человеческих характеров. Он не признавал "академических".

снобистских теоретических споров, ему, мастеру, чуждо было ученое высокомерие метра. Аргументом в пользу ДА или НЕТ в поэтическом споре была для него гармония формы стиха и правды, которую он не-сет. Он знал высшую поэтическую мудрость, согласно которой "сло-ва не меж собой рифмуются, а с правдой":

Когда вы долго слушаете споры
О старых рифмах и созвучьях новых,
О вольных и классических размерах, -
Приятно Вдруг услышать за окном
Живую речь без рифмы и размера,
Простую речь: - А скоро будет дождь.

Слова, что бегло произнес прохожий,
Не меж собой рифмуются, а с правдой -
С дождем, который скоро про шумит. ⁶

Высокое искусство эпиграмм Маршака, продемонстрированные поэтом выразительные и содержательные возможности эпиграмматической лирики, открывают путь к серьезному разговору о ее судьбе в современной лирической поэзии, побуждают к глубокому и всесто-роннему научному исследованию древнего и нестарящего жанра.

Л и т е р а т у р а

1. А.Квятковский, Поэтический словарь. Изд. "Советская энциклопедия". М., 1966. стр. 350.
2. С.Маршак. Воспитание словом. Статьи, заметки, воспоминания. М., "Советский писатель". 1964., стр. 145, 146.
3. Там же, стр. 104.
4. Там же, стр. III.
5. Там же, стр. 140.
6. С.Маршак. Сочинения в 4-х тт., т.2. стр. 19.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА В "ТРЕХ СЕСТРАХ" А.П. ЧЕХОВА

Гейр Хетсо (г. Осло)

Под термином "символ" в литературоведении обычно подразумевается предметный образ, объединяющий собой разные планы воспроизводимой художником действительности на основе их существенной общности. Утренняя заря воспринимается как символ юности, ночь как символ смерти, и роза как символ любви. В истинной символике, — говорит Гете, — общее репрезентируется особенным, не как сон и тень, а как живое и моментальное откровение неисследованного. ¹

Итак, задача символа состоит в том, чтобы раскрыть непостижимое и неисследуемое. Именно в этом кроется и трудность при любом истолковании символа. Поскольку символ всегда есть не прямая выраженность вещи, но простое ее идейно-образное отражение, во всяком символе всегда скрывается как бы некоторого рода загадочность или таинственность, которую нужно еще разгадать. Будучи отражением вещи, символ содержит в себе гораздо больше, чем сама вещь в ее непосредственном явлении. Каждую вещь мы видим такой, какой она является в момент нашего рассмотрения. Но символ вещи в скрытой форме содержит в себе все вообще возможные проявления вещи. ² Из этого следует, что все художественные символы в принципе многозначны.

Тем не менее символы можно истолковать, во всяком случае более или менее убедительно. Многократно повторяясь в течение веков, символы обрастают смысловыми ассоциациями, одинаковыми

для всех людей, имеющих одно и то же культурное наследие. В частности это относится к так называемым условным символам, например, к краскам. Белым обыкновенно обозначают чистоту и радость, черным грусть и разочарование, синим задумчивую тоску по недостигаемому и недостижимому (ср. "синий цветок" у романтиков).

Однако, можно добиться согласия и при истолковании более индивидуальных символов, в особенности когда символ проходит через целое произведение, образуя его лейтмотив. Возьмем для примера хотя бы дику утку у Ибсена и чайку у Чехова. Все, наверное, соглашется, что птица в этих пьесах по отношению к Хедвиг и Нине является символом погибшей человеческой души. И причину согласия в интерпретации этого символа следует искать не только в семантическом содержании этих пьес, но и в том, что птица в течение веков употреблялась для обозначения именно человеческой души. Таким образом, этот символ прочно укрепился в "коллективном сознании" человека.

Говоря о символах в пьесах Чехова, небезынтересно констатировать, что его лучшие пьесы были написаны как раз в то время, когда ведущим литературным направлением в России был символизм. Отношение драматурга к символистам все еще остается мало изученным. Известно, однако, что Чехов был в приятельских и даже дружеских отношениях с такими писателями-символистами, как Мережковский, Бальмонт и Андреев, и что он считал бельгийского символиста Метерлинка своим любимым драматургом. Поэтому нет ничего удивительного в овидетельстве В.Немировича-Данченко о том, что "Че-

хов симпатизировал символистам".³ Несомненно, что Чехов с интересом следил за новаторскими стремлениями символистов и, не в последнюю очередь, за их сознательной работой над поэтическими символами.

Конечно, доказывать, что Чехов был писателем-символистом, мы не будем. У драматургов символизма каждое внешнее действие обычно имеет своей целью указать на какой-то мистически окрашенный опыт. Подобного рода опыта не было у Чехова, чей умственный склад в основном был реалистическим, направленным на рациональное и конкретное. Но несмотря на реалистическое изображение писателем действительности, наличие в его пьесах символических элементов все же дает нам основание искать чего-то иного и невысказанного за происходящими на сцене конкретными событиями.

В своих "Арабесках" Андрей Белый говорит о том, что Чехов в русской литературе образует перекресток, место пересечения двух дорог, а именно реализма и символизма.⁴ "Чехов — художник-реалист", — пишет Белый в другом месте. Но одновременно он добавляет: "Из этого не вытекает отсутствие у него символов". Потом Белый таким образом характеризует символизм Чехова:

Его герои очерчены внешними штрихами, а мы постигаем их изнутри. Они ходят, пьют, говорят пустяки, а мы видим бездны духа, сквозящие в них. Они говорят, как заключенные в тюрьму, а мы узнали о них что-то такое, чего они

сами в себе не заметили. В мелочах, которыми они живут, для нас открывается какой-то тайный шифр - и мелочи уже не мелочи. Пошлость их жизни чем-то нейтрализована. В мелочах ее всюду открывается что-то грандиозное. Разве это не называется смотреть сквозь пошлость? А смотреть сквозь что-либо - значит быть символистом. Глядя сквозь, я соединяю предмет с тем, что за ним. При таком отношении символизм неизбежен. ⁵

Совершенно ясно, что понятия "символист" и "человек, употребляющий поэтические символы" не равнозначны. Но связь драматургии Чехова с драматургией символистов отнюдь не ограничивается употреблением символов. Отличительной чертой в драматургии символистов является то, что символ начинает играть существенную роль в самом построении или в структуре драмы.

Именно это характерно и для поздних и наиболее совершенных пьес Чехова. в пьесах "Чайка" и "Вишневый сад", например, главные символы появляются уже в заглавиях. Потом эти символы проходят через все действия, придавая пьесам символическую структуру.

Однако главная причина частого употребления Чеховым символов определяется не эпохой, а своеобразием его драмы.

В традиционной драме, например, у Скриба, мы наблюдаем внешние конфликты между каузально мыслящими героями. У Чехова же интрига перестает быть единственной движущей пружиной сюжета. Большую роль приобретают атмосфера, лирический тон. Но вместе с тем эта драма настроения получает сложный эпический характер, где одновременно развивается ряд линий без тематической зависимости.

"Чеховские пьесы являются кратко написанными большими романами", — пишет А. Роскин, указывая на то, что "драматического содержания в "Трех сестрах" в руках драматурга старой школы хватило бы на несколько пьес".⁶ Эта точка зрения как бы находит в себе поддержку у самого Антона Павловича, заявляющего, что "пьеса оложная, как роман".⁷ Кстати, о том же пишет Немирович-Данченко в письме к Чехову: "Фабула разворачивается как в эпическом произведении, без тех толчков, какими должны были пользоваться драматурги старого фасона".⁸

Для того, чтобы эта "романизирующаяся" драма не распадалась, Чехов нуждался в новых структуральных элементах, которые могли бы придать его пьесам драматическое единство. Именно здесь приходят ему на помощь символы. Так, в "Трех сестрах" центральным структурирующим символом становится Москва, недосыгаемый город, на который направлено все действие пьесы.

Что "Три сестры"—необычайно богатая символами пьеса, было отмечено еще современниками Чехова. Так, сразу после появления пьесы на нее была написана пародия Виктора Буренина с характерным подзаглавием "Символическая драма в четырех действиях с настроением". Потом пьеса Чехова стала благодатной почвой для более или менее удачной охоты за символами со стороны литературоведов. Дэвид Магаршак, например, говорит о том, что в этой пьесе обращает на себя внимание "a lavish scattering of symbols which help to reveal the hidden nature of each character".⁹ В качестве примеров исследователь упоминает зеленый пояс Наташи, потеря-

ный ключ Андрея, серебряный самовар Чебутыкина и флакон с одеколоном Соленого. В настоящей статье наше внимание привлекают другие символы, которые не только проливают свет на характеры действующих лиц, но и играют важную роль для самого построения пьесы.

Большое значение у Чехова имеют ремарки к тексту, указывающие на господствующее настроение пьесы. В начале первого действия "Трех сестер" обращает на себя внимание следующая ремарка: "Полдень; на дворе солнечно, весело".¹⁰ На первый взгляд здесь солнечная погода гармонирует с миром иллюзий, в котором живут действующие лица. Но мало того: в первом действии солнце постепенно становится символом, предвещающим центральные темы пьесы, и, таким образом, конструирующим дальнейшее драматическое действие. Именно благодаря солнцу Ольга вспоминает холодную погоду, когда ровно год назад умер их отец, и в то же время еще лучшую погоду, когда одиннадцать лет назад они покидали Москву. Хотя и сейчас погода хороша, но березы все же еще не распускались. А в Москве уже все было в цвету. Значит, по мнению Ольги, солнечная погода теперь не может сравниться с солнечной погодой тогда. В Ольге погода в скучном провинциальном городе вызывает только страстное желание вернуться в Москву, где "все залито солнцем" (534). Итак, с помощью символа солнца Чехов в нескольких штрихах дает нам экспозицию своей пьесы. Нынешнее место пребывания семьи Прозоровых ассоциируется с относительным холодом и нераспускающейся жизнью, между тем, как Москва связана с теплом и

полнотой жизни. Путем символа солнца введена главная тема пьесы: тоска по лучшей жизни, по потерянному раю.

Однако главный носитель символа солнца все-же именинница Ирина, которая сплошь и рядом ассоциируется с солнцем. Два раза Ольга замечает, что Ирина "сияет" (534, 535), и потом мы узнаем, что в ее комнате "целый день солнце" (553). Веселое настроение Ирины получает символическое выражение также в ее белом платье, ярко вырисовывающемся на фоне платьев сестер. Синее форменное платье Ольги воспринимается нами как намек на неосуществимую мечту о возвращении в Москву, между тем, как грустная Маша ходит в черном платье. Ирина же очастлива и как бы в родстве с светлым весенним днем. Ей двадцать лет, она только что вступила в весну молодости. Примечательно в этом отношении то, что когда Ольга упоминает ее белое платье и сияющее лицо, Чехов в ремарке пишет, что "часы бьют двенадцать" (534). Ирина точно на парусах, над ней широкое голубое небо и носятся большие белые птицы. "Птица моя белая", — нежно обращается к ней Чебутыкин (536). Ее настроение полностью гармонирует с веселой солнечной погодой на дворе.

Но символ солнца указывает не только на жизнерадостное настроение Ирины. Этот символ действует и в более глубоком плане. Когда Ирина в этот солнечный день проснулась, то ей вдруг стало казаться, что для нее "все ясно на этом свете" (536-537). Итак, солнце освещает не только лицо Ирины: оно вместе с тем поясняет ей, в чем заключается смысл и цель человеческой жизни: человек

должен трудиться, работать в поте лица. Таким образом, опять-таки с помощью символа, введена в пьесу другая важная тема, а именно тоска по труду, по самопожертвованию, ставшая центром в последующих философских дискуссиях. Благодаря солнцу вспоминает о своей работе даже ленивый и апатичный брат Андрей: "Думал о том, о сем, а тут ранний рассвет, солнце так и лезет в спальню. Хочу за лето, пока буду здесь, перевести одну книжку с английского" (545).

В течение первого акта сплошь и рядом упоминаются солнце и прекрасная погода. Но когда в последний раз Родэ громко заявляет, что "погода сегодня очаровательная, одно великолепие" (551), то чистое небо скоро омрачается мрачным облаком. И этим мрачным облаком является Наташа, будущая жена Андрея.

С появлением Наташи дом Прозоровых погружается во мрак, и образно, и буквально. Первый акт был отмечен счастливой имениницей Ириной, носителем символа солнца. Второй акт имеет "декорацию первого акта" (552), но сцена уже не залита солнцем. Теперь на сцену спустился мрак: "нет огня", говорит Чехов в пояснении к тексту (552). Настроение мрака и страха, овладевшее домом, ранее согретым солнцем и радостными надеждами, хорошо отмечено в режиссерском экземпляре Станиславского: "В гостиной темно, печь догорает, только полоса света падает из отворенной в комнату Андрея двери. (...) В столовой лампа готова потухнуть (висящая над столом), она то вспыхивает, то опять тухнет..."^{II}.
Но чем мрачнее фон, тем ярче вспыхивает Наташин символ. И этим

символом является искусственно изготовленная свеча, принесенная ею на сцену уже в начале акта: "Входит Наталья Ивановна в капоте, со свечой" (552).

Подобно лампе свеча является старинным символом индивидуализированного света, символом жизни индивида в противоположность космической и универсальной жизни.¹² В "Трех сестрах" можно истолковать свечу Наташи как противоположность световому символу Ирины, солнцу из первого акта. Световой символ Ирины указывал путь к бескорыстному труду, заставляя и ее, и всех, окружающих ее, сиять от радости. Не то световой символ Наташи. Он репрезентирует только эгоистическую власть и уничтожение. Характерно, что Наташа входит лишь для того, чтобы проверить, нет ли в комнате другого огня. Недавно она пришла в ярость из-за того, что кто-то зажег другую свечу. Значит теперь только ее свеча должна светить в доме Прозоровых. Тогда эта свеча будет светить еще ярче, и все в доме будет под ее надзором. Она уже узурпирует всю власть в доме. Бессильный Андрей уже не пытается вырваться из света, пролитого ее символом: в примечательной ремарке Чехов пишет, что "Андрей, нагнувшись к забытой ею свече, читает книгу" (554). Потом, в том же акте, "Андрей входит с книгой тихо и садится у свечи" (565). Теперь горничная зажгла другие свечи. Но как зажигание, так и тушение свечей теперь происходит по приказанию Наташи.

Также и в переносном плане Наташа теперь выступает в роли "гасителя света". Так, именно она отменяет вечер с ряжеными,

именно она выгоняет из дому гостей и заставляет Ирину уступить свою солнечную комнату Бобику. От веселого, весеннего солнца первого акта теперь ничего не остается. На дворе дует холодный ветер, проникая и в дом, и в людей. Маша "уже и забыла, какое лето" (562). В печке шум, гудит в трубе, как было перед смертью генерала. Это дурная примета, как бы предвещающая набат в следующем акте.

В конце второго акта Наташа опять-таки входит в темную комнату со свечой. Сама по себе эта "мещанка", как ее зовет Маша (566), не требует детального истолкования. Она выступает одним из самых гнусных женских образов в русской литературе, являясь по существу воплощением пошлости. Проходя со свечой и рассматривая комнату, она с удовольствием констатирует, что все сложилось по ее желанию. Все гости уже выгнаны, отравлена радость других, — теперь она может наслаждаться своей радостью на тройке своего любовника Протопопова.

Тем, что Наташа и в начале, и в конце акта проходит со свечой, создается чрезвычайно эффектная рамочная композиция, подчеркивающая ее власть в доме Прозоровых: Наташа как бы окружила дом своим разрушительным символом. Андрей уже давно стал ее послушным инструментом, — он теперь сидит в клубе и проигрывает дом, который должен попасть в ее жадные руки. Таким образом ставится под угрозу само условие запланированного переселения в Москву.

В третьем акте разрушительный эффект символа Наташи стано-

вится ясен всем. В городе овирепствует пожар. С первого взгляда пожар как будто не прямо связан с действием пьесы. Ведь он происходит далеко от дома, только окна — красные от зарева. Но с точки зрения символической структуры пьесы, пожар имеет уже непосредственное отношение к дому, к жизни и судьбе сестер.

В третий раз Наташа теперь выходит на сцену со свечой. В письме к Станиславскому во время работы над пьесой в Художественном театре Чехов предложил, чтобы она проходила "по сцене, по одной линии, ни на кого и ни на что не глядя, а la леди Макбет, со свечой — этак короче и страшней" (XII, 387). По меткому замечанию Маши Наташа "ходит так, как будто она подожгла" (581). Пожар, таким образом, воспринимается, как результат ее разрушительного символа.

События третьего действия происходят более чем через три года после ее появления в доме Прозоровых.¹³ В связи с этим примечательна ремарка Чехова в начале акта: "За сценой бьют в набат по случаю пожара, начавшегося уже давно" (570). Символический смысл имеет, пожалуй, и то, что пожар заставляет Вершинина вспомнить те времена, "когда набегал неожиданно враг, грабил, зажигал..." (577). Наташа является как раз врагом сестер, словно поджигавшим их дом своим символом. Перед двумя разрушительными символами, пожаром в городе и Наташиной свечой в доме, Андрей совершенно беспомощен. "И вот все побежали на пожар, а он сидит у себя в комнате и никакого внимания", — замечает Ирина (580). Против воли он стал орудием разрушения сестер: без их согласия он заложил

дом в банке и все деньги забрала его жена. Но горит не этот реальный дом, уже перешедший во владение Наташи. Горит только дом сестер: за своими ширмами они уже не так бездомны, как и пострадавшие от пожара, нашедшие себе убежище внизу под лестницей.

Точно так же уничтожается во время этого пожара мечта о Москве.

Недаром пожар заставляет Ферапонта вспомнить московский пожар в 1812 году. Это уже явный намек на гибель мечты о переселении в Москву.

Бездомность сестер еще более подчеркивается в четвертом и последнем акте, действие которого происходит в "старом саду при доме Прозоровых" (585). В третьем акте по саду проезжала пожарная команда, и когда мы находим сестер в саду, то сад снова ассоциируется с свирепостью пожара. Этот сад как бы выступает местом ссылки для сестер, теперь окончательно выгнанных из своего дома. Ирина считает себя вынужденной оставить город вместе с мужчиной, которого она не любит, а Ольга получила место в новой школе. Здесь Протопопов назначил ее начальницей, для того, чтобы действовать более свободно в доме. В связи с этим интересно, что Станиславокий в своей постановке пьесы заставляет Наташу тянуть занавес через балкон, и таким образом отделиться от происходящего в саду. 14

Однако, отделанный от пошлого мира Наташи, полный цветов и деревьев, сад имеет вместе с тем и положительные коннотации, "Сколько, однако, у вас цветов", - восклицает в первом акте Вершинин. "У меня в жизни нехватало именно вот таких цветов..."

(546). Еще раньше Вершинин восхищался растущими в саду Прозоровых "милыми, скромными березами", которые он любит больше всех деревьев (542). Мучимая мысль о предстоящем прощании с Вершининым, Маша в последнем акте нашла себе убежище среди этих цветов и деревьев. "Привык я к вам", - говорит Вершинин, оглядывая сад, где ищут Машу (596). Но когда она входит, мы понимаем, что сад репрезентирует лишь то, что могло бы стать счастьем. Продолжительный поцелуй Маши и Вершинина все же остается прощальным - они расстаются навсегда.

Что сад репрезентирует только потенциальное счастье, явствует также из прощальных слов Тузенбаха, обращенных к Ирине:

Тузенбах:... Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с любопытством и ждет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь! (Крик: "Ау! Гоп-гоп!"). Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если и я умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе. Прощай, моя милая... (594).

Итак, жизнь около этих деревьев могла бы быть прекрасной. Но в середине реплики звучит крик с места дуэли, вызывая у Тузенбаха предчувствие гибели. Вскоре раздается выстрел. И вот сестры одни с деревьями, которые тоже обречены на скорую гибель. "Значит, завтра я уже одна тут", - вздыхает Наташа. "Велю прежде всего срубить эту еловую аллею, потом вот этот клен... По вечерам он

такой некрасивый..." (590). Таким образом, Наташа не удовлетворяется разрушением счастья, она вместе с тем собирается убить и ту возможность счастья, которая репрезентируется символом сада.

Вообще между первым и последним актами "Трех сестер" заметно коренное отличие. Действие первое происходит весной и отмечено надеждой и приходом гостей. А действие четвертое происходит осенью и отмечено грустью и прощанием. В этой пьесе, как и в "Вишневом саду", мы – свидетели циклического построения, имеющего несомненную символическую функцию.

Однако сад не только символ потенциального счастья. Являясь местом, где природа огорожена, приведена в порядок, сад вместе с тем воспринимается как символ сознательного, в противоположность лесу, символу бессознательного.¹⁵ Думается, что подобное истолкование символа сада весьма уместно в "Трех сестрах". Ведь именно в саду сестры проходят к окончательному сознанию того, что мечта о возвращении в Москву в сущности иллюзорна. Именно здесь они сознаются в том, что истинную жизнь следует искать не в прошлом, а в будущем. А это будущее можно создать только при помощи бескорыстного труда в настоящем.

Главная тема "Трех сестер" – это мечта о Москве. В сознании трех сестер Москва – символ счастья. Однако, следя за развитием этого символа в драме, мы видим, как он постепенно теряет свою силу. Символ Москвы как бы удушается безжалостной действительностью, окружающей трех сестер. Это наблюдение подкрепляется подсчетами. В первом и втором актах Москва названа по 18 раз. А в

двух последних актах это число резко сокращается. В третьем акте город упоминается пять раз, а в последнем акте только три раза. Приведем несколько характерных реплик, показывающих постепенное увядание мечты о Москве:

Действие первое (май):

Ирина: Александр Игнатьевич, вы из Москвы... Вот неожиданность!

Ольга: Ведь мы туда переезжаем.

Ирина: Думаем, к осени будем уже там. Наш родной город, мы родились там... На Старой Басманной улице... (Обе смеются от радости) 541).

Действие второе (начало следующего года):

Ирина: ... Господи боже мой, мне Москва снится каждую ночь, я совсем как помешанная. (Смеется.) Мы переезжаем туда в июне, а до июня осталось еще... февраль, март, апрель, май... почти полгода! (558).

Действие третье (более чем через три года после первого акта):

Ирина: ... Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит и никогда не вернется, никогда мы не уедем в Москву... Я вижу, что не уедем... (580).

Действие четвертое (осенью того же года):

Ольга: ... Все делается не по-нашему. Я не хотела быть начальницей, и все-таки сделалась ею. В Москве, значит, не быть (597).

То, что мечта о возвращении в Москву никогда не осуществится, вызывает сострадание к сестрам и создает меланхолическое

настроение пьесы. Но что придает пьесе еще более мрачные оттенки — это сама иллюзорность этого символа.

На протяжении всей пьесы Чехов неоднократно напоминает зрителю, что сестры, рассматривая Москву как символ нового и лучшего бытия, строят свою жизнь на иллюзии. Это видно еще в начале драмы, когда мечтания Ольги и Ирины о родном городе неоднократно прерываются то грустным свистом Маши, то хором Чебутыкина и Тузенбаха, безжалостно возвращающим сестер к действительности и подчеркивающим всю тщетность их надежд и стремлений:

Ольга: ... Сегодня утром проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно.

Чебутыкин: Чорта с два!

Тузенбах: Конечно, вздор (534).

И вскоре потом:

Ирина: Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и в Москву...

Ольга: Да! Скорее в Москву. (Чебутыкин и Тузенбах смеются.) (536).

Хоровые эффекты, созданные здесь Чебутыкиным и Тузенбахом, весьма характерны для внутреннего действия чеховской драмы. Конечно, этих двух друзей дома Прозоровых нельзя рассматривать как разрушителей счастья, во что бы то ни стало желающих уничтожить мечту сестер о возвращении в Москву. В внешнем плане грубые реплики, произнесенные Чебутыкиным и Тузенбахом, вообще не

имеют никакого отношения к мечтаниям сестер. Только в внутреннем плане эти замечания приобретают связь с символом Москвы: они приходятся на такие места, что выдают иллюзорность этого символа.

Постепенно обстоятельства заставляют сестер увидеть тщетность этого символа и примириться с мыслью, что они никогда не увидят родной город. На этот процесс сознания Чехов намекает в течение всей пьесы. Так во втором акте Ферапонт передает слова подрядчика, будто "поперек всей Москвы канат протянут" (555). В символическом плане канат этот воспринимается как препятствие, преодолеть которое Андрей не в силах. Точно так же, хорошая примета, усматриваемая Ириной в пасьянсе, при ближайшем рассмотрении оказывается предвестием суетности этой надежды:

Ирина: Выйдет пасьянс, я вижу. Будем в Москве.

Федотик: Нет, не выйдет. Видите, осьмерка легла на двойку пик. (Смеется.) Значит, вы не будете в Москве (562).

Яснее всего непрочность этой надежды обнаруживается тогда, когда Вершинин передает известие, будто бригаду хотят перевести куда-то далеко. "И мы уедем!" восклицает Ирина (576). Но в тот же момент Чебутыкин роняет фарфоровые часы, которые разбиваются.

Вещи, которые разбиваются, почти всегда следует рассматривать как символы. Но, как часто бывает у Чехова, этот символ многозначен. Были сделаны попытки истолковать его так, что Чебутыкин считает свою жизнь разбитой в связи с предполагаемым отъездом Ирины.¹⁶ Однако возможно и другое истолкование: зная, что эти фарфоровые часы принадлежали погребенной в Москве мате-

ри сестер, мы чувствуем, что теперь разбивается и погребается и мечта о свидании с этим городом. И в то же время разбитые часы предвещают и судьбу Андрея. "Все надежды пропали", — говорит в четвертом действии Маша, глядя на брата Андрея, который проводит колясочку с Софочкой, дочь Натальи и Протопопова. "Тысячи народа поднимали колокол, потрачено было много труда и денег, а он вдруг и разбился. Вдруг, ни с того, ни с сего. Так и Андрей..." (590).

Тем не менее, как раз в болезненном осознании сестрами суетности московского символа кроется возможность новой жизни в труде. Важно не где живешь, а как живешь. На протяжении всей пьесы Чехов как бы пронесет мысль, что было бы бессмысленно думать, что все изменится к лучшему, если сестры действительно приедут в Москву. Особенно ясно это из реплик Вершинина. Узнав, что Вершинин из Москвы, сестры полны ожиданий. Он, наверное, расскажет о рае их детства! Но скоро им приходится разочароваться в своем госте, который сразу же сопоставляет угрюмый мост в Москве с чудесной рекой в провинциальном городе:

Вершинин: Одно время я жил на Немецкой улице. С Немецкой улицы я хаживал в Красные казармы. Там по пути угрюмый мост, под мостом вода шумит. Одиному становится грустно на душе. (Пауза.) А здесь какая широкая, какая богатая река! Чудесная река!

Ольга: Да, но только холодно. Здесь холодно и комары...

Вершинин: Что вы! Здесь такой здоровый, хороший, славянский

климат. Лес, река... И здесь тоже березы. Милые, скромные березы, я люблю их больше всех деревьев. Хорошо здесь жить... (541-542).

Итак, сестры могут найти счастье даже в этом провинциальном городе, подобно Бальзаку, нашедшему семейное счастье в каком-то скучном, забытом городке на Украине. И напрасно они думают, что этот провинциальный город менее культурен, чем Москва. Андрею, желающему посетить какой-то московский ресторан, Ферапонт рассказывает, что недавно в Москве кто-то обьелся блинами. Значит, Москва может быть таким же серым и некультурным городом, как и города в провинции. Примечателен в этом отношении рассказ Вершинина о французском министре, замечавшем птиц только пока он не был выпущен на свободу. "Так же и вы", - добавляет Вершинин, "не будете замечать Москвы, когда будете жить в ней" (563).

"Счастья у нас нет и не бывает, только мы желаем его", - говорит Вершинин (563). По мере того, как три сестры сознают иллюзорность мечты о переезде в город, которого вообще нет и не может быть, они понимают истинность слов Вершинина и примираются со своей судьбой. Пора смотреть истине в глаза, и это они и делают в заключительной сцене.

Эта сцена, в которой кроется весь смысл пьесы, в разное время истолковывалась по-разному. Большинство исследователей подчеркивает в ней безысходность, часто ссылаясь на слова самого Чехова о том, что настроение в этой пьесе "мрачнее мрачного", и даже "убийственное".¹⁷ К противоположному заключению пришел Дэйвид

Магаршак, который усматривает в этой сцене "a gay affirmation of life ", говоря о том, что вся пьеса " ends on a note of triumph". 18

Как это часто бывает, правда, по-видимому, находится где-то в середине. Характеризовать общее настроение последней сцены категориями оптимизма и пессимизма вряд ли возможно. На наш взгляд более удовлетворительно подходить к ней с категориями героизма и стоицизма.

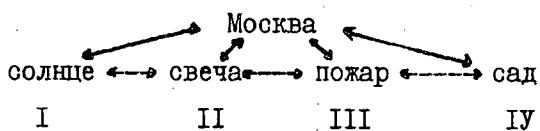
За стеной музыка играет марш. С первого взгляда может создаться впечатление, что это похоронный марш, и что три сестры, следуя призыву Баратынского, теперь совершают тризну по радостям земным своей души ("Осень" строфа 10). Но музыка играет "весело" и "радостно", не похоронный марш, а скорее сбор к выступлению. Это не похоронам трех сестер музыка аккомпанирует, а обретенному ими новому взгляду на жизнь, тому, что они теперь переносят свои надежды из прошлого в будущее, стараясь осуществить эти надежды героическим трудом в настоящем. Ритмические тоны военной музыки только подчеркивают ту героическую волю к жизни, которая выражается словами Маши: "Надо жить... Надо жить...", словами Ирины: "Буду работать, буду работать...", и словами Ольги: "Будем жить!".

Важно подчеркнуть и то, что три сестры в заключительной сцене окружены деревьями. В символическом плане деревья репрезентируют неустанный процесс жизни, рост и развитие, воспринимаясь, таким образом, как символ бессмертия. 19

Пессимистическое истолкование упускает из виду и заключенный в последней сцене элемент активной борьбы с пошлостью. Для трех сестер орудием этой борьбы является труд. Только здесь мы имеем дело не с какой-нибудь оптимистической и фальшивой уверенностью в громадном значении собственного труда, а скорее всего со стойческим подходом к жизни, с твердостью и мужеством в жизненных испытаниях.

В настоящей статье мы старались показать, что каждое из четырех действий "Трех сестер" построено на одном символе, указанном еще в ремарках: первый акт — на символе солнца, второй акт — на символе свечи, третий акт — на символе пожара, и четвертый акт — на символе сада. Первый и последний из этих символов можно рассматривать как положительные, между тем, как второй и третий имеют отрицательные оттенки. При этом все они имеют непосредственную структуральную связь с проходящим через всю пьесу главным символом, а именно с символом Москвы. Проиллюстрировать символическую структуру пьесы можно поэтому с помощью следующей схемы:

Солнце пробуждает мечту сестер о возвращении в Москву, свеча Наташи репрезентирует ту власть, которая препятствует ее осуществлению; во время пожара эта мечта окончательно уничтожается, а в саду пропадают и условия для ее возрождения. Но вместе с тем в саду просыпается сознание трех сестер. Вместо того, что-

бы искать свои идеалы в прошлом, они сознаются в том, что эти идеалы надо искать в будущем. В силу этого сознания сестры, несмотря на кажущуюся победу отрицательных символов над положительными, не впадают в уныние. Наоборот, из наблюдаемой нами борьбы, они выходят закаленными и будут продолжать свою борьбу за лучшее будущее, думая только о том времени, когда "страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас" (600-601).

Таким образом, символы приобретают существенное значение для построения пьесы, как драматически, так и эмоционально.

СНОСКИ

1. "Das ist die wahre Symbolik, wo das Besondere das Allgemei-
nere repräsentirt, nicht als Traum und Schatten, sondern als
lebendig=augenblickliche Offenbarung des Unerforschlichen
/Goethe, Maximen und Reflexionen. Schriften der Goethe=Ge-
sellschaft, 2I. Band, Weimer 1907, p. 59/.
2. См. В.Ф.Лосев, "Проблема символа в связи с близкими к нему
литературоведческими категориями", Известия Академии Наук СССР,
Серия литературы и языка, т. XXIX, вып. 5, 1970, p. 379.
3. Е.Д.Сурков (ред.), Чехов и театр, Москва 1961, стр.305.
4. "Чехов - это завершение целой эпохи русской литературы.
В нем встречаются, в нем скрещиваются противоположные течения:
символизм и реализм" (Андрей Белый, Арабески, Москва 1911,
стр. 393).
5. Андрей Белый, "Вишневый сад", Весы, № 2, 1904, стр. 46-47.
6. А.Роскин, А.П.Чехов. Статьи и очерки, Москва 1959, стр.241
и стр. 270.
7. Чехов и театр, стр. 117. Письмо к В.Ф. Комиссаржевской от
13 ноября 1900 года.
8. Там же, стр. 323. Письмо от 22 января 1901 года.
9. David Magarshack, The Real Chekhov. An Introduction to
Chekhov's Last Plays, London, 1972, p. 125.
10. А.П.Чехов, Собрание сочинений в двенадцати томах, т.IX,
Москва 1963, стр. 534. Дальше ссылки даются по этому изданию
с указанием страницы в скобках.

К ВОПРОСУ ОБ "ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ" СТИХОТВОРЕНИЙ ИВ. БУНИНА

Н.С. Салма

Творчество Бунина-поэта мало изучено. Достаточно сказать, что не существует ни одной монографической работы, посвященной вопросам бунинской поэзии. Исследования в этой области сводятся к отдельным статьям, рецензиям, упоминаниям, в которых дается довольно единообразная оценка поэтического наследия писателя. Из этих разрозненных работ встает образ поэта - эстета, художника по преимуществу. Все исследователи единогласно отмечают в качестве присущих Бунину - художнику черт любовь к природе, точное, предметно-реалистическое изображение ее, элегичность и несамостоятельный, подражательный характер его ранних поэтических произведений. Приблизительно такую оценку дает раннему творчеству Бунина - поэта и О. Михайлов в статье, опубликованной в качестве приложения к первому тому собрания сочинений И.А. Бунина.¹ Указывая на отжитость многих мотивов в ранних стихотворениях Ив. Бунина, критик пишет: "Если ранние опыты Бунина - поэта заставляют вспомнить имена Никитина и Кольцова, то стихи конца 90-х и начала 900-х годов выдержаны в традициях Фета, Полонского, Майкова, Жемчужникова."² Несколько иначе к вопросу о заимствовании мотивов и приемов в творчестве раннего Бунина подходит Т.Г. Динесман в статье "По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина", опубликованной во II-ом томе Литературного наследства.³ Говоря об именах, которые Бунин поставил у истоков своей творческой жизни, автор

статьи указывает на Пушкина и Лермонтова: "Та динамичность, напряженность и острота восприятия окружающего мира, то предчувствие "полноты" предстоящей жизни, которое владело Буни - ным на пороге бытия, находили соответствия в мире поэзии Лермонтова." Развивая свою мысль, Динесман указывает: "Другими словами, поэзия Лермонова открыла Бунину, сколь неисчерпаемы средства изобразительности, таящиеся в мире словесного творчества, сколь безграничны возможности поэтического выражения зримого, чувственного мира. В результате рождаются строки, в которых отчетливо ощущается стремление постичь секрет образности лермонтовского стиха, достигавшейся такими простыми и, казалось бы, прозаическими средствами:

В полночь выхожу один я из дома,
Мерзло по земле шаги стучат,
Звездами осыпан черный сад
И на крышах белая солома:
Трауры полночные лежат." 4

Исследователь считает целый ряд бунинских стихотворений - в том числе и указанное выше - не столько подражательными, сколько сознательно экспериментальными. Бунин, полагает критик, пытался усвоить не столько чужую форму, но самое существо видения мира. Таким образом, Т.Г. Динесман возводит признанную особенность бунинского художественного стиля (и не только раннего) - остроту художественного видения мира,

выражаемую самыми простыми средствами изображения, т.е. не-метафоричность, почти безобразность его стиха - к лермонтовской традиции.

С такой точкой зрения трудно согласиться прежде всего потому, что художественное задание поэта при такой трактовке оказывается сведенным лишь к задаче изобразительной, к "поэтическому выражению зримого чувственного мира". Стихотворения Бунина представляются в оценке Динесмана не определенными структурами, в которых частное /изображение реального мира/ подчинено целому, а всего лишь этюдами, ученическими упражнениями на заданную и уже воплощенную другими художниками тему.

На наш взгляд возведение ранних бунинских стихотворений к тому или иному предшествующему поэту имеет место в критической литературе главным образом потому, что пластическое изображение реального мира у Бунина выдвигается критиками на первый план, а т.к. "предметом изображения" в стихотворениях Ив.Бунина первоначально являлся преимущественно русский пейзаж, запечатленный в таких многих и таких совершенных и пластичных образцах в русской поэзии, то "сходство" молодого Бунина с самыми разными поэтами-предшественниками легко обнаруживается, если не ставить перед исследованием задачу проникнуть в структуру бунинского стиха, а ограничиться взглядом на его поэзию как на "изобразительную" в своей основе.

Остановимся на приведенном автором вышеуказанной статьи стихотворении Ив. Бунина 1888 года.

Анализируя стихотворение "В полночь выхожу один из дома" как целое, мы должны будем неизбежно прийти к выводу о том, что воссоздание реалистически точной картины зримого, чувственного мира являлось отнюдь не поэтическим заданием, а лишь определенным — у Бунина очень ярким и характерным — приемом изображения.

Прежде всего, если рассматривать стихотворение Бунина как "картину" ночи, то придется заметить, что картина эта рождается из отдельных "опосредствованных" компонентов: мерзлый стук шагов по земле = холодная ночь; осыпанный звездами сад = низко висящие звезды; белая солома на крышах = лунный свет.

Картина ночи не дается непосредственно, а воссоздается по ряду "посторонних" физических явлений, каждое из которых, представляя собой в структуре стихотворения деталь, является в то же время очень ярким и пластичным изображением. Такой прием существенно изменяет функцию детали: с одной стороны, отдельные элементы описания воспринимаются как самостоятельные, устойчивые, значимые, реалистически воспроизводящие мир, с другой стороны — именно в силу своей выпуклости и устойчивости — как дробящие картину. Впечатление раздробленности общей картины мира усугубляется и тем, что отображаемые поэтом детали контрастны по отношению друг к другу: "мерзлая земля" и "осыпанный звездами сад", "черный сад" и "белая солома". Однако, бунинские контрасты существуют не как совместимые, подчеркнуто романтические, взаимоисключающие противоречия, а как реальные, непреднамеренные и, пото-

му, случайные подробности, выхватывающиеся из окружающего мира потому, что органически этому миру присущи. Именно поэтому в диссонансах в поэтическом мире Бунина прослушивается гармония. Так в почти одновременно с "В полночь выхожу один из дома" написанном стихотворении молодого поэта "Не видно птиц. Покорно чахнет..." лес — больной, но крепко пахнет в овраге сыростью грибной; гдушь стала светлее, но чернеет темная листва; день холодный угрюм и свеж, и, наконец, столкновение контрастов приводит к характерному бунинскому оксюмору: отрадная грусть.

Хотя Бунину и можно назвать мастером импрессионистического пейзажа, не складывающегося в единую картину, а существующего как ряд отдельных деталей, каждая из которых точно фиксирует лишь обособленную сторону действительности и, таким образом, свидетельствующих о раздробленности, неупорядоченности и случайном характере бытия, его раннюю лирику нельзя приписать к лирике антологической, сугубо пейзажной. В его стихотворениях всегда ощущается присутствие личности, наличествует / возможно, в скрытой форме / ощущение или эмоция лирического героя, организующая пейзаж.

Лирический герой Бунина ищет гармонии в дробящемся, ускользающем, усложнившемся мире: его откровения переводятся поэтом из области логических заключений или лирических медитаций в область импрессионистического восприятия. Поэт, таким образом, стремится не к "воссозданию предельно лаконичными,

точными, реалистическими средствами" окружающего мира, а демонстрирует совершенно новый тип художественного осмысления действительности, заключающийся в осознании личностью действительности как ряда разобщенных и случайностных явлений и в попытке объединить эти явления гармонией.

Сознание лирического героя запечатлевает ряд определенных моментов бытия, открывающихся ему первоначально в ощущениях. Это то, что окружающий мир предоставляет для слуха ("мерзло по земле шаги стучат"), для зрения ("Звездами осыпан черный сад И на крышах - белая солома").

В этом мире, где все предметно, и существует само по себе, лирический герой Бунина ощущает тайную гармонию, не поддающуюся логическому выражению. Гармония может быть уловлена лишь как собственное ответное чувство лирического героя, либо воспринята как особого рода "картина". Путь художественного изображения - не от картины окружающего мира к медитации, лирическому излиянию или логически точной мысли, а от деталей - к мысли-чувству, или к картине, особым образом организованной. Такая специфическая картина появляется в финале рассматриваемого нами стихотворения: "Трауры полночные лежат" - завершающая строка стихотворения - представляет собой откровение лирического героя, попытку выразить невыразимое". Она сообщает композиции открытость, незавершенность, фрагментарность. Границы финалов таких "открытых" композиций, сложившихся у поэта очень рано и существовавших на протяжении всего творчест-

ва, чрезвычайно расширяются. Финалы теряют свое итоговое значение и становятся знаками, апеллирующими к читательскому восприятию.

Заключительные строки таких "открытых" композиций - явление качественно иное по сравнению с картинами, предоставляемыми области чувственного (зрительного, слухового) восприятия. Об этом свидетельствует особая поэтическая организация финалов в поэзии Бунина: в стихотворении "В полночь выхожу один из дома" обращает на себя внимание изменение метрики последней строки. "Смена размеров или их вариаций, - пишет Тимофеев в книге "Основы теории литературы", - свидетельствует вообще о смене переживаний, переводит нас в иную эмоциональную атмосферу." ⁵ Выделена эта строка и синтаксически: двоеточием и резкой паузой перед ней.

Итак, Бунин отправляется от чувственных наблюдений над раздробленным миром и приходит к картинам импрессионистической гармонии, данным как откровение героя, прозревающего гармонию в случайностном потоке бытия. В этом смысле Бунин больше, чем художник, реалистически точно запечатлевающий мир, хотя исходной точкой для него всегда являются предметно-чувственные реалии. Его поэзия - попытка удержать ускользающие реалии, найти скрытую в них гармонию.

Небезынтересно проанализировать перевод стихотворения "В полночь выхожу один из дома" на венгерский язык, т.к. в этом переводе, на наш взгляд, отразилось, как в капле воды,

укоренившееся представление о Бунине-поэте - художнике и эстете по преимуществу.

Приведем это стихотворение в венгерском переводе:

Magányosan kilépek az éjbe,
Hideg-fagyottan kong a léptem,
Szórt csillagok a kert sötét ürében
S a tetőkön a szalma fehére
lebeg az éjjél gyászaként fenn.

/Fodor András/ 6

Вместо бунинского точного указания на время действия: (в полночь) переводчик дает: "Один выхожу из дома в ночь". Такой перевод рождает представление о ночи, как о чем-то осязаемом, почти живом. Между тем, у Бунина нет тютчевского ощущения природы, ночи, как живого существа. Его изображения реалистичны, точны, даже немного суховаты. Это связано с наметившейся в русской литературе 90-х годов тенденцией, заключающейся в стремлении художников вырвать слово из закрепленного за ним литературного ряда, чтобы повысить тающую в нем смысловую энергию. При таком отношении к слову элементы описания выступают не как слагаемые, подчиненные целому образу, а как самостоятельно существующие ценности. Слово предстает уединенным знаком реального мира. "Выйти из дома в ночь" - поэтичнее, "художественнее", чем "выйти из дома в полночь", т.к. первое рождает ассоциации, второе же - взятое само по себе - лишь свидетельствует о

точном времени происходящего. Бунинская лирика - ассоциативна, но ассоциации у Бунина-поэта обнаруживают себя не в отдельных картинах, которые у него являются всегда точными и недвусмысленными знаками предметов или явлений реального мира, а в сопоставлении этих картин.

При этом, чем чётче, чем "предметнее" и "безассоциативнее" очерчен предмет или явление, тем более глубокие ассоциации сопоставление этих "уединенных" предметов и явлений вызывает. Поэтому Бунин редко пользуется метафорой, всегда рождающей новую образность, но охотно прибегает к определениям и сравнениям, делающим предмет выпуклым, зримым, пластичным. В зрелый период творчества Бунин-поэт часто приходит к простому называнию предметов: "Ограда, крест, зеленая могила" /1906 г./, "Леса, пески, сухой и теплый воздух..." /"Светляк" 1912 г./ и т.д. Такие выхваченные из хаоса бытия статичные предметы или явления осознаются личностью, пытающейся проникнуть в то, что скрыто за их материальной, временной оболочкой.

Стремление переводчика представить Бунина только художником пронизывает венгерский перевод: если у Бунина "звездами осыпан черный сад", то у переводчика - "россыпь звезд в черной пустоте сада", но наиболее характерен в этом отношении финал стихотворения. Здесь поэт-переводчик, подчиненный своей цели, изменяет синтаксическую структуру стиха, объединяя две последние строки в один художественный образ:

S a tetőkön a szalma fehéré
Lebeg az éjféli gyászaként fenn.

/И на крышах белизна соломы
трепещет трауром полночи вверху/.

В стихотворении же Бунина "белая солома" существует не как знак траура, а как деталь - знак выхваченного из потока бытия предмета - свидетельствующая о случайном существовании мира, а выделенный финал представляет собой особого рода картину, обобщенную сознанием, трагически воспринимающим этот случайный мир.

Л и т е р а т у р а

1. Собрание сочинений И.А.Бунина. Изд. Художественная литература. 1965. т.1.
2. Собрание сочинений И.А.Бунина. Изд. Художественная литература. 1965. т.1, стр. 505.
3. Литературное наследство. Иван Бунин. Изд. Наука, 1973.
Книга вторая.
4. Литературное наследство. Иван Бунин. Изд. Наука, 1973.
Книга вторая. стр. 129.
5. Тимофеев, Л.И.: Основы теории литературы. Москва, 1963.
стр. 302.
6. Klasszikus orosz költők. Bp. 1966. 795 old.

К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ
РАННЕЙ ЛИРИКИ А. АХМАТОВОЙ (ч. I)

А. Хан

Уже первые литературоведческие и критические работы, посвященные поэзии А. Ахматовой, сходятся на том, что даже самая ранняя ее поэзия представляет собой качественно новый феномен поэтического стиля по сравнению с особенностями поэтического стиля русских символистов. Все эти работы подчеркивают предметность стиля, как отличительный признак поэтического облика А. Ахматовой. Так об этом пишет Л. Гинзбург в своей книге "О лирике": "Писавшие о ранней Ахматовой отмечали предметность в качестве господствующего принципа ее поэзии. С этим связана неметафоричность ее стиля. Поэзия Ахматовой — не поэзия переносных смыслов...; Ахматова отвергает претворения реальных в иносказания — и в этом принципиальность и новизна ее поэтического дела 1910-х годов. Но конкретное слово Ахматовой преобразовано и расширено контекстом." ^I

Однако термин "предметность" /: неметафоричность/, появившийся в первых работах о поэзии Ахматовой, метко и правильно указывая на отличительную специфику поэтического стиля Ахматовой, одновременно дает возможность и для упрощенного понимания этого явления.

Термин "предметность" не может быть понят и употреблен в

буквальном своем значении, ведь то словесное наименование, значение которого направлено только на обозначенный предмет, перестает быть поэтическим, т.е. слово, значение которого идентично своему предметному значению не может быть поэтическим. Иначе говоря, в замкнутой семантической сфере стихотворного целого значение ни одного слова не может ограничиться своим предметным значением, слова подвергаются процессу семантического "заряжения". Значит, предметность, т.е. неметафоричность поэтического языка может означать только то, что предметные слова в сфере данного поэтического стиля заряжаются дополнительными семантическими оттенками, не метафорическим путем.

Таким образом, в связи с понятием "предметности" остается открытым целый ряд вопросов: какова природа тех изменений, которые произошли в семантической сфере поэтического слова у Ахматовой; какими путями и способами предметные слова приобретают ассоциативность; каким образом становятся они носителями лирической эмоции; какова функция предметных атрибутов внешнего мира в процессе раскрытия лирического сознания поэта?

Все эти рассуждения в связи с понятием "предметности" поэтического стиля могут показаться излишним опасением, но в истории критической оценки поэзии Ахматовой такое упрощенное понимание предметности её поэзии заключало в себе реальную опасность. Именно чрезмерное акцентирование предметной конкретности поэтического стиля Ахматовой, упрощенный подход к затухавшему, опосредованному лиризму и "тематическому", "сюжетному" характеру её

поэзии привели к такому истолкованию её лирики, которое склонно было видеть в ней не более чем интимный дневник женской души и узкую в своей теме салонную поэзию.

Такой подход к поэзии Ахматовой воспринял элементы опосредования лирического содержания как самую "лирическую тему", т.е. средства поэтического изображения отождествлял с предметом поэтического изображения, и этим неизмеримо сузил лирическую значимость стихотворений поэтессы и упустил из виду самую суть её поэтического стиля. О таком упрощенном подходе к поэзии Ахматовой и об его истоках говорится и в работе Б.Эйхенбаума "Анна Ахматова. Опыт анализа.": "Критики, привыкшие видеть в поэзии непосредственное "выражение" души поэта и воспитанные на лирике символистов с её религиозно-мистическим размахом, обратили внимание именно на эту особенность /т.е. на ограниченность и устойчивость тематического материала -А.Х./ Ахматовой и определили её как недостаток, как обеднение. Раздались голоса об "ограниченности диапазона творчества", об "узости поэтического кругозора"/ Иванов-Разумник в "Заветах", 1914, № 5 / о "духовной скудности" и о том, что "огромное большинство человеческих чувств - вне её душевных восприятий"./Л.К. в "Северных записках", 1914, № 5/. К стихам Ахматовой отнеслись как к интимному дневнику - тем более, что формальные особенности её поэзии как бы оправдывали возможность такого к ней подхода".²

Принцип предметности, как явление поэтического стиля, первое свое многостороннее описание получает в статье В.М.Жирмун-

ского 1916 года, "Преодолевшие символизм": "Отсутствию напевности, мелодического элемента в формальном строении стихов Ахматовой соответствует в плане психологического рассмотрения затуханность элемента эмоционального. Точнее говоря, эмоциональные колебания душевной жизни, перемены настроения передаются ею не непосредственно лирически, а отражаются сперва в явлениях внешнего мира. И здесь мы имеем дело с основной чертой в поэтическом облике Ахматовой: она не говорит о себе непосредственно, она рассказывает о внешней обстановке душевного явления, о событиях внешней жизни и предметах внешнего мира, и только в своеобразном выборе этих предметов и меняющемся восприятии их чувствуется подлинное настроение, то особенное душевное содержание, которое вложено в слова." ³

Те отличительные признаки и свойства поэтического стиля Ахматовой, которые указаны в статье В.М.Жирмунского — затуханность непосредственного лиризма, доминирующая роль предметных элементов опосредования в передаче лирической эмоции, "предметность" ахматовского психологизма, — ощущались как "инородные" не только на фоне экстатичного, непосредственного, интенсивного лиризма поэзии русских символистов, но частично и на фоне традиции русской лирической поэзии XIX века. Поэтому не случайно, что литературоведов и критиков-современников занимало именно вопрос о своеобразии "предметности" стиля Ахматовой, иначе говоря, вопрос о своеобразном двойственном характере этой предметности. Сущность явления в том, что предметы внешнего мира фигурируют в

замкнутом внутреннем мире стихотворений как бы с двоякой функцией: с одной стороны, они как бы призваны воссоздать предметы и явления внешнего мира с полной их пластичностью, "реальностью", а с другой стороны они призваны быть носителями, "символами" той лирической информации, которая раскрывается при расшифровке структурных законов композиционного целого.

Двоякая функция предметов и явлений внешнего мира во внутреннем мире стихотворений Ахматовой, и, согласно этому, двойственный характер предметности поэтического стиля, получает глубоко научное освещение в аспекте лингвистическом, с точки зрения семантики поэтического слова в работе В.В.Виноградова: "О поэзии Анны Ахматовой" /Стилистические наброски/ : " Их/ т.е. слов -А.Х./ семантический облик двоятся: то кажется, что они непосредственно ведут к самым представлениям вещей, как их ярлыки, роль которых - создавать иллюзию реально-бытовой обстановки, то есть функция их представляется чисто номинативной; то чудится интимно-символистическая связь между ними и волнующими героиню эмоциями. И тогда выбор их рисуется полным глубокого значения для интимного адекватного постижения чувств героини." ⁴

Явлению двойственности семантического облика поэтического слова, функциональной роли предметных мотивов и специфики собственно поэтического стиля соответствует такая же двойственность структуры поэтического жанра.

Преобладание предметных, опосредствующих мотивов вводит в стихотворения элементы повествовательные и описательные, и так

создается впечатление сюжетности, "новеллистичности" и композиционного построения; в сложной внутренней структуре стихотворения за контрастирующими эмоциональными моментами скрывается глубина психологических процессов, и это как бы роднит их с психологической прозой; но с другой стороны, в результате восприятия стихотворного целого остается впечатление повышенного интенсивного лиризма.

Вопрос о жанровом своеобразии ранней поэзии Ахматовой не разработан с достаточной убедительностью до сегодняшнего дня, несмотря на то, что большая часть исследований посвящена именно раннему, дореволюционному периоду её творчества. Многостороннее научное освещение этого вопроса помогло бы выяснить целый комплекс отнюдь не второстепенных вопросов, как например :какие линии преемственности связывают поэзию Ахматовой с русской поэзией XIX-ого века и с традициями русской психологической прозы; какие черты поэтики символистов продолжают существовать в её поэзии, в чем она не "преодолела" символизм; и каковы те закономерности, которые принципиально отличают её поэтику от символистской и делают её представителем тех поэтических течений, которые ознаменовали собой новые пути в развитии русской лирики XX-ого века, и, наконец, какую типологическую линию развития представляет собой поэзия Ахматовой в многообразии поэтических исканий и течений XX-ого века. Отдельные из этих вопросов имеют свое подробное изложение в работах разных исследователей, но все-таки думается, что они требуют своего решения и как комп-

лекс вопросов, в глубоком взаимоотношении разных аспектов.

Если проследить те суждения о жанровой специфике ранней поэзии Ахматовой, которые находятся в работах критиков и литературоведов-современников, а также в работах исследователей наших дней, то в них можно усмотреть две расходящиеся линии оценок, содержащие в себе скрытую полемику.

Большинство литературоведов и критиков-современников подчеркивают сюжетный, новеллистичный характер стихотворений Ахматовой, рассматривают их как своеобразные "лирические повести", в которых заложена потенциальная тенденция к развитию в направлении эпической объективности художественного самовыражения, т.е. в сторону эпических жанров.

Эта концепция впервые была выдвинута статьей В.М.Жирмунского "Преодолевшие символизм", которая является, в сущности, теоретическим оправданием существования группы акмеистов, как единого поэтического течения, возникновение которого представляет собой новый закономерный этап в развитии русской поэзии: "Не случайная близость объединила молодое поколение, не случайная вражда оторвала их от символистов, а внутреннее родство и единство настроения и направления между собой и внутреннее расхождение с "учителями", симптоматичное для новой литературной эпохи. Наиболее явные черты этого нового чувства жизни - в отказе от мистического восприятия и выходе из лирически погруженной в себя личности поэта - индивидуалиста в разнообразный и богатый чувственными впечатлениями внешний

мир." 5

Художественный метод и стиль поэтов-акмеистов, группировавшихся вокруг издательства "Гиперборей", В.М.Жирмунский определяет как своего рода художественный реализм, и этим причисляет их к "классической" типологической линии русской поэзии, противостоящей "романтической" типологической линии, которая была представлена и поэзией русских символистов: "С некоторой осторожностью мы могли бы говорить об идеале "гиперборейцев", как о неореализме, понимая под художественным реализмом точную, мало искаженную субъективным душевным и эстетическим опытом передачу отдельных и отчетливых впечатлений преимущественно внешней жизни, а также и жизни душевной, воспринимаемой с внешней, наиболее раздельной и отчетливой стороны." 6

Согласно этой концепции поэтика Ахматовой характеризуется в статье В.М.Жирмунского, как антипод поэтики символистов, в её поэтическом стиле акцентируются те черты, которые отличают его от поэтического мира символистов: четкость и конкретность переживаний, поэтическое воплощение простых, интимных человеческих эмоций. Выдвинув эти отличительные черты на первый план, В.М.Жирмунский с полной последовательностью приходит к заключению о наличии повествовательного элемента в стихотворениях Ахматовой: " При такой раздельности и четкости, при такой конкретизации душевных переживаний, почти для всякого движения души обозначен фактический повод. Этот фактический повод, это происшествие вводит в лирическое произведение совершенно но-

вый для него повествовательный элемент. Целый ряд стихотворений Ахматовой может быть назван маленькими повестями, новеллами: обыкновенно, каждое стихотворение — это новелла в извлечении, изображенная в самый острый момент своего развития, откуда открывается возможность обозреть всё предшествовавшее течение фактов." ⁷

Концепция В.М. Жирмунского о повествовательном характере, о сюжетности стихотворений Ахматовой находит целый ряд последователей среди ученых-современников В.М.Эйхенбаум, в своей рецензии, написанной в 1921 г. на книгу Ахматовой "Подорожник", делает следующий шаг в развитии мысли В.М.Жирмунского. В то время, как В.М.Жирмунский писал только о сюжетном характере композиционного построения стихотворений, как органическом следствии изменившейся специфики самой лирической эмоции, В.М.Эйхенбауму кажется, что можно обнаружить наличие сюжетных линий не только в рамках композиции отдельных стихотворений, но и образование последовательной цепи сюжетных линий, которые выходят за пределы даже отдельных книг, и связывают все стихотворения в целостный "лирический роман". В возникновении такого рода лирического романа В.М.Эйхенбаум видит доказательство проявления тенденций как бы самоизживаний в традиционном смысле понятих лирических жанров: "Поэзия Ахматовой — сложный лирический роман. Мы можем проследить разработку образующих его повествовательных линий, мы можем говорить об его композиции, вплоть до соотношения отдельных персонажей.

... Образование такой сюжетной лирики – последнее слово современного лирического искусства, и, думается мне, зарождение тех элементов, из которых должен возникнуть новый эпос, новый роман. Традиционная лирика отдельных, замкнутых в себе "настроений" временно исчерпана и падает – ей суждено остаться на вторых путях, чтобы когда-нибудь в будущем возродиться в новых формах".⁸

К этой концепции Б.М.Эйхенбаума о лирическом романе присоединился и Юрий Тынянов: "... когда Ахматова начинала, она была нова и ценна не своими темами, а не с м о т р я на свои темы. Почти все её темы были "запрещенными" у акмеистов. И тема была интересна не сама по себе, она была жива каким-то своим интонационным углом стиха, под которым она была дана;... Это было совершенно естественно связано с суженным диалогом тем, с "небольшими эмоциями", которые были как бы новой перспективой и вели Ахматову к жанру "рассказов" и "разговоров", не застывшему, не канонизированному до неё; и эти "рассказы" связывались в сборники-романы /Б.Эйхенбаум/." ⁹

В.М.Жирмунский и Б.М.Эйхенбаум на основе жанрово-композиционных свойств поэзии Ахматовой пришли к выводу о её родстве с повествовательными жанрами. Поэт-современник Осип Мандельштам отметил глубокое внутреннее родство поэзии Ахматовой с русской психологической прозой, имея в виду при этом как основу для установления такой аналогии глубину и сложность тех психологических процессов, которые раскрываются в рамках до предела лаконичных и сжатых стихотворений-миниатюр.

Прежде, чем перейти к рассмотрению другой позиции, сложившейся в истории критической оценки жанрового своеобразия ранней поэзии Ахматовой, мы должны остановиться более подробно на недавно вышедшей посмертной книге В.М.Жирмунского "Творчество Анны Ахматовой".

В.М.Жирмунский в своей книге, открывающей необычайную широту литературоведческих и историко-литературных горизонтов, переосмысливает и уточняет свою концепцию о новеллистическом характере ранних стихотворений Ахматовой в свете перспективы творческого развития поэтессы, охватывающего шесть десятилетий.

Корни нового "угла зрения" в подходе к любовной теме, его реалистичность В.М.Жирмунский возводит к традициям психологической прозы, возобновленным в поэзии Ахматовой: " Новые оттенки чувства, которые сумела открыть Ахматова в старой любовной теме, воплотив их в простой и строгой, благородной и лаконичной индивидуальной форме, связаны с правдивым, современным и реалистическим подходом к этой теме, характерным скорее для психологической прозы, чем для поэзии." 10

В полном согласии с этой своей концепцией, В.М.Жирмунский считает, что принципы и средства поэтического изображения, унаследованные Ахматовой из поэтического мира И.Анненского, и переосмысленные в системе её индивидуальной творческой манеры усиливают именно реалистические тенденции способа художественного самовыражения: "Разрыв внешней последовательности, простое рядоположение, вместо гладко и автоматически развивающегося течения

времени, и эмоциональное обобщение, дающее итог лирического переживания, одновременно содействуют новой индивидуальной выразительности психологического состояния и новому, по существу более реалистическому методу его художественного отражения." II

В.М.Жирмунский возвращается к своей концепции, развернутой еще в статье "Преодолевшие символизм", о новеллистичности стихотворений Ахматовой, но в новой своей книге он точно указывает тот особый вариант в истории развития новеллистического жанра, с которым рождаются стихотворения Ахматовой по сюжетным свойствам: "Ранние стихотворения Ахматовой часто называют лирическими повестями, миниатюрными стихотворными новеллами. Это определение, для многих стихотворений в своей основе правильное, требует, однако, уточнения. Речь идет, конечно, не о классической новелле эпохи Ренессанса... Ближе по своей структуре психологические новеллы Мопассана, который сталкивает незнакомых читателей персонажей в острой и психологически значительной сюжетной ситуации,... Перерождение классической новеллы - повести в "короткий рассказ" / short story/ - характерное общее явление импрессионистического искусства конца XIX- начала XX в. - и представляет до известной степени предпосылку художественной манеры молодой Ахматовой." I2

Проблема новеллистичности получает освещение не только на фоне исторического развития новеллистического жанра и его топологических свойств, но и на фоне основных законов и свойств внутреннего развития поэтического мира Ахматовой. Точно указа-

на функциональная роль элементов новеллистичности в созревании тех тенденций и закономерностей, которые ведут к вершинам поэтического искусства зрелого периода творчества Ахматовой. Согласно концепции В.М.Жирмунского, сущность и закономерность созревания поэтического стиля Ахматовой в том, что поэтесса постепенно поднимается над разрозненными, единичными, замкнутыми в себе переживаниями, и доходит до их медитативно-философского художественного обобщения, и таким образом достигает вершин пушкинского классицизма в поэтическом искусстве: " Оно /т.е. влияние Пушкина - А.Х./ проявилось в стремлении подняться над мелочностью индивидуально-случайных переживаний, над суетой мгновенного и повседневного, господствовавшего в "Чётках", в художественном обобщении индивидуально пережитого, доведенном до типической значимости. Тенденции пушкинского классицизма особенно заметны в торжественном, приподнятом, высоком стиле, характерном для этих обобщений." 13

Сюжетный характер ранних стихотворений Ахматовой В.М.Жирмунский рассматривает как первый признак проявления этой общей закономерности её лирики, как явление, в котором заложены тенденции движения к большой эпической форме нового типа, которая будет характерна для зрелого творчества Ахматовой: "Стремление Ахматовой выйти за пределы узкой композиционной формы краткого и замкнутого в себе лирического стихотворения с самого начала проявляется в тенденции к циклизации внутренним или внешним образом связанных между собою стихов." "Так сквозь оболочку имп-

рессионистически разбросанных лирических переживаний в творчестве Ахматовой проявляется тенденция к большой эпической форме нового типа, характерной для её позднего творчества...".

"Сюжетный характер ранней лирики Ахматовой, наличие в ней повествовательного элемента, рассказа свидетельствуют о тенденции к выходу из замкнутых границ интимной лирики, как выражения мгновенного душевного переживания." ¹⁴

Такое объяснение функции новеллистичности в общей перспективе развития поэтического мира Ахматовой, органически вытекает из концепции В.М.Жирмунского о месте поэзии Ахматовой на фоне поэтических течений XX века и о её связях с классической русской поэзией: "... стихи Ахматовой, вопреки господствовавшим в годы её молодости тенденциям, лишены печати поверхностного и модного тогда "модернизма". Простота и прозрачность их художественной формы, правдивость и подлинность чувства, объективность художественного метода, при всем неповторимом личном своеобразии, - эти черты её поэзии продолжают традиции русского реалистического искусства XIX в., осложненные всем богатством душевных и художественных открытий нашего времени, но лишенные всякого показного новаторства." ¹⁵

В этой концепции, которая с большой последовательностью и убедительностью проходит через всю книгу, не трудно, однако, узнать возобновленный и переосмысленный вариант тех мыслей, которые лежали в основе двух ранних работ В.М.Жирмунского; это - мысль о "неореализме", как художественном методе поэтов гиперборейцев, выдвинутая в статье "Преодолевшие символизм", и мысль

о принадлежности поэзии Ахматовой к пушкинской, "классической" типологической линии русской поэзии.

В поэтическом портрете Ахматовой, созданном в книге В.М. Жирмунского, акцент ставится на тех свойствах и тенденциях её поэзии, которые доказывают её родство с реалистическим искусством XIX века. Эта концепция отражается и в пропорциональном построении книги, в которой основное внимание уделяется лиро-эпическим жанровым формам, тенденции к циклизации стихотворных групп, попыткам восстановления и обновления жанра поэмы, и, наконец, монументальному лиро-эпическому синтезу всего творческого пути Ахматовой, - "Поэме без героя".

Настоящая статья ни в коей степени не претендует на критическую оценку концепции В.М.Жирмунского о развитии жанровых свойств поэзии Ахматовой, она ограничивается только указанием на одно, как представляется, уязвимое место в этой концепции.

Одна глава книги В.М.Жирмунского посвящается поздней любовной лирике Ахматовой. В.М. Жирмунский констатирует, что поэтический стиль интимной лирики Ахматовой в чем-то коренным образом изменился: "Ранние стихи Ахматовой, с их прочно сложившейся художественной манерой, не только напрашивались на подражание, но делали относительно легким описание системы её поэтических "приемов". В поздний период что-то существенное от прежнего остается, но что-то радикально изменяется: создается поэтический стиль, уже не нуждающийся во внешней опоре более элементарных и привычных художественных средств или переосмыс-

лящий их в совершенно новом духе." 16

В дальнейшем В.М. Жирмунский точно определяет сущность того изменения, которое произошло в поэтическом стиле Ахматовой в итоге многолетнего творческого развития; отличительным свойством зрелого поэтического стиля Ахматовой стала та метафорическая образность, в отказе которой видели основную суть новизны стиля её ранней лирики все критики-современники.

Известен факт, что сам В.М. Жирмунский в своей статье "Преодолевшие символизм" видел основную причину вторжения повествовательного элемента в ранние стихотворения Ахматовой в том, что в них нет метафорического скрещения внутренних эмоций и внешнего предметного мира, а существует только их параллельное соответствие, при котором параллельные полюсы не сливаются друг с другом, не образуют метафорическую связь, а сохраняют свою независимость: "Всякое душевное настроение в стихах Ахматовой обозначается соответствующим ему явлением внешнего мира."... "У Ахматовой /.../ переживания и внешние факты развиваются параллельно друг другу и независимо друг от друга..." 17

А в соответствующей главе своей монографии, посвященной поэзии Ахматовой, В.М. Жирмунский устанавливает, что отличительное свойство поэтической образности поздней любовной лирики Ахматовой заключается именно в метафорическом скрещении, переплетении внешнего природного мира и внутреннего мира субъекта: "Там, где пейзаж, как обычно, связывается с душевным пе-

реживанием, он перестает быть статическим фоном этого последнего. Картина природы становится динамичной, получает движение и таким образом аккомпанирует переживанию, с которым она неразрывно сплетается. Предпосылкой такой созвучности становится метафорическая образность, характерная для поздней лирики Ахматовой." 18

Если это определение специфики зрелого стиля любовной лирики Ахматовой сопоставить с концепцией В.М. Жирмунского о функциональной роли повествовательного элемента в ранней лирике Ахматовой, то остается открытым один немаловажный вопрос. Между "эпической струей" зрелого творчества Ахматовой и ранней её поэзией таким образом восстанавливается органическая связь — связь последовательности, в ранней поэзии точно указываются те жанровые свойства, в которых заложена возможность к эпическому расширению. Однако, остаются нераскрытыми истоки другой, чисто лирической струи зрелого периода. Тем, что в ранней лирике подчеркивается повествовательный характер, возможность выхода за пределы узкой лирической формы, остаются неосвещенными те специфические жанрово-композиционные свойства, которые таят в себе как раз возможность развития в сторону чистого лиризма. И здесь ждет своего решения одна существенная проблема; как от параллельно-независимого фиксирования внутренних эмоций и их пластично-выразительных эквивалентов из природного и предметного мира Ахматова приходит к органическому, метафорическому слиянию этих двух полюсов в зрелом своем творчестве, и какие более глубокие законы поэтического мирозерцания действу-

ют за этим явлением.

Таким образом, сама проблема сюжетности, повествовательности, как она изложена в книге В.М.Жирмунского, предстает перед нами в двойном, противоречивом освещении.

С одной стороны, новеллистичность трактуется как признак, отражающий тенденцию к поэтическому самовыражению, которое стремится к объективному обобщению, осмыслению единичных, индивидуально-субъективных переживаний, и которое в области жанра проявляется в выходе к эпическим формам.

С другой стороны, новеллистичность предстает перед нами, как такое свойство поэтического стиля и жанра, которое в итоге развития перевоплощается в чисто лирический стиль, в котором лирическая эмоция для самовоплощения не нуждается больше в опоре предметных опосредствующих элементов внешнего мира, а наоборот, сама лирическая эмоция вбирает в себя, как бы поглощает элементы внешнего мира, и переплетается с ними в процессе метафоризации.

Таким образом, подход, акцентирующий исключительно новеллистический характер композиции ранних стихотворений Ахматовой, и видящий в них только возможность эпического развертывания, не может восстановить линии развития между "предметностью" поэтического стиля ранней любовной лирики и метафоричностью лирического стиля зрелой Ахматовой.

Нам же представляется, что именно тот феномен раннего поэтического стиля Ахматовой, который оценивается как предметность

стиля и сюжетность композиции, и вызывает иллюзию повествовательности, есть в действительности особая скрытая форма поэтической образности, которая в зрелом стиле Ахматовой проявляется в прямой, открытой метафоричности.

Доказательство этого нуждается в основательном подтверждении на основе конкретного анализа текстов ранних стихотворений Ахматовой в диахронном аспекте их рассмотрения, ибо ранняя лирика Ахматовой не является стилистически единым монолитом, — но такой анализ является задачей уже другой статьи.

С концепцией о сюжетном характере ранней поэзии Ахматовой, ставшей общепринятой в 20-е годы, если открыто и не полемизирует, то в сущности глубоко ей противоречит концепция книг В.В.Виноградова, посвященных поэзии Ахматовой. Особенно знаменательна с этой точки зрения книга В.В.Виноградова 1925 года "О поэзии Анны Ахматовой /Стилистические наброски/".

В.В.Виноградов рассматривает систему поэтических средств Ахматовой на основе стилистики и семантики поэтической речи, и таким образом в круг аспектов его исследований не входят аспекты историко-литературные или литературоведческие, но несмотря на это, его установления в ряде случаев имплицитно содержат в себе очень ценные выводы для теории поэтических жанров.

В.В.Виноградов указывает на ту отличительную черту композиции ранних стихотворений Ахматовой, что тектонически они строятся из больших, поставленных в параллель, парных словесных единиц. Эти словесные единицы В.В. Виноградов называет

символами-предложениями и символами-фразами, введением термина символ акцентируя тот факт, что эти словесные единицы являются "семантически неделимыми", соответствующими" одному сложному, нерасчлененному представлению".

В.В.Виноградов доказывает закономерность широкого применения фразовых параллелизмов общей тенденцией в поэзии Ахматовой к преобразованию смысловых связей больших словесных групп. / Иначе: в параллелизмах В.В.Виноградов видит прием для установления семантического взаимодействия параллельных частей, т.е. способ семантических метаморфоз в композиционном ходе стихотворения./

Отдельная глава ¹⁹ работы В.В.Виноградова посвящается тем вариантам семантической или образной связи, которые образуют фразовые параллелизмы. По классификации В.В.Виноградова, в категорию "сопоставления" входит тот тип связи между двумя словесными рядами, когда их синтаксически выраженное сочинение или подчинение логически не мотивировано. Самым частым вариантом таких сопоставляемых словесных рядов является тот, в котором одна словесная цепь рисует "эмоционально-обстановочный фон", или внешние "чувственно воспринимаемые явления", а другая содержит в себе субъективное выражение лирической эмоции. В такой сопоставительной связи в результате "эмоционально-символического переплетения фраз", описания внешнего мира воспринимаются как "своеобразный прием выражения чувств героини".

Видимо, не ошибемся, если в описании этого варианта постав-

ленных в параллель символов-предложений, узнаем тот способ сопоставления внутренних эмоций и их внешних эквивалентов, который и создает впечатление новеллистичности, последовательно-временного развертывания "сюжета" в композиционном построении ряда стихотворений.

В.В.Виноградов, однако, подчеркивает, что эти символы-предложения никогда не развертывают сюжет в своей временной последовательности, а как бы наслаивают, проецируют друг на друга из разных временных и эмоциональных аспектов воспринятые статические фрагменты действия, и тот временной отрезок, который закреплен композиционным целым, всегда эквивалентен мигу. Эта мысль В.В. Виноградова содержит косвенное признание чисто лирической специфики композиционных и жанровых особенностей стихотворений Ахматовой.

Более подробное развертывание сжатых теоретических выводов книги В.В.Виноградова дает понять, как возникает иллюзия временной процессуальности во внутреннем мире стихотворной композиции, охватывающей только один застывший миг: "Ведь большинство стихотворений Ахматовой - это лирические повести о застывшем миге. И в это единство замкнутого мгновения включены эмоционально подобранные ряды воспринятых движений и ощущений, из которых одни представляются, как осуществившиеся в промельке мига, а другие - как сопровождающие все его течение. При этом сам этот миг застывший одновременно, т.е. в целостной структуре стихотворения, рисуется и как воспроизводимый - в прошлом, и как "о с т а н о в л е н н ы й" в момент его течения". 20

Эта констатация содержит в себе ряд выводов по отношению к поэтическому мироощущению ранней Ахматовой. Когда во внутренней структуре стихотворения тот же самый миг рисуется и как воспроизводимый в прошлом, и как застывший, это и значит, что то же самое переживание, душевное событие воссоздается одновременно в двух временных и эмоциональных измерениях. То же самое событие, будучи показано с точки зрения прошлого в процессе своей реализации, предстает как процесс, развертывающийся на оси эпического времени, а будучи показано с позиций настоящего, с момента своего конечного предела, предстает как замкнутый в себе, застывший миг. И так как большинство стихотворных композиций фиксирует такие застывшие миги, в целом они рассказывают о "любовном молчании", о потере чувства, о непрочности любовной связи, и в более широком смысле о том, что каждому событию, переживанию прошлого суждено превращаться в неподвижность настоящего мига.

В.В.Виноградов опровергает не только теории о сюжетном характере отдельных стихотворений композиций, но и о существовании сюжетных линий, проходящих через отдельные стихотворные группы и даже через целые книги стихов, таким образом связывая их в целостный лирический роман. В.В. Виноградов доказывает, что за кажущимся разнообразием отдельных "повестей" стоит та же самая, повторяющаяся лирическая тема, а иллюзия существования сюжетных линий создается с помощью разнообразия предметных символов, которые дифференцируют разные варианты основной темы; будучи прикрепленными к отдельным, разорванным мигам, эти

варирующие предметные символы создают впечатление их разности, неповторимости. 21

Как это уже отмечено многими исследователями, существование сюжетных линий предполагает временную продолжительность, даже сюжетные линии, проходящие через стихотворные циклы, могут развернуться только в своей временной последовательности. Однако, как это доказывается и в книге В.В. Виноградова, на основе ранних книг стихов Ахматовой временная процессуальность невозможна. То настоящее время, которое мы можем восстановить из мира стихов Ахматовой, это и есть не последовательность, а статичная смежность неподвижных, изолированных друг от друга замкнутых в себе мигот. Процессуальное время можно воссоздать только из глубин застывшего мига, но оно есть " *du-rée interieur* ", время психологическое, а не время эпическое.

Статья И.П. Смирнова, посвященная исследованию причинно-следственных структур поэтических произведений на материале раннего, дореволюционного творчества Ахматовой, Маяковского, Пастернака, доказывает, что между явлениями внешнего и внутреннего миров в поэзии Ахматовой не существует закона взаимобусловленности, а только обратная, односторонняя связь: "... в поэтическом мире Ахматовой... следствие всегда кончено. Оно лишено порождающих способностей из-за того, что распределение причинно-следственных акцентов... крайне устойчиво в творчестве поэтессы, из-за того, что внешнее не обуславливает внутреннего, что существует только обратная зависимость. Вот почему

объективированное следствие замыкает развертывание картины мира. Здесь остановка. Предметно-событийная реальность в пределах одного стихотворения ни разу не меняет своего качества, она статична и способна расширяться исключительно в количественном отношении...

В поэзии Ахматовой наложен запрет на изображение смены одного переживания другим, ибо, перекидываясь на мир, переживание не находит там таких явлений, которые были бы способны преобразовать чувственную реальность героини." 22

В своих выводах об основных закономерностях поэтического мира Ахматовой И.П. Смирнов идет вслед за концепцией В.В. Виноградова, доказывая иллюзорный характер новеллистичности ранних стихотворений Ахматовой.

Так как между внешним и внутренним миром в стихотворениях Ахматовой существует только однонаправленная, обратная обусловленность, не факты и обстоятельства внешнего мира выступают как причины, мотивирующие эмоциональные события, а наоборот, внутренние переживания выступают как мотивы, объясняющие качественные признаки явлений внешнего мира. Элементы внешнего мира не имеют мотивирующей функции с точки зрения событий душевных, они имеют исключительно эмоционально-выразительную функцию, т.е. фигурируют как предметные символы, приобретающие символическую значимость в данной, локально-конкретной психологической ситуации. Но так как полная лирическая значимость данной психологической ситуации раскрыва-

ется, как бы разряжается только в самой концовке композиционной структуры, элементы предметного мира облачаются в символическое значение только в результате пересемантизации, перекодировки всего композиционного целого. До самого заключительного момента восприятия композиционного целого создается та иллюзия, как будто внимание лирического субъекта было направлено на внешний, объективный мир, как будто элементы внешнего мира были запечатлены в своем субъективно мало искаженном облике. Тот факт, что в элементах внешнего предметного мира проектированы резко субъективные содержания, обнаруживается только при их перекодировке, как бы при вторичном прочтении стихотворного целого, и в результате этого предметные элементы теряют свою телесность, сублимируются, становятся невещественными, прозрачными. Параллельно с этим "миражом" происходит и другой процесс, исчезает иллюзия новеллистичности, и становится доминантным впечатление интенсивной, высокой лирической суггестивности.

Статья И.П. Смирнова дает анатомически точное описание этого явления в плане причинно-следственных отношений, этим самым доказывая квази-новеллистический характер стихотворений Ахматовой. В возникновении впечатления новеллистичности, по мнению И.П. Смирнова, важную роль играет симметрично-параллельная соответственность элементов и явлений внешнего и внутреннего миров в композиционном построении стихотворений: "Субъективация детерминирующего начала и соответственно это-

му объективирование следствий влечет за собой специфическое симметричное построение подавляющего большинства ахматовских стихов. Симметрия имеет глубокое содержательное значение, ибо она отражает постоянство равновесия в системе отношений героя — внешний мир. Частые случаи столкновения двух следственных планов, неожиданные разрешения конфликтов, устанавливающие ложность одного из следствий, — все это создает иллюзию новеллистичности стихотворного произведения. Мы имеем здесь дело именно с квазиновеллистичностью... В новелле игра следственными планами дается в динамике, у Ахматовой в статике: ведь поэтесса по преимуществу сталкивает самооценку переживания и его отражение вовне. Причинно-следственные отношения в новелле обязательно разворачиваются во времени, что для Ахматовой абсолютно нехарактерно. *Pointe* в её стихах — это перекодировка оценки, чаще всего путем перевода её из номинативной в предметно-символическую область." ²³

Нам кажется, что существование двух противоречивых точек зрения о жанровом своеобразии ранних стихотворений Ахматовой имеет причины методологического характера, объясняется разным подходом к рассмотрению данной проблемы. Исследователи, которые доказывают квазиновеллистический характер стихотворений Ахматовой, не рассматривают их в плане диахроническом, а описывают закономерности семантических преобразований поэтического стиля и также причинно-следственные отношения в композиции стихотворений в синхронной системности.

Те же исследователи, которые подходят к поэзии Ахматовой с концепциями историко-литературного и жанрово-типологического плана, подчеркивают её новеллистический характер.

Один факт несомненен: при исследовании жанрового своеобразия стихотворений Ахматовой, и тех закономерностей, которые вызывают явление своеобразной двуликости их жанрового облика, нельзя упустить из виду исследования в области семантики поэтического слова, так как жанровое своеобразие стихотворений Ахматовой органически связано с новым подходом поэтессы к поэтическому слову, новым её отношением к образному значению поэтического слова.

СНОСКИ

- ¹Л.Гинзбург: О лирике, М.-Л., 1964, стр. 363-364-365.
- ²Б.Эйхенбаум: Анна Ахматова. Опыт анализа.
В его кн.: О поэзии, Изд."Сов.пис.", Л., 1969. стр. 86-87.
- ³В.М.Жирмунский: Преодолевшие символизм
В его кн.: Вопросы теории литературы, Л., "Académie", 1928,
стр. 294-295.
- ⁴В.В.Виноградов: О поэзии Анны Ахматовой /Стилистические наброски/, Л., 1925, стр. 60-61.
- ⁵В.М.Жирмунский: Вопросы теории литературы, стр. 316.
- ⁶Там же: стр. 316-317.
- ⁷Там же: стр. 299-300.
- ⁸Б.Эйхенбаум: Роман - лирика /Рецензия к сборнику "Подорожник".
Стихотворения Анны Ахматовой. Петрогр. 1921./
Вестник литературы, 1921 г. № 6-7, стр. 30-31.
- ⁹Ю.Тынянов: Промежуток
В его кн.: Архаисты и новаторы, Изд."Прибой", Л., 1929, стр. 549-552.
- ¹⁰В.М.Жирмунский: Творчество Анны Ахматовой, "Наука", Л., 1973,
стр. 44-45.
- ¹¹Там же: стр. 74.
- ¹²Там же: стр. 99.
- ¹³Там же: стр. 79.
- ¹⁴Там же: стр. 115, стр. 120.
- ¹⁵Там же: стр. 24-25.

¹⁶Там же: стр. III.

¹⁷В.М.Жирмунский: Вопросы теории литературы, стр.295-296,
стр. 298.

¹⁸В.М.Жирмунский: Творчество Анны Ахматовой, стр. II3

¹⁹Гл. VI. Сопоставления, сравнения и метафоры.

²⁰В.В.Виноградов: О поэзии Анны Ахматовой, стр. 108.

²¹см.: В.В.Виноградов: О поэзии Анны Ахматовой, Гл.V. О при-
еме овеществления.

²²И.П.Смирнов: Причинно-следственные структуры поэтических
произведений.

В кн.: Исследования по поэтике и стилистике, Л., 1972,
стр. 219-220.

²³Там же: стр. 223-224.

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ

(1835 - 1891)

Н.А.Мещерский (г.Ленинград)

Александр Афанасьевич Потебня, замечательный русский и украинский лингвист, литературовед и этнограф, родился 22 сентября 1835 г. в селе Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии в семье мелкопоместных украинских дворян. О демократических и о революционных тенденциях, господствовавших в этой семье, свидетельствует, наряду с другими, и то, что младший брат филолога, Андрей Афанасьевич, принимал активное участие в революционном движении шестидесятных годов, поддерживал связи с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, встал во главе одного из вооруженных отрядов польских повстанцев и в 1863 г. погиб в бою с царскими войсками.

Сам Александр Афанасьевич получил среднее образование в гимназии в городе Радоме на польском языке. По окончании гимназии он поступил в 1850 г. на юридический факультет Харьковского университета, откуда через два года перешел на историко-филологический факультет. Окончив в 1856 г. Харьковский университет с ученой степенью кандидата, А.А. Потебня начинает педагогическую работу в 1-ой Харьковской гимназии. По совету одного из своих университетских учителей, профессора П.А.Лавровского, видного историка русского языка и ученика акад.

И.И.Срезневского, Потебня готовится к магистерскому экзамену по славянской филологии. В 1861 г. происходит успешная защита его магистерской диссертации на тему "О некоторых символах в славянской народной поэзии". Молодой магистр получает назначение на должность адъюнкта в своем родном Харьковском университете, где работает затем до самой своей смерти в течение тридцати лет.

В следующем 1862 г. в петербургском "Журнале министерства народного просвещения" публикуется большая основополагающая работа А.А.Потебни "Мысль и язык", посвященная раскрытию важнейших проблем философии языка. В том же году А.А.Потебня получает двухгодичную командировку от министерства народного просвещения за границу, в славянские страны, находившиеся в то время под властью Пруссии и Австрии. Он слушает лекции по санскритской филологии в Берлинском университете, затем посещает славянские области Австрии, однако проводит за рубежом всего один год. "Не выдержав", он "самовольно", как впоследствии признавался, возвратился в Харьков на преподавательскую работу в качестве доцента университета. Возможно, что одной из причин его досрочного возвращения из путешествия послужила трагическая гибель его брата.

В 1874 г. А.А.Потебня защищает в Харьковском университете докторскую диссертацию "Из записок по русской грамматике" (ч. I - II) и получает ученую степень доктора славянской филологии. Известность его как ученого продолжает неуклонно рас-

ти, и его имя узнают в эти годы не только по всей ученой России, но и за границей.

В 1875 г. А.А.Потебня был утвержден экстраординарным, а вскоре и ординарным профессором Харьковского университета. В 1877 г. на основании обширного благожелательного отзыва, данного акад. И.И.Срезневским, высоко оценившим его труды, их автору была присуждена Ломоносовская премия Академии наук. Тогда же он был избран её членом-корреспондентом и действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

В 1878 г. приносит А.А.Потебне новую научную награду: он получает Уваровскую золотую медаль, присужденную ему Академией наук за разбор книги П.Житецкого "Обзор звуковой истории малорусского наречия".

В следующем 1879 г. Академия наук вновь присуждает А.А.Потебне золотую медаль, на этот раз за разбор книги Л.Ф.Гловацкого "Народные песни Галицкой и Угорской Руси". Работы А.А.Потебни получают заслуженное признание и в зарубежных странах: в 1887 г. Чешское общество наук в Праге избирает его своим членом.

Русское Географическое общество в 1891 г. награждает А.А.Потебню за его многолетние труды и заслуги перед наукой своей высшей наградой - золотой Константиновской медалью.

В течение 1870-х - 1890-х гг. выходят наиболее значительные научные труды А.А.Потебни: "Из истории звуков русского язы-

ка" (4 части, 1873 - 1883 гг.); "Слово о полку Игореве" (текст и примечания, 1878 г.); "Объяснение малорусских и сродных народных песен" (2 тома, 1883 и 1887 гг.); "Значение множественного числа в русском языке" (1887-1888); "Этимологические заметки" (1891 г.) и другие. Многие его работы публиковались посмертно: "Из записок по русской грамматике", часть III (1899 г.), часть IV (1941 г.); "Язык и народность" (1895 г.); "Из лекций по теории словесности" (1894 г.): "Из записок по теории словесности" (1905 г.).

Вся научная, учебно-педагогическая и общественная деятельность А.А.Потебни протекала в Харьковском университете, где он читал лекции почти до дня смерти. В течение 12 лет, с 1877 по 1890 гг., он был председателем состоявшего при Харьковском университете Историко-филологического общества. Благодаря Потебне этот прежде захудалый провинциальный университет стал одним из виднейших научных центров. К Потебне приезжали для усовершенствования в науках молодые филологи-слависты с различных концов России. Среди таких исследователей можно назвать Б.М.Ляпунова, впоследствии академика, финского слависта Иосифа Миккола, балтиста Э.А.Вольтера; у Потебни в Харькове защищали свои магистерские диссертации такие видные ученые, как А.И.Соболевский, впоследствии профессор Петербургского университета и академик М.А.Колосов, затем ставший профессором Варшавского университета и другие.

Связав свою жизнь с Харьковом, А.А.Потебня создал здесь

собственную научную школу. Виднейшим его учеником был Д.Н.Овсяно-Куликовский, наследовавший кафедру своего учителя в Харьковском университете и популяризовавший его идеи, впоследствии он был избран почетным академиком и стал широко известен благодаря своим трудам по русскому синтаксису, по санскритологии и критическим статьям по русской классической литературе. Среди непосредственных учеников А.А.Потебни должен быть назван и чрезвычайно талантливый, но, к сожалению, рано умерший А.В. Попов.

Скончался А.А.Потебня в возрасте всего лишь 56 лет 11 декабря 1891 г. Отечественная филологическая наука потеряла в его лице "одного из даровитейших и прекраснейших русских людей", как отметил в своем некрологе выдающийся ученый-славист, академик В.И.Ламанский.

Судьба научного наследия А.А.Потебни своеобразна. Написано им было не очень много. Список его трудов насчитывает немногим более 30 номеров. Но эти труды, среди которых ряд многотомных, — что вообще не столь часто случается с научными работами по языкознанию и филологии вообще, неоднократно переиздаются после смерти их автора, в том числе и в наше время.

Наследие Потебни пережило века. Потебню не просто упоминают по поводу тех или иных юбилейных дат в чисто историческом плане. Его трудами дорожат как нужными для нашей современности. Его ценят и как ученого-филолога, и как языковеда-мыслителя по преимуществу. Характерно, что авторитет А.А.Потебни как исследо-

вателя неизменно оставался общепринятым во все периоды развития советской науки о языке, при всех сменах научных направлений.

А.А.Потебня во многом способствовал развитию родного для него украинского языка, как языка литературного. Свои лекции он был вынужден читать в условиях самодержавной России лишь на русском языке, по-русски же издавались и все его научные исследования. Однако А.А.Потебня был глубоко убежден в том, что каждый народ имеет право на развитие своего родного языка в качестве национального и литературного. Желая делом опровергнуть измышления, распространявшиеся в его время великодержавными шовинистами о том, что якобы украинский язык приспособлен лишь для изображения жизни и быта "малороссийских поселян", А.А. Потебня, будучи не только языковедом-мыслителем, но и незаурядным поэтом, осуществил первый стихотворный перевод на украинский язык Гомеровской "Одиссеи".

Нельзя умолчать и о необыкновенной силе мастерства Потебни как стилиста в его трудах, написанных на русском языке. Он смело вводил в стиль научного изложения просторечные слова и формы, до того не употреблявшиеся в языковедческих исследованиях. Этим он, наряду с глубиной теоретических обобщений, во многом способствовал распространению выдвинутых им лингвистических положений. Приведем один характерный пример из его "Записок по русской грамматике": "Изучать язык - значит различать сходные явления, а не сволакивать их в одну кучу".^I

---

^IИз записок по русской грамматике", т. IV, 1941, стр. 189.

И в стилистическом отношении нашим современникам есть чему поучиться у А.А. Потебни.

Прежде всего остановимся на некоторых главных общелингвистических концепциях А.А. Потебни. Проблемы этого рода рассматриваются преимущественно в его книге "Мысль и язык", однако отдельные высказывания встречаются и в других его трудах.

Обычно А.А. Потебню признают последователем немецкого языковеда Штенталя, одного из основоположников психологического направления в науке о языке. Однако А.А. Потебня следует за взглядами Штейнталя лишь частично, сохраняя во всем свою самостоятельность и примыкая по многим вопросам к точкам зрения, высказанным в свое время Вильгельмом Гумбольдтом. Так, в согласии с названным ученым, А.А. Потебня признавал язык не творением, но творческой силой. "Язык не *Ergebnis*, а *Erzeugnis*" (В. Гумбольдт).

По мнению А.А. Потебни, "язык не есть средство выражать уже готовую мысль, а создавать её... Он не отражает сложившегося мирозерцания, а слагающая его (мирозерцание) деятельность." ¹ В языке А.А. Потебня видел по преимуществу творческий акт. Создатель языка, по его мнению, народ. Потебня писал: "Язык, вероятно, навсегда останется первообразом и подобием.... гуртового характера народно-поэтического творчества". ²

---

¹"Мысль и язык", изд. 4-ое, 1922, стр. 29.

²"Из записок по теории словесности", Харьков, 1905, стр. 144.

В концепции А.А. Потебни понятие языка охватывало не только области устно-бытовой и письменной речи с их диалектами и стилистическими ответвлениями, но и целиком сферы поэзии и науки. Для Потебни, чье мировоззрение было во многом основано на развитии немецкой классической философии XVIII-XIX вв., — язык — это средство не только и не столько выражать уже готовую истину, сколько открывать ранее неизвестное. Человек окружает себя миром звуков для того, — учил Потебня, — чтобы воспринять и переработать весь мир предметов. И в данном отношении Потебня не расходится с В. Гумбольдтом. Вполне разделяя эту точку зрения, Потебня признавал, что "язык мыслим только как средство (или точнее система средств), видоизменяющее создание мысли; его невозможно было бы понять, как выражение готовой мысли".^I

Поэтому для Потебни центральным вопросом науки о языке становится вопрос об изменениях мышления в свете изучения явлений языка, о неразрывной связи языка и мышления в их развитии.

А.А.Потебня всегда стремился к раскрытию общих закономерностей, связывающих процесс образования и эволюции человеческой речи с образованием и эволюцией мышления.

А.А. Потебня всегда признавал народ, нацию как историческую категорию в организации человеческих коллективов и поэтому придавал особо важное значение изучению народного языкового творчества.Потебня с сочувствием повторял слова В.Гумбольдта:

I. Там же, стр. 27

"Существование языков доказывает, что есть духовные создания, вовсе не переходящие от одного лица ко всем прочим, а возникающие из одновременной самостоятельности всех. Языки, всегда имеющие национальную форму, могут быть только непосредственным созданием народов".¹

Потебня не принадлежал к числу лингвистов-социологов, однако он всегда признавал, что "язык развивается только в обществе, и человек понимает себя, только испытывая на других понятность своих слов".² Таким образом, по взглядам Потебни, творческая индивидуальность и творящий народ — вот те две основные сферы, в которых должны изучаться формы словесного творчества.

Основным двигателем мысли и речи для Потебни всегда оставался именно народ, а не отдельная творческая индивидуальность. Индивидуализм Потебни был глубоко демократичен, а единичная личность в сфере словесного творчества рассматривалась этим ученым лишь как выражение "народного духа".

Даже в истории письменно-литературного языка Потебня всегда ограничивал роль творчества отдельных писателей, выступавших в качестве реформаторов языка, выдвигая на передний план роль коллективного народного творчества.

Два центральных пункта лингвистического мировоззрения

---

1. "Мысль и язык", стр. 30. Ср: W. Humboldt. Ges. Werke, B. IV, S. 333.

2. "Из записок по русской грамматике", III, 1899, стр. 8

Потебни – это, во-первых, понимание им языка как основного способа мышления и сознания, как творческой деятельности, организующей мысль, и, во-вторых, признание народа главным творцом и реформатором языка, – обязывали ученого к решению сложных задач, поставленных эпохой перед филологическим научным исследованием.

И эти две нелегкие задачи были разрешены Потебней в основном правильно.

Обосновав свое новое понимание языка как коллективного творчества, Потебня связал с теорией языкознания и теорию художественного словесного творчества, и вопросы общей теории познания. По отношению к русскому языку это положение Потебни означало расширение его границ до такой степени, что в задачу изучения истории русского языка для Потебни оказалось возможным включить и историю русского поэтического и научного творчества. Отсюда вытекает особо пристальное внимание Потебни к теории словесности как основе теории не только словесного искусства, но также и науки. Признание народа главным творцом речи-мысли, подлинным "поэтом" в сфере создания языка, заставило Потебню обратиться к глубокому детальному исследованию русского устно-поэтического творчества и народной мифологии. И Потебне удалось раскрыть многие закономерности, связанные с развитием образов и символов русской и украинской народной поэзии.

Потебней были заложены прочные основы изучения истории

русского языка как истории словесного искусства русского народа в его целом. В указанном направлении Потебней была продолжена линия, намеченная еще его предшественниками, русскими филологами XVIII – начала XIX вв., начиная с Ломоносова. Эту же линию в исследовании русского языка продолжали после Потебни его ученики и научные последователи, главным образом А.И.Соболевский и А.А.Шахматов. Потебня может быть смело признан одним из первых основоположников русской исторической диалектологии, что было вызвано пристальным вниманием к исследованию живой звучащей народной речи и устного речевого творчества народа. Однако это здание исторической диалектологии восточнославянских языков, заложенное в трудах Потебни, и в наши дни, к сожалению, еще не может считаться полностью достроенным.

Рассматривая постепенную эволюцию человеческого мышления в свете развития языка, Потебня широко привлекал для иллюстрации раскрываемых им теоретических положений примеры из истории значений слов, из истории поэтических образов, развивавшихся на почве русского языка. Так, на основании многих тонко проанализированных примеров Потебня доказал, что в истории русского языка понятие собирательности развивается из категории качественности: беднота, человечество, счастье и т.д. Потебня развивает тезис о вырастании категории качества (имени прилагательного) из категории субстанции (имени существительного). Он стремится установить общие принципы переходов значений от

предметного восприятия мира к постепенному восприятию качественных определений, оттенков и различий их в отдельных конкретных предметах.

Потебня указывал, что для превращения существительного, получившего уже свою качественную окраску, в прилагательное — необходимо стремление к устранению двойственности субстанций в структуре предложений. Согласно учению Потебни, именно предложение должно быть признано основной ячейкой языка, в которой происходят семантические сдвиги и тем самым формируются смысловые и грамматические категории языка и мышления. Ход семантических изменений представляется Потебне в таком виде: наше предложение — трава зелена — приводится к более первоначальному виду — трава — зелень — а это, в свою очередь, к еще более простому — трава — зель (более древняя форма существительного "зелень"). Таким образом, наиболее первоначальным должен быть признан такой состав предложения, при котором в нем оказываются лишь два существительных, взаимно противопоставляемых друг другу, из которых второе мыслилось как определяющее. Потебня полагал, что "оснований для присоединения определяющего существительного к определяемому может быть столько, сколько в нем мыслится признаков".^I Например, в словосочетании "вода-малина" основанием для сближения могли бы служить: цвет ягоды, вкус ягоды, изготовление напитка из ягод, близость к воде кустов малины (как, например, у Тургенева "Малиновая вода"). Для превращения существительного "зелень" или "малина" в при-

---

^I. "Из записок по русской грамматике", Ш, стр. 80-83.

лагательное Потебня признавал необходимым ослабление в них значения предметности, что мыслится параллельно с усилением в них же значения признака, качества. Иначе говоря, происходит постепенное внедрение существительного "зелень" в существительное "трава" или существительное "малина" в существительное "вода", следовательно, столь же постепенное устранение первоначально заложенной в предложении двойственности субстанций суждения. Ср. последовательный ход мысли "вода - свет" - "как свет, вода светла". Таким образом, в системе Потебни органически оближаются проблемы исторической семантики с проблемами развития грамматического строя языков. Нет ничего в грамматике, чего не было бы в лексике и в семантике, - таково одно из основных теоретических положений, защищаемых Потебней. В этом "синтаксическом", по выражению Потебни, подходе к явлениям языка заключалось главное положительное значение всех лингвистических трудов ученого. В этом состоит и ценность их для последующего времени.

Потебня придавал особую глубину и содержательность проблемам исторической семантики при изучении русского языка. Никто из исследователей до него не мог подняться до столь существенных теоретических обобщений в этой научной области.

Главным центром лингвистических исследований и построений Потебни всегда оставалась грамматика в ее семантическом аспекте. Он стремился к воссозданию эволюции мышления в свете исторического развития языка и поэтому должен был сосредото-

точить свое основное внимание на проблеме образования грамматических категорий как основных категорий мысли (универсалий).

Вслед за Гумбольдтом Потебня утверждает, что никакая работа в развитии мышления невозможна без участия языка. Человеческая мысль всегда стремится к обобщению чувственной данности и удовлетворяет эту врожденную потребность познания и понимания действительности не только в искусстве или в науке, но и в развитии тех функций речи-мысли, которые получают наименование грамматических категорий. Такому направлению грамматических исследований Потебня способствовало все развитие классической философии XVIII-XIX вв. Программа лингвистических исследований была раскрыта Потебней еще в первой его работе "Мысль и язык". "Слово в начале развития мысли, - писал тогда Потебня, - не имеет еще для мысли значения качества и может быть только указанием на чувственный образ, в котором нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно (т.е. ни глаголов, ни прилагательных, ни существительных - Н.М.), но все это в нераздельном единстве... Образование глагола, имени и пр. есть уже такое разложение и видоизменение чувственного образа, которое предполагает другие, более простые явления, следующие за созданием слова. Так, например, части речи возможны только в предложении, в сочетании слов, которого не предполагаем в начале языка; существование прилагательного и глагола возможно только после того,

как сознание отделит от более или менее случайных атрибутов то неизменное зерно вещи, ту сущность, субстанцию, то нечто, которое человек думает видеть за сочетанием признаков и которое не дается этим сочетанием",¹ В центре историко-грамматических исследований для Потебни стояла проблема образования, исторических изменений и функционирования грамматических категорий, прежде всего основных из них, обнимаемых понятие "частей речи". Но поскольку эти последние функционируют и изменяются лишь в составе предложений, являющихся основным синтетическим актом мысли-речи, постольку для Потебни история грамматических категорий никогда не должна отрываться от истории создания и развития типов предложения. Эволюция предложений и эволюция грамматических категорий взаимно обусловлены: это две стороны одного и того же процесса постепенного развития человеческой мысли-речи. Предложение — основная ячейка, микрокосм мысли вообще. Для Потебни, каково строение предложения, таково же и построение мысли. Отсюда перед исследователем, по взглядам Потебни, встает главная задача: установить эволюцию главных типов предложения, определить главные этапы в постепенном развитии синтаксического строя языка. Потебней самым эта задача была решена в ее наиболее существенных чертах. Он не только ставил новые для своего

---

¹ "Мысль и язык", стр. 120-121.

времени задачи перед языкознанием, но и указывал на новые пути для их решения, давал образцы глубокого их исследования.

Развивая идею о постепенном развитии категории глагольности в языке, о вытеснении категории субстанции категорией процесса, действия, силы, энергии, Потебня высказывал гипотезу о возникновении и развитии безличных предложений. Вытеснив существительное с позиций независимого сказуемого, глагол стремится и далее ограничить роль существительного как подлежащего. Возникают предложения, лишенные подлежащего (или, по Потебне, с устранением подлежащего), например, обороты "как рукой сняло", "на душе скребет", "меня так и тянет, подмывает" и т.п. Мысль от этого не утрачивает своей ясности. Поэтому, с точки зрения Потебни, безличным оборотам предстоит в дальнейшем развитии языка все увеличиваться в своем числе и значительности.

Второй пример подобного рода явлений. Потебня обращает внимание на то, что в русском языке, как и в других славянских, а также, как и в латинском, немецком и др., "гипотетические наклонения" (условное, желательное, сослагательное) своей формой указывают на связь с формами прошедшего времени изъявительного наклонения: пошел бы, хотел бы, имел бы... Опираясь на "Сравнительную грамматику" Франца Боппа, Потебня тщательно обосновывает через анализ истории гипотетических наклонений такой языковой факт: основание для перехода

прошедшего времени изъявительного наклонения к значению условности (и к значению всех гипотетических наклонений вообще — Н.М.) — состоит в том, что как эти последние наклонения рассматривают события существующими только в мысли человека, так и прошедшее время "может рассматриваться со своей негативной стороны, как отрицание действительного присутствия (наличности) явлений".^I

Таким образом, в трудах Потебни мы видим необыкновенное богатство грамматических наблюдений и обобщений, которые могут быть с пользой для дела применены и современными исследователями грамматики. Несмотря на отдельные идеалистические исходные пункты лингво-философских концепций Потебни, в целом и по существу своему для нас неприемлемые, мы, диалектики-материалисты, ценим в его общелингвистических исследованиях труд и воззрения последовательного мыслителя-диалекта, всегда умевшего подниматься от тонких языковедческих наблюдений над фактами и материей языка до глубоких принципиальных обобщений, опиравшихся на его тонкое умение вскрывать динамику и основные тенденции языкового развития в отдаленные эпохи истории человечества.

Аналитический ум точного исследователя всех деталей сочетался в Потебне со способностями синтетически охватить также всю совокупность наблюдаемых языковых явлений и процессов.

^I. "Из записок по русской грамматике", т. I-III, 1958, стр. 268.

И хотя Потебня естественно не мог стать представителем диалектического и исторического материализма в своих лингвистических исследованиях, мы не можем не отдать должного его изыскательной глубине и проникающей силе, внося в его общелингвистические концепции те необходимые коррективы, которые вытекают из позиций, занимаемых диалектико-материалистическим языкознанием.

Учение Потебни о слове и предложении неразрывно связано с его общезыковедческими проблемами, с его принципиальными взглядами на язык, на речь, на слово. Ведь язык, с точки зрения Потебни, — это непрерывный поток активного словесного творчества, вмещенный в коллективный опыт всего народа, в коллективный — и для Потебни — прежде всего — в широкий национальный контекст. В рамках этого русла коллективного словесного творчества язык непрерывно изменяется, движется, но сохраняет свою целостность, свое единство в формах выражения мысли. Все в языке взаимосвязано, взаимообусловлено, и вместе с тем в языке всегда все оформлено. Контекст языкового целого служит общим фоном для любого частного осуществления человеческой речи.

По взглядам Потебни, речь может быть понята как синоним к термину "высказывание", введенному в употребление позднее. "В действительности есть только речь, — признавал Потебня, — значение слова возможно только в речи. Выванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет." ^I

---

^I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 42.

Потебня писал: "Если не захотим придать слову "речь" слишком широкого значения, то должны будем сказать, что и речи в значении известной совокупности предложений, недостаточно для понимания входящего в нее слова".¹ Лишь контекст в его целом может служить подлинным контекстом для понимания каждого отдельного слова, только такой широкий контекст способен определять и решать все. В этом мнении Потебни мы находим зерно впоследствии сложившегося учения о системности языковых структур на всех ее уровнях.

Для Потебни "настоящее живое слово"² может рассматриваться лишь как составной элемент речи, в которой оно реализуется. В отрыве от контекста речи – слово только мертвый искусственный препарат.

Будучи выхваченным из живой ткани разнообразных высказываний, словарное слово, по мнению Потебни, – "экстракт, сделанный из нескольких различных форм".³ Потебня всегда считал, что "действительная жизнь слова... совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не несколькими то есть каждый раз произносится, или понимается, имеет не более одного значения."⁴ Многозначных слов, с точки зрения

---

1. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 44.

2. Там же, стр. 42.

3. Там же, стр. 44.

4. Там же, стр. 15.

Потебни, нет и не может быть. "На деле есть только однозвучность различных слов, - полагал он, - то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки".^I Язык, согласно взглядам Потебни, буквально кишит омонимами. В сущности, каждое новое употребление слова, по учению Потебни, равносильно созданию нового слова.

Такое отношение Потебни к отдельному слову может быть нами расценено как субъективно-идеалистическое, не учитывающее единства частного и общего. Такое отношение к слову закрывало перед Потебней, видевшем в слове лишь индивидуально-творимый акт духовного творчества - социальную сущность слова, общность лексемы как средства речевой коммуникации между членами языкового коллектива, языкового средства, отражающего объективную действительность и одновременно с этим воспринимаемое всем человеческим коллективом. Таким образом, неправильное психологистическое и вместе с тем генетическое понимание творческого языкового процесса приводило Потебню к ошибочному истолкованию различных значений одного и того же слова как последовательного ряда возникающих друг из друга и опирающихся друг на друга мыслительно речевых актов, будто бы каждый раз приводящих к созданию нового слова.

Потебня писал: " Предыдущее значение есть для нас значе-

I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 15-16.

ние не того слова, которое рассматриваем, а другого. Каждое значение слова есть собственное и в то же время каждое, в пределах нашего наблюдения, производное, хотя бы то, из которого произведено, и было нам неизвестно." I

Главным предметом внимания Потебни как ученого всегда служило слово как творческий акт речи и познания, а не как коммуникативная единица языка. Поэтому для Потебни слово представляется состоящим из трех компонентов: звука (или комплекса звуков), знака, или представления ("внутренней формы" слова), и значения. Каждый знак всегда покоится, с точки зрения Потебни, на значении ранее усвоенного слова. Громадное значение Потебня придавал психологической апперцепции. Так, например, в слове "арбузик", которым ребенок назвал "абажур", им был уловлен признак шаровидности, извлеченный им из значения слова "арбуз" и образовавший для данного случая "знак" значения этого слова".² Таким образом, все три структурных компонента – комплекс звуков, знак, или представление, (знак шаровидности, общий для арбуза и для абажура) и предметное значение (абажур) – могут быть усмотрены в окказионально употребленном слове "арбузик". "Знак в слове, – считал Потебня, – (или представление) есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующей

I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 19

2. Там же, стр. 17.

щего образа или понятия". I

Для Потебни представление – "непременная стихия возникающего слова; но для дальнейшей жизни слова оно не необходимо". 2

Лишь образное поэтическое слово способно к сохранению всех своих образующих его составных элементов. Поэтическое слово всегда одновременно реалистично и символистично. Ибо "в слове, как представлении единства и общности образа, как замене случайных и изменчивых сочетаний, составляющих образ, постоянным представлением... человек приходит к знанию действительного предмета". 3

И всюду, где такое слово синтетически, хотя и нерасчлененно (с точки зрения научного познания) отражает действительность, – всюду разлита поэзия, – так утверждал Потебня.

Согласно взглядам Потебни, поэзия, как и наука, – это прежде всего явление языка. Язык поэзии – это язык, сохраняющий живые представления о предмете. "Элементом слова с живым представлением соответствуют элементы поэтического произведения, ибо такое слово и само по себе есть уже поэтическое произведение"⁴, – считал Потебня.

Однако познавательная способность человека не может быть

I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 18.

2. Там же, стр. 19.

3. "Мысль и язык", стр. 124.

4. "Из записок по теории словесности", 1905, стр. 30

удовлетворена полностью на пути лишь художественного, поэтического познания. И тут на помощь человеку приходит наука. Потебня признавал, что наука есть процесс объективирования искусства. Поэтому язык науки должен рассматриваться как высшая ступень прозаического языка, как язык, оперирующий значениями, возведенными на ступень понятий. К синтезам, добытых художественно, наука подступает без помощи образов "представлений". Потебня писал: "Прозаичны - слово, означающее нечто непосредственно, и речь, в целом не дающая образа, хотя бы отдельные слова и выражения, в нее входящие, были образны."¹

Таким образом, в соответствии с воззрениями Потебни, прозаическое слово непосредственно сочетает звуковой комплекс со значением. Отсюда можно сделать вывод о том, что развитие понятий из чувственного образа, утрата поэтичности слова и стремление сделать слово лишь знаком мысли - это явления, взаимно обусловленные. Потебня думал, что наука невозможна без понятия, которое предполагает представление. Но он полагал также, что проза без поэзии существовать не может и что она постоянно возникает из поэзии. Итак, хотя в понимании научного мышления у Потебни и ощущается некоторый налет агностицизма, в целом его взгляды могут быть признаны приемлемыми, в них нет возможности усматривать нарочитого противопоставления диалектическому материализму. В особенности ценными кажутся нам вы-

---

¹. "Из записок по теории словесности", 1905, стр. 102.

сказывания Потебни для развития науки о языке художественной литературы, для стилистики как языковедческой, так и литературоведческой.

Описанием поэтического и прозаического слова для Потебни не исчерпывается его (слова) смысловая структура. При этом остается нераскрытым его формальное, грамматическое значение. Слово в большинстве языков мира включается в строгую систему грамматических категорий, основных грамматических понятий, определяющих собой строй данного языка. Потебня полагал, что говорить на формальном языке - значит формализовать свою мысль, распределяя ее по известным отделам. В таком языке, как русский, каждое слово непременно носит на себе печать строго определенной грамматической категории. По мнению Потебни, как вещественные значения, так и грамматические формы должны быть рассматриваемы как средства и вместе с тем как акт познания.

Итак, Потебня признавал, что грамматическое функционирование слова в речи определяется системой изменчивых и подвижных грамматических категорий, отражающих вложенную в самом языке, "классификацию образов и понятий". В отличие от категорий логических, для Потебни грамматические категории неразрывно связаны с вещественным содержанием слова в данном языке. Грамматические категории изменчивы. Потебня писал: "Нет ни одной неподвижной грамматической категории... даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются".^I

---

^I "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 37.

Грамматические категории, с точки зрения Потебни, возникают, развиваются и изменяются только в предложении. Единство и цельность речи — основываются на строении предложения. Исток предложения, по мнению Потебни, — это первообразное нерасчлененное слово-предложение. Такое нерасчлененное слово-предложение охватывало собою первоначально всю речь, оно явилось универсальной, но еще не оформленной единицей языка, еще не выработавшего в своем развитии. Это было, по определению Потебни, — в сущности еще не предложение, а лишь психологическое (не логическое) суждение посредством слова (при помощи слова). Между тем даже самые "простейшие предложения наших языков заключают уже в себе грамматическую форму, оно (предложение) появляется в языке вместе с ней". Грамматические формы и категории не только возникают и изменяются в составе предложения, но они организуют и изменяют само предложение, "подобно тому, как неизбежно форма устойчивой кучи зависит от формы вещей (например, кирпичей, ядер), из коих она складывается." ¹

Потебня отказывался от исчерпывающего определения предложения, годного для всех языков и для всех периодов их развития; он заявлял, что, строго говоря, история языка на значительном протяжении времени должна давать целый ряд определений для понятия предложения. По убеждениям Потебни, можно установить две ступени в развитии предложения: древняя и современная. Совре-

---

¹ "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 83.

менному типу предложения соответствует преобладание в нем глагольного элемента. Этому предшествовал более древний тип предложения с преобладанием именного строя. Самый рост глагольности был, по Потебне, связан с увеличением связи и единства между частями предложения. Степень гегемонии глагола в предложении сменяет ступень именного предложения, в котором ведущая роль принадлежала существительному. "По типу обороты - я не ездук - жалоба моя - древнее, чем - не езжу, жалуясь. Именной характер предложения увеличивается по направлению к древности. Вместе с тем увеличивается и конкретность языка",^I - писал Потебня. Эта его гипотеза подтвердилась позднейшими исследованиями, в которых рассматривалась синтаксическая типология языков.

Для Потебни в грамматической сфере решающим являлся синтаксис. Ученый считал, что все грамматические категории могут быть постигнуты только через синтаксис. Само понятие синтаксиса у Потебни перерастает в понятие общего смыслового контекста языка, всей языковой структуры в целом.

Синтаксис в широком значении этого термина представляется для Потебни главной опорой изучения всякой истории языка. Понятия грамматической формы слова и грамматической категории выступают поэтому у Потебни на семантическом и на синтаксическом фоне, освещенном образами речи и предложения: грамматичес-

---

^I См.: "Из записок по русской грамматике", т. III, стр. 354.

кая форма в системе Потебни – это понятие синтаксическое по преимуществу. Поэтому грамматические значения, с точки зрения Потебни, могут проявляться не только через так называемые "формальные принадлежности" слова, но и через его синтаксические связи, через его семантические функции и речи, иногда даже через место соответствующего разряда слов в общей структуре языка. "Нет формы, – считал Потебня, – присутствие и функции узнавались бы иначе, как по смыслу, то есть по связи с другими словами и формами в речи и в языке".¹ Потебня писал: "Если при сохранении грамматической категории звук, бывший ее поддержкою, тернется, то это значит... что мысль не нуждается больше в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания формы другим более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это речью или схемой форм".² В таком языке, как русский, для Потебни нет слов, грамматически не оформленных, то есть не подводимых под какую бы то ни было грамматическую категорию. Поэтому грамматическую форму слова, с точки зрения Потебни, никогда нельзя отождествлять "со звуком", то есть с его аффиксами. Оно (грамматическое значение) может выражаться и через отсутствие аффикса. Таким образом, понятие нулевой морфемы было впервые и ранее других грамматистов осознано и развито в трудах Потебни.

---

¹. "Из записок по русской грамматике", т. I-22, стр. 47.

². Там же, стр. 66.

Установив, что иногда грамматические формы "собственно для себя в данном слове не будут иметь никакого звукового обозначения", ¹ - Потебня обратил внимание, например, на особенности грамматического выражения категории вида глагола в русском языке. Он считал названную категорию всеобщей: нет ни одного глагола, который не относился бы к категории совершенности или несовершенности. Между тем, как отмечал Потебня, имеется значительное число случаев, когда глагол совершенный и несовершенный ничем не отличаются по внешности: женить, настоящее - женю (несов. вид), и женить, будущее - женю (совершенный вид) для Потебни "суть два разных глагола, различные по грамматической форме, которая в них самих, отдельно взятых, не выражена ничем." ² По мнению Потебни, вне связи не есть ни именительный, ни винительный единственного, ни родительный множественного, ибо вне связи, вне речи форма, как и все слово, не функционирует, она мертва.

Потебня понимал грамматическую форму как глубоко структурное, синтетическое явление языка. И именно такое понимание ее сущности наилучшим образом способно осветить истинную картину диалектического перехода формы в содержание и обратно - содержания в форму. Однако в понимании грамматической формы, как и в понимании отдельного слова, Потебне не удалось избежать не-

---

¹ "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 39.

² Там же, стр. 39.

которого налета субъективно-идеалистической индивидуализации. С его точки зрения, например, количество форм в языке определяется количеством "формальных оттенков значений". Для него "Всякое особое употребление творительного есть новый падеж, так что собственно у нас несколько падежей, обозначающих именем творительного". I

И в данном отношении в грамматическую концепцию Потебни могут и должны быть внесены коррективы, которые уточнили бы сформулированные им понятия в соответствии с требованиями метода диалектического и исторического материализма, в частности под углом зрения диалектико-материалистического учения о единстве категорий частного и общего.

Раскрыв понятие слова, понятие грамматической формы и грамматической категории, выяснив центральное место в грамматической системе такого синтаксического понятия, как предложение, Потебня заложил прочную основу классификации частей речи, то есть тех главных лексико-грамматических разрядов языка, без которых невозможно никакое грамматическое его описание. Грамматическая концепция Потебни оказала существенное влияние на все последующие трактовки проблемы частей речи вплоть до наших дней.

Наряду с основными и ярко выраженными в морфологическом и синтаксическом отношении категориями частей речи в русском

I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 34.

языке (глагол, прилагательное, наречие), Потебня допускал еще и такие промежуточные категории, как причастие и инфинитив; он был готов усматривать в смешанном облике таких промежуточных категорий намеки на первоначальный синкретизм имени и глагола. По его мнению, "причастие есть часть речи, обособленная, оставшаяся за выделением существительного и прилагательного. " ¹ Инфинитив, по определению Потебни, "есть имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении". ²

Таковы в самых кратких и общих чертах основные положения грамматической и общелингвистической теории Потебни. В его системе взглядов отмечается глубокая самобытность и оригинальность, не лишенная порою отдельных неясностей, в ней много не до конца отделанного, противоречивого, обусловленного той эпохой, когда ученый жил и творил. Одна из важных задач, встающих перед нашей современной наукой о языке, — это задача глубоко изучить и критически освоить богатейшее научное наследие выдающегося русского и украинского филолога-мыслителя, труды которого в течение последних десятилетий, к сожалению, иногда склонны недооценивать, а то и просто подвергать забвению наши языковеды.

---

1. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 95.

2. Там же, стр. 372.

- II5 -
MONUMENTA LINGUAE RUSSICAE VETUSTAE
REDIGUNT: V. V. KOLESOV ET E. H. TOTI

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

РЕДАКТОРЫ: В. В. КОЛЕСОВ И И. Х. ТОТ

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ XI ВЕКА ИЛАРИОНА

Н.Н.Розов (г.Ленинград)

Отличительной чертой лучших классических памятников русской литературы всегда был и остается высокий патриотизм, а также стремление их авторов не просто изложить или описать события своего повествования, но и глубоко, философски осмыслить их. И эти свойства отмечаются уже в старейших памятниках русской литературы, с которых она начала свое существование почти тысячу лет тому назад.

Это был период стремительного и блестящего расцвета древнерусского государства, время его внешнеполитических успехов, когда Россия впервые и навсегда вышла на международную арену, заняв на ней сразу же одно из первых мест среди равных — по политическому и культурному уровню — народов европейских стран. Одиннадцатый век был началом истории русской культуры, сохранившиеся памятники которой показывают высокий уровень строительства, архитектуры и разнообразных видов искусства, в том числе и искусства книги. В те времена и одновременно были созданы старейшие из сохранившихся русские книги, первые библиотеки, древнейшие памятники Киевской Руси.

Среди последних особое место занимают сочинения Илариона — одного из первых русских "книжников", приближенного князя Ярослава Мудрого, положившего начало распространению в России "по-

читания книжного" организацией перевода и переписки книг, создавшего первую русскую библиотеку. Иларион в своем знаменитом "Слове о законе и благодати" не только прославил культурно-просветительную деятельность Ярослава, но и изложил оригинальную историко-философскую концепцию. Его имя называется во всех издающихся в настоящее время в Советском Союзе книгах по истории русской философии и эстетики.

Так, например, утверждая, что "особую область в социологической мысли народов СССР эпохи средневековья составляли идеи и концепции, пытавшиеся уяснить место того или иного народа во всемирно-историческом процессе", авторы курса Истории философии в России заявляют, что "такого рода социологическая концепция была представлена Иларионом в его "Слове о законе и благодати".¹ Отмечая вклад Илариона в историю русской эстетики, автор соответствующей книги пишет: "Киевский митрополит Иларион, философ, боец за единство родной земли, в своем обращении к памяти великого князя Владимира прямо выражает идею единой Руси в качестве гражданского идеала."²

В подтверждение этих и других подобных высказываний историков русской философии и эстетики привлекается обычно лишь главное произведение Илариона – "Слово о законе и благодати". И обычно оставляется без должного внимания другое произведение того же автора – иного жанра и предназначения – его Молитва, являющаяся самостоятельным сочинением, а не заключительной частью "Слова", как

---

¹История философии в СССР, т. I, М.-Л., 1968, стр. 36-37.

²Памятники эстетической мысли, т. I, М., 1962, стр. 428.

считают многие исследователи.³

Содержание, тональность, жанр и адресат этого произведения Илариона совершенно иные, чем в "Слове о законе и благодати". Если последнее, изложенное в приподнятом, торжественном стиле, переходящем к концу в славословие князю Владимиру, обращено к людям, к аудитории Илариона, то Молитва обращена к богу. И это именно Молитва, содержащая обязательные для этого жанра элементы самоуничтожения, раскаяния, мольбу о милости, о пощаде. Она вся полна тревоги ее автора за "стадо", которое он "начал пасти" и которое лишь недавно было "исторжено из пагубы идолослужения". И традиционный евангельский образ "доброго пастыря" не-

---

³Как заключительную часть "Слова о законе и благодати" определил Молитву первый издатель сочинений Илариона А.В.Горский (Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. - Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе, ч.2-я, М., 1844, стр. II-I2). Возражения против этого высказаны мною при новой публикации произведений Илариона (Н.Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона - русского писателя XI в. - "Slavia" roč. XXXII, 1963, стр. I44-I45). Самостоятельным произведением считает Молитву Илариона и современный немецкий исследователь Лудольф Мюллер (Ludolf Müller. Die Werke des Metropoliten Ilarion. München, 1971, в. II).

ожиданно приобретает конкретно-исторический, даже социально-экономический оттенок. Иларион молит бога именно о своем, немногочисленном "стаде" и своих "пасомых" характеризует — в полном соответствии с представлениями ранне-феодалного общества — как "новокупленных рабов", еще не во всем "угождающих господину своему" и даже иногда убегавших от него ("быхомъ б гуни своего владыки"). Не менее конкретны и некоторые просьбы Илариона к богу, кроме обычных молений о прощении грехов и пощаде на страшном суде: "Пока стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, не предавай нас в руки чужих, чтобы не прослыл твой город плененным, а стадо твое — пришельцами в земли несвоей". "Продолжи милость твою на людях твоих, ратные прогоняя; мир утверди, врагов укроти, в голод дай хороший урожай, сделай наших владык грозными для соседей, бояр умудри, города расшири" — просит Иларион.

Все это оказалось необычайно "созвучным" событиям последующих веков — периода междоусобных войн и вражеских нашествий. Поэтому Молитва Илариона получила в рукописной книжности гораздо большее распространение, чем "Слово о законе и благодати" и — что очень важно — сохранила в заглавии многих своих списков имя ее автора, чего, кстати сказать, нет ни в одном из списков "Слова".

При этом текст Молитвы изменялся под влиянием конкретно-исторических условий времени и места появления ее отдельных списков. Образовались две редакции, изначально связанные — как можно судить по их содержанию и припискам на рукописях — с двумя регионами ее распространения. Первоначальная редакция — та, что со-

держится в уникальной рукописи, сохранившей весь цикл сочинений Илариона, по которой они обычно издаются,⁴ — получила распространение преимущественно во Владимиро-Суздальской Руси, вторичная — сокращенная — в Новгородской земле.⁵ Но именно последняя сохранила некоторые и немаловажные особенности текста Илариона. В ней нет, например, слов, которых не могло быть в тексте XI в. — просьбы к богу "не попускать усобных рати", которые есть в большинстве списков пространной редакции. Вероятно, столкновения между отдельными группами населения Новгорода не считались там "усобными ратями", т.к. разрешались обычно без применения вооруженной силы — "рати". Просьбы же Илариона о сохранении города от "пленения", об "утверждении мира" и плодородии земли вполне соответствовали желаниям новгородцев. И они были лишь слегка сокращены, если не сказать конкретизированы: "град наш сохрани от нахождения иноплеменник, лето мирное мирови даруй" (Молитва Илариона читалась в Новгороде в день нового года). После же присоединения Новгорода к Москве краткая редакция распро-

---

⁴ Сборник середины XV в. Синодального (бывшего Патриаршего) собрания № 591. Ныне — в государственном Историческом музее в Москве (в дальнейшем будет обозначаться "ТИМ").

⁵ Н.Н. Розов. Рукописная традиция "Слова о законе и благодати". — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР, т. XVII, 1961. стр. 50-51.

стрилилась по всей России, что отразилось в конкретизации наименования властей. Если в первоначальном тексте говорилось вообще о "владыках" ("Владыки наши огрози странам"), а в новгородской редакции назывались сначала князь и архиепископ, то в позднейших списках той же редакции упоминаются царь и патриарх. Все сказанное делает необходимым обследование и текстологический анализ сохранившихся списков Молитвы Илариона.

Однако в настоящее время нет возможности не только изучить, но даже учесть все сохранившиеся списки этого произведения. Его переписывали в самые различные по назначению книги, начиная от Кормчих, кончая Часословами, Служебниками, Требниками, Канонниками. Содержание же названных книг, кроме первой, при каталогизации обычно не расписывается. Поэтому лишь в некоторых, преимущественно дореволюционных описаниях собраний рукописных книг, составлявшихся часто духовными лицами, отмечаются списки богослужебных книг; так были отмечены два древнейшие ее списка, публикуемые ниже.

При изучении истории распространения Молитвы Илариона в рукописной книжности XIV-XVII вв., когда в истории России происходили важнейшие события перехода от феодальной раздробленности к централизованному государству, становления и укрепления последнего, важно обратить внимание не только на то, когда, где и в какие книги она переписывалась, но и на "антураж" этого произведения внутри книг. Не менее знаменательны и изменения заглавия Молитвы, в котором часто указывалось не только имя автора, но и ее

предназначение в данный момент. Приведу несколько примеров.

Один из старейших списков Молитвы, публикуемый ныне, находится в "Чине како подобает молебен пети", назван кратко, анонимно и нейтрально: "Молитва к господу нашему Исус Христу". В списке середины XV в. - той же, пространной редакции - она содержится в чине "Канона молебного за болящего" и озаглавлена: "Молитва преподобного отца нашего Илариона митрополита Российского". В Часослове XVI в. она читается в "Правиле за эпитимию" с аналогичным названием. В Каноннике того же столетия она озаглавлена более пространно и обстоятельно: "Молитва преподобного отца нашего Илариона митрополита Российского в нашествие иноплемennых и за бездожие и в смертоносие и за всяко прошение". В этом названии как бы подытожены все случаи применения Молитвы Илариона в предыдущие столетия.

В одном из самых поздних ее списков - в Каноннике XVII в. она помещена в Каноне "певаемом в трус и глад и всякого страха подобно же о гобзине плодом и о времени мирнем" и озаглавлена: "Молитва о гневѣ божии за бездожие и за безведрие егда дождь рамен идет и за князя и за христианы". Таким образом, после того, как Россия вышла победительницей из годов "смуты" и иностранной интервенции, Молитва Илариона в конце своего распространения - приобретает лишь "узко сельскохозяйственное значение"; от ее первоначального значения - просить защиты в

первую очередь в случае оккупации ⁶ - в заглавии, причем на последнем месте, остаются лишь неопределенные и архаические уже в те времена слова "за князя и за вся христиань", а из текста исчезают слова о "междоусобной рати".

Так закончилась история интенсивного распространения и активного усвоения рукописной книжностью в течение семи столетий первой русской молитвы, сочиненной автором первого "Слова" русской литературы. ⁷ Таковы первые и поверхностные наблюдения лишь над незначительной частью из сохранившихся списков этого произведения.

---

⁶ Этот современный термин вполне применим в качестве эквивалента к словам Илариона о "пленении града" и о его жителях, ставших "пришельцами в земли не своей", т.е. перемещенных на чужую территорию.

⁷ О том, что в XVII в. Молитва Илариона вышла из употребления, свидетельствует помета при ее списке в "Чиновнике" новгородского Софийского собора: "Аще ли волит (священнослужитель - Н.Р.) и сию да глаголет", т.е. читать её тогда уже не было обязательным (рукопись описана и опубликована А.П.Голубцовым в "Чтениях в обществе истории и древностей российских" - в дальнейшем будут называться "ЧОИДР" - 1899, кн.2.) Молитвы Илариона нет в печатных Требниках издания 1639, 1646 и 1651 гг.

Будем надеяться, что предлагаемая первая публикация Молитвы Илариона всего лишь по 12-ти ее спискам послужит поводом не только к розыскам новых списков и их текстологическому анализу, но и к более тщательному изучению одного из первых произведений русской гимнографии.

+ + +

При отборе списков Молитвы Илариона для ее предлагаемой публикации принимались во внимание следующие соображения.

В качестве основных, публикуемых полностью и в орфографии оригиналов, взяты старейшие ее списки, ни разу не публиковавшиеся. Для пространной редакции это текст, содержащийся в Служебнике о Требнике (в одном переплете) 1474 года из библиотеки Троице-Сергиева монастыря (ныне в Библиотеке им. В.И.Ленина в Москве) № 224, лл. 334-337.⁸ Краткая редакция публикуется по старейшему из всех сохранившихся списков Молитвы - в Каноннике конца XIV в. той же библиотеки № 254, лл. 53-56; список отличается оригинальной графикой и орфографией.⁹

---

⁸См.: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. 2-я. - "ЧОИДР", 1878, кн.4, стр.6-9.

⁹Там же, стр. 32-33. На последнем листе рукописи - запись с предположением, что это - автограф Епифания Премудрого (по мнению сотрудников Отдела рукописей Библиотеки им. В.И.Ленина, она сделана одним из авторов названного Описания иеромонахом Арсением).

Разночтения (приводятся лишь смысловые и наиболее примечательные из лексических, в современной орфографии) привлекаются из списков, находящихся в книгах различного содержания и предназначения, написанные или побывавшие в различных, отдаленных друг от друга местах.

Для пространной редакции берутся следующие списки:

1. Богослужебный сборник ("Троичник") середины XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря (ныне - в Публичной библиотеке в Ленинграде) № 58/II35, лл. 94-97. Обозначается буквой "А". ¹⁰

2. Часослов конца XVI в. из библиотеки Троице-Сергиева монастыря № 350, лл. 192-195 об. ¹¹ Обозначается "Б".

3. Канонник XVI в. Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки (ныне в ГИМ) № 503/774, лл. 154-161. ¹² Обозначается "В".

---

¹⁰ По лл. 3-10 записи XVI в.: "Троичник Троицкого протопопа Матфея полону смоленского, а дал ему Григорей Федоров сын Давыдова"; "Дал Пасью (так!) чернцу Кириловскому протопоп Матвей Калугу града". Таким длинным был путь этой книги в Кирилло-Белозерский монастырь. Название Публичной библиотеки далее будет указываться сокращенно: "ГПБ".

¹¹ Описание -ЧОИДР, 1878, кн. 4, стр. 115-116.

¹² А.В.Горский и К.И.Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т.6, М., 1917., стр.282-292.

4. Канонник XVII в. из библиотеки Троице-Сергиева монастыря № 284, лл. 58 об. - 61. ¹³ Обозначается "Г".

5. Сборник церковно-полемический XVII в. из библиотеки Греко-униатского капитула в г. Перемышле (ныне - в Польской национальной библиотеке в Варшаве) № 2736, лл. 396-399 об. ¹⁴ Обозначается "Д".

---

¹³ Описание - ЧОИДР, 1878, кн. 4, стр. 58-63. Имеется вкладная запись в "Семеновский монастырь, что под слободою Александровою" (монастырь был основан Иваном Грозным, но в XVII в. прекратил свое существование).

¹⁴ Об этой библиотеке см.: Н.Н.Розов. Маловідомі джерела з історії української мови. - В кн.: Питання історії української мови. Київ, 1970, стр. 176-186. Сборник содержит выписки из постановлений вселенских соборов, русские канонические памятники, антикатолические сочинения. Молитва Илариона приписана (без заглавия) к "Поучению к попам", приписываемому Серапиону, епископу Владимирскому. Аналогичный случай имеется в Кормчей XVI в. Румянцевского музея (ныне - в Библиотеке им. В.И.Ленина в Москве); опубликовано в Истории русской церкви архиепископа Макария (т. I, М., 1868, стр. 279-281). Перемышльский сборник может быть датирован - по упоминанию в записи его писца львовского епископа Иеремии Тисаровича - 1607-1641 гг. Наличие в нем Молитвы Илариона среди памятников Владимиро-Суздальской Руси XIII в. (кроме сочинения Серапиона в нем есть Постановления владимирского собора 1274 г.) свидетельствует о том, что

Для краткой редакции разночтения взяты из следующих списков:

1. Требник конца XV в. из библиотеки Соловецкого монастыря (ГПБ) № 1195/1086, лл. 202-204. об. ¹⁵ Обозначается "А".

2. Служебник первой половины XVI в. из новгородской Софийской библиотеки (ГПБ) № 702, ¹⁶ лл. 147-150. Обозначается "Б".

3. Служебник середины XVI в. той же библиотеки № 716, лл. 115-117 об. ¹⁷ Обозначается "В".

к XVII в. Пространная редакция достигла западных границ России.

¹⁵ Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. III, отд. I. Казань, 1898, стр. 89-100, № 774. На первом листе рукописи помета XVII в.: "Книга Потребник старой монастырской".

¹⁶ В XVII в. находился в Верхотеменской пустыни Вологодской губернии.

¹⁷ В XVII в. находился в Задне-Никифоровской пустыни Олонецкой губернии.

4. Требник XVI в. Синодальной библиотеки (ГИМ) № 378 (898) лл. 136 об.-141. ¹⁸ Обозначается "Г".

Служебник середины XVI в. Софийской библиотеки № 847, лл. 203 об.-206. ¹⁹ Обозначается "Д".

---

¹⁸ А.В. Горский и К.И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. III, ч. I, стр. 226-236. Имеется вкладная запись 1602 г. патриарха Иова в Успенский собор, запись о том, что книга выдавалась "на съезд" дьяку Афанасию Власову (он ездил в 1599 г. послом к императору Рудольфу), а также пометы XVII в.: "Потребник с патреярша двора" и "Требник писменной из Мастерской палаты".

¹⁹ Имеется вкладная 1659 г. "вдовой попадъи Марфы Семеновой дочери с детьми" в Ильинскую церковь в "Задней Дуброве" Каргопольского уезда.

Приведенные примеры записей и приписок показывают, как Молитва Илариона распространилась к XVII в. от Москвы до Соловков, читалась в маленьких монастырях и приходских церквях.

¹Молитва], къ [господ]у нашемъ [су]с[х]рист]у.²
Влад[е]ко ³г[осподи] ⁴наш[е], ⁵высокии. ѿ славныи ч[ел]овеколю[б]че.
въздаѿи противъ трудомъ ⁶сла[в]ы ⁷и честь. ⁸причастники
ны ⁹сътвори ¹⁰/ своего ¹¹царств[а]. Помани [з]ко бл[а]го ¹²ни-
щи(х) / своих(х) ¹³[з]ко има ¹⁴теб[я] ч[ел]овеколюбец[ь]. А/ще и ¹⁵
добры(х) д[ел] не има[ем]ы. ¹⁶но многа / ради мл[а]дости тво[ей] ¹⁷
спаси ны. ¹⁸мы оо л[ю]бви тво[ей], и швца паств[ин]ы ¹⁹тво[ей].
и ста/да ²⁰еже ²¹нач[а](т) ²²ново ²³паствити. ²⁴исторги/и ²⁵
ѿ пагубы идолослужен[і]а, паств[ин]оу добрыи. и ²⁶положиви ²⁷ду[х]

х/ Текст публикуемой рукописи разделяется на слова, но пунктуация его сохраняется. В начале фраз и периодов вводятся прописные буквы. Титла раскрываются и "подтительные" части слов вставляются в квадратных скобках (из-за нестабильности правописания оригинала - в современной орфографии). Выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках. Концы строк отмечаются одной чертой, концы страниц - двумя. Цифрами перенумерованы разночтения с другими списками, приводимые ниже (в современной орфографии).

I-2 Молитва преподобного отца нашего Илариона митрополита Российского А; Таж Молитву преподобного отца нашего Ариона митрополита Русийского Б; Молитва преподобного отца нашего Илариона митрополита Российского в нашествие иноплемennых и за бездождие и в смертоносие и за всяко прошение В; Молитва о гнѣвѣ

шѸ свою за / ѡвца. не ѡстави нас[с] аще и еще 28 съгрѣ/ша-
 емъ 29 ти. 30 ꙗко 31 новѡхъ пленѣи раби. 32 въ / всѡмъ не
 оуголаше 33 господу 34 своемъ, не възвѣ/шася 35 нас[с] 36
 аще и 37 еще блуди 38, не боиса 39 ма/лоє мое 40 стадо 41
 ꙗко 42 блатѡизволи ѡтець 43 / ва 44 небесни 45 дати 46
 вамъ црствіе. 47 Богатыи / милостію, блуди шедротами. 48
 л.334 об. ѡбѣ/щавшиса прїимати кающася. 49 и ѡ//жида 49 ѡбра-
 щеніа грѣшны(х) не помя/ни грѣ(х) нашихъ многи(х) но 50 прїи-
 ми ны 51 ѡ/бращающася 52 къ тобѣ. Загла(ви) 53 рѣко/писаніе
 божий за бездожие и за безведрие егда дождь рамен идет и за
 князя и за всѣхъ християны Г; Нет Д. 30 владыко Г. 4Доб. бо-
 же АБВД; Доб. царю боже Г. 5Доб. царю АБВ. 6трудов Г.
 7Доб. же АВГД. 8Доб. и АБВГД. 9нас Д; Нет АБВ. 10творя
 АБВ. 11твоего Г. 12Доб. нас АБВГД. 13твоихъ АБВГД. 14Нет
 Г. 15Доб. мы тебе А. 16имамы Б. 17своея Г. 18нас АБВ.
 19паствы АБВ. 20стадо АБВГД. 21иже ново АБ; Доб. ново ВД.
 22начихъ Б. . 23Нет АБВД. 24пасты Г. 25исторгъ АБД; исторг-
 ни Б. 26Нет ВГД. 27Доб. и Б. 28Доб. блудим, не отрини нас
 аще и еще АБВ; Доб. блудим, не отверзи нас аще и еще ГД.
 29съгрешимъ Д. 29-31а вси Б. 30Нет АВ. 31аки АВД. 32Доб.
 твои Б. 33угождаючи АБ; угожаючи В. 34господину АБВД.
 35-38но рци к намъ Д. 36Нет Г. 37-39Нет БВГ. 40Нет БВ. 41
 Доб. есмь АВ; Доб. есмь. Помани господи ꙗко же рече Б. 42Нет
 В. 43-45Нет Б. 44Нет АВД. 46Доб. небесное БВ. 47Доб. молимъ
 тя АБВ. 48кающихся БВГД. 49ожидати В. 50Нет АБВГД. 51нас
 АБВ. 52обращающихся АБВД. 53загради Д.

наши(х) съблaзнѣ, и ⁵⁴ оукротѣи / гнѣвимъ же разгнѣвахомъ ⁵⁵ тѣ, ч[л]о[в]еко/любче. Ты бо ны ⁵⁶ еси господь и ⁵⁷ владыка и тво/рець. ⁵⁸ ~ тоб ⁵⁹ бо ⁶⁰ есть ⁶¹ власть и ли жити / намъ или оумрети. Оуложи ⁶² гнѣвъ сво/и ⁶³ милостиве. Его (же) достои-ни есми по дѣл[амъ] нашимъ. Мимоведи искушеніе, ⁶⁴ и и/збави насъ настоящ[имъ] оубды. ⁶⁵ яко (перъ/сть есмы и прахъ). ⁶⁶ Не вни-ди в оубд[ы] с ⁶⁷ рабы / своими. ⁶⁸ Мы бо (люди) е твои есмы, ⁶⁹ и тебе / ище(м) и ⁷⁰ тебѣ припадаемъ и ⁷¹ тебѣ са ми/ли дѣ-емъ. ⁷² Съгрѣшихомъ и ⁷³ зла ~~на~~ ⁷⁴ сотвори/хомъ. ⁷⁵ не съ-блюдохомъ ни съхранихомъ ⁷⁶ ако (же) за/повѣда намъ. Земни бо ⁷⁷ соуще, къ зе/мни ⁷⁸ преклонихомся. ⁷⁹ лѣкава съдѣ/ахомъ предъ(м)ълицемъ ⁸⁰ твоимъ. ⁸¹ Славы твоѣа ⁸² и лю/бве. ⁸³ на

⁵⁴Нет АБВГ. ⁵⁵прогневахом ГД. ⁵⁶нам АБВ; Нет Г. ⁵⁷⁻⁶¹Нет Д. ⁵⁸⁻⁵⁹и у тебе АБВ. ⁶⁰Нет АБВГ. ⁶²утоли АБВД. ⁶³Нет АБВГД. ⁶⁴⁻⁶⁵наше ГД; Нет АБ. ⁶⁶Доб. и АВД. ⁶⁷⁻⁶⁸рабом твоим Д. ⁶⁸твоими АБВГ. ⁶⁹Нет АБВГД. ⁶⁹⁻⁷⁰тешем к Б. ⁷⁰Нет А. ⁷⁰⁻⁷¹Нет Д. ⁷²Доб. и тебе припадаем Д. ⁷³Нет БД. ⁷⁴Доб. и Б. ⁷⁵⁻⁷⁶Нет В. ⁷⁶сотворихом АБГ. ⁷⁷Нет ГД. ⁷⁸земли ГД. ⁷⁹приклонихомся БВГД; Доб. и АВД. ⁸⁰⁻⁸¹Нет АБВГ. ⁸¹Нет Д. ⁸²⁻⁸³Нет ГД. ⁸²⁻⁸⁵и предахомся и БВ. ⁸⁴телесня Д. ⁸⁵пре-дахомся АД. ⁸⁶поработихом Д. ⁸⁷и быхом Б; быхом В. ⁸⁸⁻⁸⁹каемся просим и молим В; плачемся просим молим Д; Нет Б. ⁹⁰Доб. каемся А. ⁹¹своих АБВГ; Нет Д. ⁹²Нет А; Доб. тебе Г. ⁹³молим ти ся АБВД. ⁹⁴нас АБВ; Доб. ныне же ГД. ⁹⁵Доб и Б.

л.335

похоти пло^(а)хскы^(а) 84 оустремихом^(а) 85 / поработихом^(а) 86
грѣхови. и печалем^(а) жи/тїискы^(а) об^(а)хо^(а) 87 об^(а)х^(а)ни сво^(а)ѣ^(а) вл^(а)-
дѣки. оубо//зи ѿ добрых^(а) дѣл. ѿ ка^(а)-ѣннїи злаго^(а) ради жи/
тїа . 88 Молим^(а) ѿ 89 ка^(а)емьса 90 злых^(а) дѣлъ и 91 / про-
сим^(а) да страх^(а) твои послещи въ о^(а)р^(а)ща на/ша. 92 молим^(а) 93 да
на страшнѣ^(а)мъ об^(а)дѣ помї/лѣши ны. 94 Спаси о^(а)ущедри призри
посѣ/ти о^(а)умилосердїа 95 помилѣ. Твое о^(а) 96 / ѣсмы 97 и
твоею р^(а)к^(а) дѣло. Аще о^(а) 98 на 99 безаконїа 100 наша I при-
зриши 2 господи 3 кто посто/итъ. Аще въздаси кому^(а) по дѣ-
лом^(а) 4 / то кто спасет^(а) . Яко ѿ тебе 5 милость 6 и мно/го^(а)
избавлїе. 8 и душа наша в р^(а)к^(а) тво^(а)ю, 9 и дыханїе наше
въ воли твоѣи. 10 и II/ донѣ же 12 о^(а)л^(а)гопризиранїе 13
твое 14 на / нас. 15 о^(а)л^(а)годнѣнствем^(а) 16 аще ли 17 съзро-
стї/ю 18 на ны 19 призриши, ищезнем^(а) 20 Яко оутрен^(а)а роса,
не постоить 21 о^(а) пра^(а)к^(а) против^(а) о^(а)у/ри, 22 како 23 мы против^(а)

96 Доб. раби БВ. 97 Доб. твое создание АБВ; Доб. създание Д.

98 Нет АВД. 99 Нет АВД. 100 безаконие Б.

I Нет АБВ. 2 наздриши А; назреши БГ; назриши ВД. 3 Доб.
господи АБВГД. 4 Доб. его АБВГД. 5 Доб. очищение есть яко
у тебе АБВ; Доб. очищение есть и от тебе Г; Доб. очищение
есть от тебе избавление и Д. 6-8 Нет Д. 9-10 Нет Г. II Нет АБВ. 12
Доб. о^(а) Г; Доб. бог благи Д. 12-14 милость твоя АБВ; о^(а) благоволение
и призиране твое Г. 13 призиране Д. 15 Доб. б^(а)е Д. 16 бла-
годарствует нас АБВ; благоденствовахом ГД. 16-17 а егда ГД.

гнѣвъ твоѣмъ. Но ꙗко тварь ѿ сотворившаго, 24 милости 25
 ѿ / тебе 26 просимъ. Помилуй ны 27 оже по велицеи милос-
 ти твоѣи. Все бо 28 благое ѿ те/бе 29 на насъ. 30 все же 31
 несправедное ѿ насъ к те/бѣ. Все бо оуклонихомся и 32 вси
 л.335 об. вкѣпѣ 33 // неключими быхомъ. 34 нѣсть 35 ѿ насъ ни единаго, 36
 / ѿ нересныхъ тѣшася. 37 но вси 38 ѿ 39 земныхъ 40 печалехъ
 житіисыхъ. ꙗко ѿскаждѣ преподобныхъ / на земли. Не 41 (тебѣ 42
 ѿставляющъ 43 и 44 пре/зращъ 45 насъ, но 46 намъ) тебе не въз-
 искающимъ 47 но / видимыхъ 48 прилещимъ. 49 тѣмъ же 50 боимся /
 егда 51 сътвориши на 52 насъ. ꙗко (же) и 53 на Ерусалимѣ 54 /
 ѿставляшимъ 55 та(и) не ходившимъ в пути / твоа. 56 Но 57 не

18-19 Нет АБВ. 20 исчезаем Б; исчезшем ГД. 21 постояхом аки Г.
 21-22 аки прах пред лицом ветру Д. 22 ветру Г. 22-26 но уже
 мали оставшеся милости ГД. 23 и АБВ. 24 Доб. ны АВ. 25-26 Нет
 АБВ. 27 нас БВ. 28-31 Нет Г. 29 Доб. есть В. 29-30 нам прихо-
 дит Д. 32 Нет В. 32-33 вси же АВ. 32-34 Нет ГД. 35 Доб. бо
 БВД. 36 Доб. же БВ. 37 Доб. и подвижающася АБВГД. 38 Нет Г. 39 от В.
 39-40 Нет ГД. 40 Доб. вси АБВ. 41 но АБВД. 42 Доб. не АБВ. 43
 оставляючи Б. 44 Доб. не БВ. 45 призирающе В. 46 Нет АБВ.
 47 взыскающим Б. 47-49 Нет Д. 48 Доб. сих АВ. 49 прилежащим
 АБВГ. 50 Доб. и Б. 50-51 боимся и мы да не АВ. 51 егда АБВГД.
 52 Нет Б. 53 Нет АБВГ. 54 иерусалимляне Д. 55 оставшим Г. 56
 Нет Б. 56-61 Нет Г. 57 Нет АВ. 57-64 потерпи на них и еще дъл-
 го трыле Д.

сътвори на(м) ѿко 58 и ѿнѣм 59 по / дѣлѣ(м) нашім(м) ни по
грѣх(м) нашім(м) възда(м) / ждѣ 60 на(м) 61 Но терпи 62 на(м) [63] [64]
серде 64 и оустави / гнѣвни 65 пламен 66 простирающа
на 67 / ны. Избави настояща ѿбды. 68 сѣм(м) / направлѣнѣ
на(м) 69 на истиннѣ твою. 70 На/оучи ны творити волю твою. 71
ѿко / ты еси ѿбѣ на(м) и мы лже твои. и 72 твоѣ / часть
и твоѣ достѣаніе. Не въздѣм(м) 73 рѣкъ нашіх(м) 74 къ ѿбѣ
чуждѣ. ни послѣдѣ(м) лжем(м) 75 прѣрѣкѣ ни оучена ерѣ/
тическаѣ держим(м) а. 76 Но 77 всегда 78 тебе / призываем(м)
истиннаго ѿбѣ. и к тебѣ 79 ѿчи 80 / възводи(м) и 81 рѣ-
кы въздѣм(м) 82 и молим(м) ти (ся) 83 // Шдаждѣ на(м) ѿко бл҃ггы
чел[в]ч[ко]любець. и помѣ / лѣ и ны 84 призываѣм(м) грѣшники на 85
пока[н]іе. 86 на страшнѣм(м) сѣдѣ 87 деснаго стоѣніа / не
ѿмѣчи на(м) 88 бл҃гословеніа праведных(м) прича[ст]и 90 на(м) 91

л.336

58 Доб. же Б. 59 о инем В. 60 воздай АВ; воздай же Б. 62
потерпи Г. 63 на нас АБВГ. 64 долготерпеливе АБВГД. 65 Доб.
свои АБВ; Доб. твои ГД. 66-68 нас рабы твоя А; рабы твоя ГД.
67-68 рабы твоя БВ. 69 ны АБВ; Нет ГД. 70 Доб. и А. 70-71
Нет Б. 71 Доб. и АВ. 72 Нет А. 73 въздеваем А; въздаянием Б;
воздеваем ГД. 74 Нет Г. 75 лже Д; Доб. коему АБВ. 76 держим
АБВГД. 77-79 к тебе вопиѣм истинному богу и к тебе живущему
на небесах ГД. 78 Нет АБВ. 79 Доб. живущему на небеси АВ;
Доб. живущему на небо и Б. 80 Доб. наши АБВ. 81-82 к тебе
руки наши въздеваем Д. 81 Доб. к тебе АБВ. 82 въздеваем АБ.
83-84 изми ны от напастей помилуй ны ГД. 85 в АВ. 86 Доб. и В.

Донеле же стоить миръ съ. ⁹² / не наведи на нас ⁹³ напас-
ти. не преда/ждь нас ⁹⁴ в рѣцѣ поганыхъ. ⁹⁵ Да не прозо-
вет/са градъ ⁹⁶ твой градъ плѣне(н) и люде твои ⁹⁷ /пришел-
ци въ ⁹⁸ земли не ⁹⁹ своѣй. и да не рек(т) / поганіи ¹⁰⁰ гдѣ
сѣть ¹ оубо и(к). и ² не попл(а)и ³ на нас ⁴ / скорби ни гла-
да. ⁵ ни ѿгна ни пото/па. ⁶ ни оубоныхъ ⁷ рати. ни ⁸ нап-
расныхъ / смерти. ⁹ Не ѿпад(т) ѿ вѣры ¹⁰ нетверд(и) вѣроу. ¹¹
мало ¹² показнѣ а много помил(у)и. в(м)алѣ ¹³ оуби. а ¹⁴
милостивно ¹⁵ и(с)ѣ/ли. в(м)алѣ ¹⁶ ѿ скорби, а въскорѣ ѿ ѿвес ли.

⁸⁷ ти суде Д; Доб. твоимъ АБВ. ⁸⁸ ны ГД; Доб. но АБВГД. ⁸⁹ пра-
ведникъ БВ. ⁹⁰ приитчи Б. ⁹¹ Доб. и АБВГ. ⁹² Нет АБВГД. ⁹²⁻⁹⁷
изми ны от рук чужих и да не нарекутся людие твои людие па-
губни и стадо твое Г. ⁹²⁻⁹ изми ны от рук чужих и да не на-
рекутся людие твои людие пагубни Д. ⁹³ ны БВ. ⁹⁴⁻⁹⁵ чужих
Б. ⁹⁵ чужих АВ. ⁹⁶ Нет БВ. ⁹⁸ на АВ. ⁹⁹ Нет БВ. ¹⁰⁰ странни
АВ; страны инии Б; страны Г.

¹ Нет Б. ² да Б; Нет АВ. ³⁻⁴ нанъ Б. ⁴ ны ГВ. ⁵⁻⁶ Нет БВ.
⁵⁻¹⁰ ни напрасныхъ смерти и огня и потопления да не отчаются
малодушнии милости твоя ГД. ⁷ междоусобныхъ Б; междоусобныхъ
В. ⁸⁻⁹ напрасныхъ смертей Б. ⁹ Доб. ни огня ни потопления и
от всякия напасти БВ; Доб. да А. ¹⁰⁻¹¹ нетвердии и веры ма-
ло показати помилуй Б. ¹²⁻¹⁴ язви А; язви я Б. ¹³ мало ВГД.
¹⁵ многомилостивно В. ¹⁶ и мале Б. ¹⁷ Нет Г. ¹⁸ стеблие АБВ
ГД. ¹⁹ Доб. укротися АВ; Доб. укрепися Г. ²⁰⁻²¹ Нет БВ.

яко 17 не терпи(т) естество наше / долго носити гнѣва твоего].
 яко (же) съ/но 18 шгнѣ. Но 19 оумилосердис, 20 поми/ли и
 пощади, 21 оумножи милость твою / на рабѣ твоём(ъ) князѣ на-
 шемъ ꙗко. и / на боляремъ(х) и вои(х) его. и на всѣ(х) людехъ тво//
 л.336об.ик). Ратныя прогони 22 миръ оутверди. 23 / страны оукроти.
 грады 24 оубоуди. 25 / Князя нашего 26 шгрози странамъ. 27
 бола/рь оумудри. 28 цркви. 29 възрасти. 30 Плод(ъ) зе/мли оумно-
 жи. Младенца въспита/и. старость под(д)ержи. и всѣ спаси и съ-
 /облуди. Мужа и жену общаѣ въ плѣ/ненъи. 31 и въ заточеніи. въ
 20-22 яко твое есть еже милovati и спасати. Тем же продолжи
 милость твою на людехъ твоихъ, ратная прогоняя А; яко твое есть
 еже милovati и спасти. Тем же предложи милость твою на людехъ
 твоихъ, страны прогоняя БВ; на люди твои, ратные прожени ГД.
 23 Доб. а Д. 24 глад Г; град Д. 25 умножи АБВ; Доб. благовер-
 наго Д. 25-26 владыки наши АБВ; князи наша Г. 27 языком ГД.
 28 Доб. грады сильныи сотвори АБ; Доб. грады сильныи сотвори
 расосели Г; Доб. грады расели, сильныи сотвори Д. 29 церковь
 твою АБВГД. 30-31 достояние свое соблюди, мужа и жену и мла-
 денца спаси, болящая здрава створи и сущая в пленении и в
 работе АБВ; достояние свое соблюди, мужа и жены и младенца
 спаси, сущая в работе и в пленении Д. 32 пути шествую Б;
 Доб. шествующих АВ. 33 всех АБВ. 34 душевную АГ. 35 Доб и
 молением АБВ. 36 Нет Б. 37 Нет БГД. 37-39 и святаго АВ.
 38-39 Нет БГД. 40 твоего БВГ. 41 Нет БВГ. 42-44 Нет ГД. 43

пѹте(х) 32 ѿ въ пла/ваніи. в тсѣниах(х) ѿ въ алкоѣ ѿ в жа/жѣ
ѿ ѿ в нагоѣ. всѧ 33 поми/ли ѿ всѧ оуѣщи. ѿ всѧ ѿради
радость тво/ра ѿ телеснѣю ѿ духовнѣю. 34 мо/литвамъ; 35 /
пречистѣа ти 36 ма/тере. ѿ свѣтѣх(х) нрѣснѣх(х) си(х) ѿ бес/плот-
нѣх(х). 37 чѣстнаго 38 ѿ славнаго прѣрока 39 ѿ /прѣстѣна ѿ 40
крѣстителя твоѣго 41 ѿ Іоанна / ѿ свѣтѣх(х) 42 славнѣх(х) 43 ѿ
всѣхвалнѣх(х) 44 а/посто/лѣх(х). прѣрокъ 45 / же ѿ и 46 мѹреникъ. ѿ
прѣпрѣбнѣх(х) ѿще/ць 47 ѿ всѣх(х) свѣтѣх(х) / мо/литвами 48 оу/мили-
сѣрдисѧ на ны. 49 да милѣстѣю твоѣю пасѣми. 50 въ ѣдиной
вѣрѣ. 51 въ/кѣѣх(х) весело 52 ѿ радостно 53 славимъ) тѧ, г/спѣ-
да / нашего) Ісус Хрѣста съ ѿще/ць ѿ прѣсвѣтымъ ду/хомъ) твоѣмъ
/ нераздѣлнѣх(х), 54 ѣдиносѣстѣвенѣх(х) цѣрѣство//щѣх(х) на 55 нрѣс-
нѣх(х) ѿ на земнѣх(х) 56 а/нгѣлѣх(х) ѿ чѣловѣкѣх(х) вѣ /димѣх(х) ѿ невиди-
мѣх(х) тѣвари. 57 ныѣх(х) ѿ / прѣсно ѿ ѿ вѣкѣх(х) вѣкѣх(х) 58 аминѣх(х):.

Нет В. 45-46 Нет ВГ. 46-47 преподобных А. 47 Нет ВГД; Доб.
и святых святителей Василия Великого, Григория Богослова,
Иоанна Златоустаго и святого отца Николы и святого блажен-
ного князя Владимира и заступники русския Бориса и Глеба и
преподобных отец наших начальников Печерских Антония и Фео-
досия АВ. 48 Нет ГД. 49 Доб. и помилуй нас АБВ. 50-51 в еди-
нении веры АВГД. 52 весе Б; во веселии Д. 52-53 Нет Б. 54
неразлучну и Г. 55-56 небеси и на земли АВГД. 57 Доб., яко
свят еси боже наш и АБВ. 58 Нет В.

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ х/

¹Вл[а]д[и]ко г[о]споди б[о]же нашъ высокый славнии / ч[ел]о[в]еколюб-
че. въздаа противѸ трудом ²славѸ и честь. причастни/кы
твора ³твоего ⁴царствия. Пома/ни г[о]споди яко бл[а]гъ ⁵
на[с] ⁶нищи(х) твои(х) ⁷и ⁸те/бѣ ⁹ч[ел]о[в]еколюбче. ¹⁰Аще и ¹¹
добры(х) дѣлѣ / не имамъ ¹²но ¹³мно/гихъ ¹⁴¹⁵ради милости
твоея ¹⁶/ сп[ас]и ны. ¹⁷Мы бо ¹⁸люди / твои ¹⁹овца паст-
вины ²⁰/ твои. ²¹и стадо же ²²но/во начато ²³пастви-
ти ²⁴и/сторгни ²⁵Ѹ пагуби и/долослуженья. Пасты/рю добрый.
положивъ ²⁶/ ду[ш]ю свою за овца. не / остави на[с] аще ²⁷еще ²⁸
сѣ/грѣшаем ти. ако ново/куплений раби. твои. / во всемъ не
оугажа/юще г[о]сподину своему. ²⁹Не / гнушайся ³⁰на[с] ³¹аще и
/ еще блудимъ. не ѡве/рзи на[с] но г[р]ѣши к ³²намъ / не бойся

х/Правила публикации основного текста – те же, что и в преды-
дущей пространной редакции. Кроме того, буква "Ы", последова-
тельно выдержанная в орфографии данного списка, заменяется на
"Н".

1-14 В основном списке начала не сохранилось; публикуется по
списку А. ²трудов Б. ³творяи Б. ⁴и своего Б. ⁵Доб. и Б.
⁶Нет Г. ⁷⁻⁹нарицающих имя твоё Г. ⁸имя БВД. ⁹твое В. ¹⁰
человеколюбец Д. ¹¹Нет Б. ¹²имаеши Б. ¹³Нет В. ¹⁵многих
Д. ¹⁶Доб. и Б. ¹⁷Доб. и Б. ¹⁸Нет Б. ¹⁹Доб. есть Г. ²⁰пас-
твы АГД. ²¹Нет Б. ²²Нет В. ²³начать АГ; начат Д. ²⁴пасты
АГД. ²⁵исторгни АБ; истръгни ГД. ²⁶положивый АБВГД. ²⁷Доб.
и ГД. ²⁸Доб. ей господи Б. ²⁹Доб. и Б. ³⁰възгнущайся АБВГД.

л.53об. малѡ³³ моѡ³³ / стадо. ꙗко бл҃гоизво³⁴ / ѡгнѣ лашь нѣрес-
 ныи да/ти вѣмъ царствіе³⁵. Егда//тѣи мѡлостью³⁶ слѣдѣи ше/-
 дротами. ѡбѣщавы/са приимати каюса/и/са³⁷ ожидаѣ обраще/ниа
 грѣшныхъ. не / помани многихъ грѣхъ³⁸ нашихъ. Приими / ны
 обращающася³⁹ к те/бѣ. Заглади рукописа/нь⁴⁰ нашихъ собла-
 знь.⁴¹ /оукроти гнѣвъ. ѡм. же / разгнѣвахомъ та чрево/колюбо-
 че ты⁴² ꙗси⁴³ владѣ⁴⁴ / и творецъ. в тобѣ⁴⁴ ѣсть / власть
 или жити⁴⁵ на/мъ⁴⁶ или оумрети. Поло/жи⁴⁷ гнѣвъ свои мѡлости-
 ве / него же⁴⁸ достоини ѣсь/мъ⁴⁹ по дѣломъ наши/мъ.⁵⁰ Не
 л.54 въведи ны⁵¹ во / искушенье. ꙗко перѣ/сть нѣсмъ ѡ прахъ.⁵²
 не // вниди в судъ с рабы /своими.⁵³ Мы бо люди твои/и.⁵⁴
 тебе⁵⁵ ѡищемъ. ѡ тобѣ⁵⁶ /припадаѣмъ. ѡ тебѣ / са мили дѣѣмъ.
 Сѣгрѣ/шихомъ ѡи⁵⁸ злая створи/хомъ. не⁵⁹ соблюдохомъ / ни схра-
 31 на нас В. 32 Нет Г. 33 Нет ГД. 34 благоизволи АБВГД. 35 цар-
 ство ГД. 36 Доб. и В. 37 кающихся АБВГД. 38 грехов АБВГД. 39
 обращающаяся АБД; обращаяся Г. 40 рукописание АБВД; рукописа-
 нии Г. 41 Доб. и Б. 42 Доб. бо АГД; Доб. нам Б; Доб. бо ны В.
 43 Доб. господь и Г. 44 Доб. бо Б. 45 живот Б. 46 Нет В. 47
 отврати АГД. 48 еже Д. 49 есмь Б. 50 Доб. и БВД. 51 нас АГД.
 52 Доб. и Б. 53 твоими Б. 54 Нет Г. 55 тебя Б. 56 тебе АБВД.
 57 Нет ВД. 58 Нет Б. 59 ни Б. 60 сотворихом Б. 61 съдеяхом АД;
 содеяхом Б. 62-63 желание плотское Б. 64 греху АБВГ. 65 бехом
 АГД. 66 бегуны АБГД; гнусни В. 67 окаяннаго АБВГД. 68 проси-
 хом Б. 69 Нет Г. 70 о А. 71 Доб. своих А. 71-73 Нет Г. 72
 делех А. 72-73 Нет АБВ. 74 Нет В. 75 Нет В. 76 нас АД. 77

нихомъ.⁶⁰ како же / заповѣда намъ. Земь/ний бо суще къ зем-
 ны/мъ приближихомса . лу/кава-а сдѣахомъ⁶¹ пре/дъ лицемъ
 твоимъ. ѿ/ славы твоѣ и любь/ви на⁶² похоти плоть/ска⁶³
 оустремихомъся / поработихомса грѣ/хови.⁶⁴ печалми жити/ска-
 ми. оыхомъ⁶⁵ ѿбѣ/гнути⁶⁶ свое/го влады. оу/бозий ѿ доб-
 л.54об. рныхъ дѣ/ль. ѡканьаго⁶⁷ ради / житьа. Ка-емса и про//симъ.⁶⁸
 и⁶⁹ молимса ѿ⁷⁰ злы/хъ⁷¹ дѣ/ль.⁷² и просимъ⁷³ да / страхъ
 твой послешъ / въ срдца наша. Молимса⁷⁴ / да⁷⁵ на страшнѣмъ
 су/дѣ помилу-еши ны.⁷⁶ / Спаси⁷⁷ оушедри призри / и⁷⁸ поств-
 ти. оумилосердися/ и⁷⁹ помилуй.⁸⁰ Твой бо⁸¹ ѡ/смы и⁸² тво-
 ю⁸³ руку дѣ/ло. Аще⁸⁴ на⁸⁵ безаконь/а (наши) призри⁸⁶ грѣ-
 поди⁸⁷ кто посто/ить. Аще въздаси кому/ждо по дѣломъ⁸⁸ кто
 спасе/тсѧ.⁸⁹ како ѿ тебе ѡ/смы⁹⁰ / милости много⁹¹ и избав-
 ле/ньѣ душамъ нашимъ. / в руку твою и⁹² дыха/ньѣ наше. въ
 воли твоѣ/ей.⁹³ И⁹⁴ донеле же⁹⁵ бо⁹⁶ при/зрѣньѣ твоѣ⁹⁷ на
 насъ⁹⁸ / оу/благодѣнствуемо.⁹⁹ А¹⁰⁰ // аще ли призриши на насъ¹
 / ростью² господи.³ ищезнемъ /ако оутренаа роса,⁴ не / по-
 стойтъ бо⁵ прахъ / проти бури.⁶ тако⁷ проти/ву⁸ бури⁹ твоѣ-
 му. Но¹⁰ ако / тварь ѿ створшаго./ милости¹¹ просимъ поми/-
 Доб. и АБВГД. ⁷⁸Нет АВГД. ⁷⁹Нет Г. ⁸⁰Доб. ны Б. ⁸¹НетД.
⁸²Нет АД. ⁸³⁻⁸⁶назриши Д. ⁸⁴Нет Г. ⁸⁵Нет АГ. ⁸⁶назриши
 АГ; призриши В. ⁸⁷Доб. господи АБГ. ⁸⁸Доб. его ВГ. ⁸⁹спа-
 стися Б.⁹⁰Нет Д. ⁹⁰⁻⁹¹милость многа АГД. ⁹²Нет АВГД. ⁹³⁻⁹⁵дондеже
 Б. ⁹⁴Нет АГД. ⁹⁶Доб. и Б; Нет Г. ⁹⁶⁻⁹⁷призрити тебе Д.
⁹⁸⁻¹призри нас В. ⁹⁸Доб. и А. ⁹⁹благодушествуим АГД; бла-

луй¹² ма¹³ о¹⁴ по велицѣ / милости¹⁵ твоѣй. Все бо¹⁶
 ѿ тебе¹⁷ о¹⁸ нас¹⁹ все / же неправедно²⁰ ѿ нас²¹
 / к тебѣ. Все бо²² оуклони/хомьса²³ и вси²⁴ въку/пѣ²⁵ не-
 ключимы быхо/мь. нѣсть²⁶ ѿ нас²⁷ ни единого²⁸ / же о нечестивыхъ
 тѣша/са²⁹ но вси ѿ земныхъ. / и³⁰ ѿ печалехъ житий/скихъ,
 л.55об. ако оскудѣ преподобныхъ³¹ на земли. / Не³² тебѣ³³ оставлю
 //ще³⁴ презрашю³⁵ нас³⁶ но³⁷ на/мь³⁸ неключимымъ / рабомъ тво-
 имъ. Не на/ростью твоєю господи³⁹ боли/чи на⁴⁰ ни⁴¹ гнѣ-
 вомъ твоимъ покажи нас⁴². Но⁴³ излѣ/чи⁴⁴ на ны⁴⁵ господи⁴⁶ ве-
 ликую твою / милость. Градъ нашъ сохра/ни ѿ нахоженна ино-
 пле/меньникъ. Лѣто⁴⁷ мирное⁴⁸ / мировѣ. даруи. Оугобзи⁴⁹ /пло-
 доносъа⁵⁰ милости твоѣи / первыа⁵¹ господи⁵². Помилуй грѣ-
 споди⁵³ / князя⁵⁴ нашего. 49. иакъ 50. по/кори враги⁵⁵ подь но-
 годеньствуему Б. 100. Нет АГ. 2. яростию АВГД; со яростию Б.
 3. Нет АБВГД. 4. Доб. и Б. 5. Нет Д. 6. ветру Б. 7. Доб. мы АГ; Доб.
 и мы Д. 8-10. гнева твоего. но Г. 9. гневу АБВД. 10. Нет В.
 11-15. Нет В. 12-14. нас АД. 13. нас Б. 16. Доб. есть Б. 16-17. Нет
 В. 18-19. нам АГ; на нас БВ; к нам Д. 20. многих Д. 21. клони-
 хомся Д. 21-22. Нет В. 23. Нет А. 24. Доб. бо АБВГД. 25. единсго
 АБВГД. 26. тѣшися Д. 27. Нет Д. 28. преподобный АГД. 29. Нет Д.
 30. Нет Г. 31. оставляющу АБВГД. 32-34. нам грешным Д. 33. Нет АГ.
 34. Доб. грешным и АБВГ. 35. Нет АБВГД. 36-40. дай нам Б. 37
 ниже АВ. 38. Нет Г. 39. дай АВД; подай Г. 41. Нет Г. 42. мирно
 АД; мерно и Б. 43. Доб. и Б. 44. плодоносно Б. 45. Нет БВГД.
 46. Доб. спаси господи и В. 47. господаря В; Нет АБД. 48. царя
 АГ; Нет В. 49. Доб. благовернаго христорюбиваго царя и велико-

зи не/го⁵² Помилуй⁵³ г[оспо]ди архиеп[иско]па / нашего [ъ] пра-
ваща⁵⁴ сло/во⁵⁵ тво[я] са истины. ⁵⁶ ѿ всако/го чина ц[ерк]овна-
го. ⁵⁷ ерб[и]/скии чинъ ѿ мнишьскии. ⁵⁸ / Помилуй⁵⁹ г[оспо]ди ⁶⁰
в горахъ ѿ въ / верьтѣхъ ѿ в располина/хъ ⁶¹ земнихъ. ⁶²
и еще ⁶³ в ку/шахъ ⁶⁴ пребывающе. ⁶⁵ ожида/юще ⁶⁶ великиа тво[я] са
л.56 м[ил]ости/ Помилуй⁶⁷ г[оспо]ди плѣнныа ⁶⁸ в го//рѣ работѣ ⁶⁹ въ-
зврати ѿ/хъ ⁷⁰ въ сво[я] си. ⁷¹ Покоѿ г[оспо]ди пре/ставленыхъ
рабѣ свои/хъ ⁷² ѿ вѣка оумершихъ / ц[ар]и ѿ князи ⁷³ архиеп[иско]-
пѣ / ѿ ер[с]копѣ. ⁷⁴ ерб[и]/скии чинъ ѿ / мнишьскии. ⁷⁵ ѿ вса
крестѣ/ни ⁷⁶ скончавшася ⁷⁷ въ / св[я]тѣхъ крещенѣ. ѿ вѣка оу/-
гожшихъ ⁷⁸ ти г[оспо]ди оубо нашъ / ѿ ⁷⁹ тобѣ ⁸⁰ славу всыла-
емъ ⁸¹ / со ⁸² оубо ⁸³ ѿ оубо ⁸⁴ ѿ с пресвѣтѣ ⁸⁵ дукомъ. ⁸⁶
ѿ нынѣ ⁸⁷ ѿ при/сно в веки вѣкомъ ⁸⁸ ...

го князя В. ⁵⁰ Доб. всяя Руси самодержца В. ⁵¹ Нет АБВГД. ⁵²
Доб. всякаго врага и борителя АБВГД. ⁵³ помяни Б. ⁵⁴ исправля-
ющаго АГД; исправляюще Б. ⁵⁵⁻⁵⁶ тво[я] истинно Д. ⁵⁷⁻⁵⁸ переиска-
го чина и инического Д. ⁵⁸ иночѣский АГ. ⁵⁸⁻⁶⁰ Нет Д. ⁵⁹ помя-
ни Б. ⁶¹ распалинахъ АД; пропасть Б; расселинахъ Г. ⁶² земле-
ныхъ А. ⁶³ Нет Г. ⁶⁴ кощунахъ Б. ⁶⁵ пребывающихъ АБВГД. ⁶⁶ ожида-
ющихъ ВГ. ⁶⁷⁻⁶⁸ и А. ⁶⁸ Нет Г. ⁶⁹ Доб. и А. ⁷⁰ Доб. господи АБ
ВГД. ⁷¹ Нет Г. ⁷² твоихъ АБГД. ⁷³⁻⁷⁴ архиепископы и епископы
АБВГД. ⁷⁵ иночѣский АД; Доб. чинъ В. ⁷⁶ христианы А; христиане
Д. ⁷⁷ скончавшихся АГ; скончавшаяся Д. ⁷⁸ благоугодившихъ АГ;
угодившихъ Б; угожшихъ В. ⁷⁹ Нет Б. ⁸⁰ тебе АБВГД. ⁸¹⁻⁸⁶ о[т]цу
и сыну и святому духу БВ. ⁸² Доб. безначальнымъ ти АГД. ⁸³⁻⁸⁴
Нет АГД. ⁸⁵ Доб. и благымъ и животворящимъ ти АГ; Доб. и благымъ Д.
⁸⁶⁻⁸⁸ Нет В. ⁸⁷⁻⁸⁸ Нет БВ. ⁸⁸ Доб. Аминь А.

КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ. СПИСОК ПУ Б.
/ГЛ. Тройни. 254/

53
ИИ АРАМА ИИТЬ ЧКА
СПИИНЫ. МТЫ БОАЮАИ
ПШОЙ ОЩА ПАСТВИНЫ
ПШОКА. ИСТАДОАЛНО
БОНАЧАТО ПАСТВИТИИ
СТОРИНИИ ПАЛУБЪИ
ДОЛОЛУЖЕНА. ПАСЧЫ
РЮДОБРЫИ. ПОЛОЖИТЬ
АШЮ СВОЮ СЛОЩА. И
ОСТАВИТИ АЩЕ ИЩЕ С
РАБШАИМИ. АКОНОЮ
КУПЛЕНИИ РАБИТШОИ.
ВОШЕ МЫНГО УГАЛА
ЮЩЕ РНУ СВОИМУ. И
РАУШАИ СМЪ. АЩЕ И
ИЩЕ БЛАУАИМЪ. ИИ
РСИНА СЪ МОРЦИКНАМЪ.
ИИ БОИ САМАЛ И МОЕ
СТАДО. ИИ ОВАТИИ СВО
ОЩЕ ВАШЕ ИИ ПЫИДА
ТИЕ АМЦУРЧИКЪ. БИ

ПЫИ МАТЬЮ БЛАГЪИЩЕ
АРОТЪАМИ. ОБЪЩАЪТЪ
СА ПРИМАТИКАЮСА
ТАСА. ОЖИДАЮ ОБРАЩЕ
НИА ГРЪШНЫХЪ. НЕ
ПОМАНИ МОГИХЪ ГРЪ
ХЪ НАШИХЪ. ПРИМИ
НТИ ОБРАЩАЮЩА СЯ КЪ
БЪ. ЗАГЛАДИ РУКОПИСА
НЫ НАШИХЪ С ОБЛАХЪ.
ОКРОПИ ГНѢВЪ. ИМѢ
РА ГНѢВАХЪ МѢАВЪ
КО ЛЮБЧЕ. ГЪИ КСИЩА СЯ
И ПЪОРЕЦЪ. ВЪТО БЪЖЕ
ВЛАСТЬ ИЛИ ИЛИ
МЪИЛИА УМРЕТИ. ПОЛО
ЛИ ПНѢВЪ СВОИ МАТЪ
И РОДО СТОИНИ КЪ
МЪИ ПОДЪ БЛАМЪ НАШИ
МЪ. НЕ ВЪВЪСА ИНЪИ
ИСКУЩЕНЫ. ТАКИ ПЕРЬ
СТЬ КЪ МЪИ ПРАХЪ. НЕ

СИМЪ. И МОЛИ МСА ѿ СЛЪ
ХЪ А БЛЪ. И ПРВЕНА БЛ
СТРАХЪ ТВОЙ ПОСЛЪШЬ
ВЪ СРЦА НАША. МОЛИ МСА
А НА СТРАШЕНЬ МЪ СЪ
А Б ПОМИЛУЕШИ НЪ.
СПСИ ОУЩЕ АРИ ПРИЗРИ
И ПОСЪПРИ ОУМА РАИ СЯ
И ТЪ МОИЛУИ. ТВОИ БО Е
СМЪ ОИ И ТВОИ Ю РУКУ А Б
ЛО. АЩЕ НАВЪ ЗАКОНЪ
А ПР^{НАШЕ}И ТРИ ГИ КТО ПОСПО
И ТЪ. АЩЕ ВЪ ХА С И КОМУ
МА О ПО БЛАГОМЪ КТО СПЕ
ТЪ СЯ. ЯКО И ТЪ СЕ БЪ ЕСТЬ
МА ТИ МНОГО ИИ СВАЩЕ
НЪ КЪ АША МЪ НАШИМЪ.
ВЪ РУКУ ТВОЮ И А ТЪ И РА
НЪ КЪ НАШЕ. ВЪ ВОЛИ ТВО
И ИИ. И ДО НЕ ЛЕЖЕ БО ПРИ
ХЪ БНЪ КЪ ТВОИ НАША.
БЛАГОДАМЪ СПЪШУ ЕМО. А

55.
 аще ли приидиши на нѣ,
 рости югѣ, ище знемъ
 ако утѣраема а рѣсѣ, не
 постои пѣбѣо брахъ
 проти бурѣ. тако проши
 вѣбѣури пѣбѣо юмѣу но аѣ
 пѣбѣа рѣбѣо пѣбѣо рѣаго.
 маши просимъ помни
 лѣи ма бѣе по бѣе лѣи цѣ
 маши пѣбѣо юи. вѣе бѣо ю
 пѣе бѣа бѣо юи на нѣ. вѣе
 пѣе не правѣе а нѣо юи на
 кѣе бѣе. вѣе си во а укладни
 хомѣса. иѣе си вѣе тѣу
 пѣе не кѣа юи мѣе бѣе хѣо
 мѣе. нѣе юи на нѣе аѣтѣо
 пѣе о нѣе нѣе хѣе тѣа цѣа
 са. но вѣе си о зѣе мѣе нѣе хѣе.
 иѣе пѣе а лѣе хѣе мѣе пѣе иѣе
 лѣе тѣе хѣе. аѣе о о кѣе аѣе
 пѣе пѣе нѣе хѣе нѣе а зѣе мѣе нѣе.
 не пѣе бѣе о о пѣе а бѣе а ю

ЩЕ ПРЕЗРАЩЕЮ И ЛЮБИ
МА И МЕЮ КЛЮЧУ И МЪ
РАВОМЪ ТВОИМЪ. НЕА
РОСТЬЮ ТВОЮ КЮГНОБАН
У И НА. НИ ГНѢВОМЪ ТВО
ИМЪ ПОКАЖИ НА. ПОИЗЛѢ
И НАНЫ ГИ ВЕЛИКЮ ТВОЮ
МАТЬ. ГРАДЪ НАШЕ СХРА
НИ. ОНА ДОЖЕНЫ И ПОПЛЕ
МЕНЬНИКЪ. ЛѢ МИРНОЕ
МИРОВО ДАРУ. ОУГОБЗН
ПЛОДОНОСЬЮ МАТИ ТВОЮ
ПЕРВЫЯ ГИ. ПОМИЛУИ ГИ
КНАЗА НАШЕГО. ІѦХ. ПО
КОРИ ВРАГИ ПОДЪНОЗНИ
ГО. ПОМИЛУИ ГИ АРХИЕП
НАШЕГО ІѦХ. ПРАВДУ СЛ
ВО ТВОЕ ИСТИНЫ. ІВ СЯКО
ГО И НА ЦАРЬ НАГО. КРѢ
СКИ И УНЫ И МНИШЬСКИ.
ПОМИЛУИ ГИ В ГРАДѢ ІВ
ВЕРЬТ ПѢХЪ ІВ РАСПОЛИНА
ЛЪ ЗЕМНИХЪ. ІКЩЕ ВІУЩА
ХЪ ПРЕБЫВАЮЩЕ. ОЖИДА
ЮЩЕ ВЕЛИКИЯ ТВОЕ МАТИ
ПОМИЛУИ ГИ ПАТРИИ И ВГО

руѣ работѣ възврати
 ѣвъ своимъ. покое и прѣ
 ставленъ ѣ рабъ твои
 ѣ. ѡвѣка оумершихъ
 чрнѣи мази. а рѣи пѣ
 ѣпѣ. крѣтѣи тѣи
 мнишь сѣи. іѣсѣ крѣ
 амъ сѣи. нѣавшѣ сѣ
 стѣи крѣи. ѡвѣка оу
 гежѣи хѣи. тѣи бѣи
 іѣбѣ сѣи. вѣи. а кѣи
 со оумѣи. сѣи. прѣи
 амъ. іѣи. прѣи. вѣи.

КАТЕГОРИА.

МАТН. ГЛА. 2. Пѣ. А ДАКО ПО
 СУХУХОЛИ ѣи. РАБѣ.
 ДА МАТѣи. МОЛАЩѣи.
 Сѣ. БЛАГОСЛАВНА ѣи. А
 ПРАВЕ ДАГО. ПОДАЖЕИ
 Мѣ. ВЛАДѣи. СРѣи. НАШЕГО
 ПРОШЕИ. Кѣи. ПРОСИ
 Мѣ. РАБѣи. Хѣи. Тѣи.
 ПРИМИХѣи. Вѣи. Іѣи. Тѣи. Сѣи.
 Рѣи. Вѣи. ГРѣи. Тѣи.

ПРОСТРАНСТВО РЕДАКЦИИ. СЛУЖОК. 1477 г.

/В. Т. "р. 221/

331

БЕЗНАЧАЛНЫЕГОЩЕМЪ. ПРИНЕСУЩИИ
И ЖИВОТВОРАЩАЮ. МНѢ И ПРНОИВЪ
ВЪКЪ ВЪКЪ АМИ. М. КСЪРЪ НАШЕ МАТЕ^р
РАКО ГИНА, ВЫСОКИН. И СЛАВНЫИ ЧЛКОЛЮ
ДБЕЧЕ. ВЪЗДААН ПРОТИВОТРОДОСЛА
ВОИ ЧТЬ. ПРИЧАСТНИКИНЫ СЪТВОРИ
СВОЕ ЦРТВА. ПОМАНИ И АКО БЛГЫНИЩ
СВОИ. И АКО МАТЕ БЪ ЧЛКОЛЮ БЕЧЬ. А
ЩЕ И ДОБУИ ДѢНЕМ АМЫ. ПОМНОГЪ А
РАМЛПИ ТВОЕ АСТКИНЫ. МЫ БО БОГЕ
ТВОИ. И ОВУ А ПАС ТВОИНЫ ТВОЕ А. И СТД
ДА ЕЖЕ НА ТАНОВО ПАС ТВИ ТИ. И ПОРГІ
И О ПАГЪ БЫНДОЛО СЛОВЕЖЕНІА, ПАС ТЫ
РДО БРЫН. И ПОЛОЖИ ВЪНДШЕ ДОВОЗА
ОЩА. НЕ ОСТАВННА. АЩЕ ЕЩЕ СЪТЪ
ШАЕМЪ ТИ. И АКО НОКО ПЛЕНІИ РАБН. ВЪ
ВЪ СЕНОУ ГОДАЩЕ ГОУ СВОЕМО. НЕ ВЪЗГНА
ШАННА. АЩЕ ЕЩЕ БЛАДН. НЕ БО НАМА
ЛО ЕМО ЕСТАДО И АКО БЛГОИЗВОЛИЩЪ
ВАНЪ НЫНДА ТИ ВЪ ЦРТВІЕ. БОГАТЫН
МАТНЮ. БЛГЫНЩЕ ДО ТАМИ. О БѢ
ШАВЫН С ПРІИМАТИ КАЮЩА А С А. И О

жидашъ ащеніа гурѣшны. не по ма
 ни гурѣ наши многы. но по гни минію
 бѣающа асакъ по бѣ. заглади
 писаніе наши съблзнь. ноуку по
 гни ми же да згнѣ въ хшпа. члѣ
 лю бѣ. ты бо ны еси гни въ каи тво
 рець. въ по бѣ бо еси въ ас ты ли жи ти
 на ли оу мре ти. оу ло жи гни въ въ
 имѣ твѣ. е го до сто ин не си по дѣ
 ла ма ши. ми мо ве дѣ и скоу ше ніе. и
 зба ви на на сто ащіа бѣды. ѡ ко рѣ
 съ е смы и тѣ. не въ нѣ и ве де ра бы
 сво ми. мы бо дѣе тво не смы, и тебѣ
 ищен те бѣ при па да еи те бѣ са ми
 ацѣ бѣ. съ гурѣ шнѣ и зла мѣ тво ро
 уш. не съ бла го да роу не съ хра ми гоу коу
 по въ да на. зем ли бо соу ще, къ те
 мы пре кло ни ху сѣ. ло ка ва асѣ да
 ду по де ли це твою, ѡ сла вы тво е а ни
 бѣе. на по хо ти по слоу е ст ре ми ху сѣ.
 по ра бо ти ху сѣ а гурѣ роуи. и те ча ле жи
 ти нскы. бѣ ро бѣ гоу не во е въ кы. оу бо

зидовъ бѣдѣ. шканиннѣи злѣ ради жи
тїа. моли сая каемѣса злыдѣлѣ. и
проси да стѣпѣи послешивѣ сѣѣана
ша. моли сая да стѣпѣи тѣдѣ помѣ
лѣшинны. стѣпѣи уще дѣи при зри по сѣ
тнѣи милосердїе а по милѣи. тѣи бо
е смѣи тѣи бо сѣдѣло. аще бо на бѣ
законїа наша при зриши гнѣи по посто
итѣ. аще вѣ злѣ сѣи ко мѣи жѣ подѣлѣ.
то кѣи тѣи сѣи. тѣи сѣи тѣи сѣи тѣи
гонѣи бѣи. и дѣи наша вѣи тѣи
ею. и дѣи наше вѣи тѣи. и
дѣи лѣи жѣ бѣи при зри тѣи
на. бѣи дѣи тѣи. аще дѣи тѣи
и на нѣи при зриши. и сѣи не мѣи
тѣи, не постоитѣ бо прѣи по тѣи
и. сѣи мѣи прѣи тѣи тѣи тѣи
и мѣи тѣи сѣи тѣи. мѣи тѣи
тѣи прѣи. по мѣи тѣи жѣи
цѣи мѣи тѣи. все бо бѣи тѣи
бѣи. все же не прѣи тѣи
бѣи. все бо бѣи тѣи

неиску^тимны^и бы^хо. не^бш^нанне^дино^с.
сн^бны^и тш^аща. по^всн^шземны^и пс^ала
ле^жи^ти^искы. н^ако^ис^ад^а пр^пены^и
на^земли. не^бт^ас^ата^вла^ющ^и пр^е
з^ащ^ана. по^ма^те^бне^вз^аиска^ющи. по^в
вид^имы^и пр^ил^ещи. т^ам^же^бо^им^а
е^да^т т^ат^авор^иши^ина^а. н^ако^ина^ае^рм^и
с^ата^вль^иши^и т^ане^род^ив^иши^и в^по^ти^и
т^аво^а. по^не^ст^ат^авор^ина^а н^ако^ис^ан^б по^д
д^аш^аши. ни^по^тр^аб^ат^аши^и в^зд^а
ж^ьна. по^те^рп^има^мл^ае^ио^уст^ави^и
г^нб^ьны^и пла^ме^и пр^ос^ти^ат^ащи^ис^ана^и
ны^и. н^аз^ави^ина^ас^ат^аш^ан^аб^ьды. с^а
на^ап^ар^ав^ала^ина^ан^ас^ат^ии^ин^ат^аво^а. на^а
о^ут^ины^и т^авор^ити^иво^ат^аво^а. н^ако^и
т^аи^ис^ан^бт^ан^аи^имы^илю^ет^аво^а. и^ит^аво^а
ч^аст^ии^ит^аво^ае^до^ан^ие. не^вз^ад^аб^ье^д
к^ьна^иш^ик^ьб^ьт^ат^аже^мо. ни^по^гл^а
в^ах^ьл^ьже^мо^ипр^ик^ь. ни^оу^чен^иа^ере^и
т^ич^ис^аа^ад^ер^жи^ис^а. по^вс^ег^да^ат^еб^ь
п^ри^зы^ва^ен^ист^ии^ина^аб^а. н^ик^ьт^еб^ьс^ьчи^и
в^ьз^во^ди^ир^ькы^ив^ьз^ад^аб^ье^имо^ил^ити.

и. ра^тныи про^тоимир^ь оу^тверди.
 страны оу^тср^ьоти. гра^ды оу^тго^тзи.
 кн^азана^ше ш^гро^уне^трана. бола
 р^ьоу^тм^ьдр^ь. цр^кви в^ьзр^ьаст^ь. пл^ьо^ти
 м^ьноу^тмно^жи. м^ьладенца в^ьспит^ь
 и. старость по^тдерж^ь. и вса^тсп^ьси^ть.
 бл^ьуди. м^ьож^ьаи^тжен^ьыс^ьш^ьам^ь в^ьпл^ь
 н^ьыи. и в^ьз^ьа^то^тен^ьи. в^ьт^ьп^ьт^ьей^ьв^ьпл^ь
 ван^ьи. в^ьпл^ьм^ьни^тц^ьа^ти в^ьал^ько^тп^ь и в^ьж^ь
 ж^ьи^ти в^ьна^тго^тп^ь. вса^т по^тм^ьил^ьо^ти^ть вса^т
 оу^тп^ьш^ьи. и вса^т ш^ьб^ьра^до^ти^т рад^ьость т^ьво^я
 ра^ди т^ьлес^ьн^ьо^ти^та^т ро^ди^ти^та. м^ьл^ьт^ьв^ьа^ти^т
 пр^ьт^ьы^та^ти^т м^ьт^ьр^ь. и с^ьт^ьы^тн^ьб^ьны^т с^ьи^тб^ье^ть
 пл^ьо^тн^ьы. у^тп^ьна^т го^тн^ье^тла^т в^ьна^тго^т пр^ьт^ьи^та^т
 пр^ьт^ьи^та^тн^ьк^ьр^ьт^ьи т^ьел^ьа^т т^ьво^я го^ти^та^тн^ь
 и с^ьт^ьы^те^тла^т в^ьн^ьыи^т в^ьс^ье^т х^ьвал^ьны^та^т пл^ьа^т. пр^ьк^ь
 ж^ье^ти^ти^ти^тк^ь. и т^ьр^ьп^ье^тны^т ш^ьц^ь. и в^ьс^ье^т с^ьт^ь
 м^ьл^ьт^ьв^ьа^ти^т. оу^тм^ьр^ьд^ьи^тс^ьа^тн^ьы. да^ти^т
 го^т т^ьво^яю^т п^ьас^ьа^ти. в^ьт^ье^тд^ьи^тно^ти^т в^ьт^ьр^ьт^ь. в^ь
 к^ьр^ьп^ьт^ь и с^ье^тло^ти^т рад^ьо^ти^тно^те^тла^ти^ти^та^т. т^ь
 на^тш^ье^те^т х^ьа^тс^ь в^ьш^ьц^ьем^ь т^ьи^т пр^ьт^ьы^та^тх^ь. т^ьи^т
 не^тра^да^ть^ьа^тно. е^тд^ьи^тно^т б^ьж^ьт^ьк^ье^тно^т ц^ьр^ьк^ьи^т

в. пестальтию и шее. на гыѣрнѣ. 23

ЮУ ПЛАНБНІ И НА ЗЕМНІ. АГГЛШНІ ЧЛКШВІ
 ДНМБНІ НВНДІ МБНІ ТВАРННБНІ
 ПУНОИВВБКСЫВБКСАМИНЬ.
 МЛТВА ПУТБИБЦН.
 ШПЛАГЖЕДВОБЦЕ. ВЫШЫННБСН
 АГГЛНАДРАТГЛБ. И ВСЕМА ТВАРН
 ЧТНБНІШН. ПОМОЩНИЦЕШБНДИМЫ.
 НЕ НАДБЮШНІ СНАДБАНІЕ. ОУБО
 ГЫЗАСНОПНИЦЕ. СЮО ТАКОСМІТІА
 ЦЕ. БОЛНЫНЦБЛЕНІЕ. ГРБШНЫІПНІ
 Б. РРТІАНОКБТ ПОМОЖЕНІЕ И ЗАСНО
 ПЛЕНІЕ. ШВСЕМА ТИВЛЕСИГЖЕДВО
 БЦЕВЛЦЕ. МАТИГОСВОЕОС ПІНІ ПОМИ
 ЛІБЛГОВБТНАКНАЗНАШЕ. ІРІРН
 ЗАЧОТ ПНОУЗАШНТН. НОУМОЛІНІТЕБЕ
 ВБ ПЛОЩШАГОСАБНАШЕ. ПРЕПОАШН
 НЫГЖЕСНОЛОУСВЫШЕВНДИМЫАИ НЕКІ
 ДИМЫАВРАГЫНАША. ШВСЕМА ТИВАА
 ВЛЦЕ. ВБЗВІГНННЫНІЗГЛБІНЫГРБ
 РОВНЫА. ИЗБАВІНАШОГНАНГОТОПІА
 ШГЛАДАІГБНІТЕЛЬСТВА. ИШНАГО
 ЖЕНІАНО ПЛЕМЕННІ. ШОУСОБНЫАРА

ИЗ ЛЕКСИКИ ДРЕВНЕРУССКИХ АПРАКОСОВ

П. Цолкой

Известны частичные данные о сохранившихся письменных памятниках различного жанра русского языка XI-XIII вв. Мнения исследователей в вопросе о количестве церквей и монастырей в древней Руси и в связи с этим предполагаемом количестве необходимых для богослужения книг расходятся. По мнению Б.В.Сапунова в XI-XIII вв. было построено уже около 10000 церквей и 200 монастырей, которые должны были иметь около 85000 книг.¹ По соображениям Н.В.Волкова в XI-XIII вв. в год писалось на Руси около 50 книг.² По не полному исчислению акад. Н.К.Никольского количество списков древнерусских сочинений колеблется от 1.200000 до 2.000000.³

Что касается "памятников традиционного содержания",⁴ среди них сохранилось также не мало списков евангельских чтений - апракосов и тетров. На их значение указывают более новые данные: в нынешних советских книгохранилищах они составляют 25% всего сохранившегося письменного наследия.⁵ В перечнях у разных исследователей количество евангелий меняется в зависимости от того, сколько их было известно исследователю. Это количество постепенно возрастало, так как с течением времени открывались все новые рукописи. И.И.Срезневский называет около 60 евангелий;⁶ Н.В.Волкову известно 145 евангелий (тетры, учительные евангелия,

евангелия с толкованием и толкования на евангелия⁷); Воскресенский перечисляет 97 евангелий XI-XIII вв.⁸; в перечне у архим. Амфилохия - 16 евангелий⁹ (XI-XII вв.); в книге Н.Н.Дурново имеются названия 46 евангелий¹⁰; в обобщающем труде Л.П.Жуковской - больше 500 таких памятников¹¹.

Интересующих нас полных апракосов от XII в. сохранилось около десятка.¹² Древнейшие списки полных апракосов XII-XIII вв. или датированы, или известны обстоятельства возникновения списка, которые позволяют с приблизительной точностью локализовать рукопись во времени. Однако, во многих случаях писцы не делали никаких записей в конце своих работ. Обычно они переписывали целую группу произведений,¹³ и только в конце одной из работ делали замечания, указывая: для кого, когда и кем была выполнена работа. Писцы могли скрывать свои имена, как предполагает Н.В.Волков, и из монашеского смирения.¹⁴ В случае отсутствия прямых указаний на время списывания осложняется задача решения вопроса датировки. Тогда исследователю приходится взвешивать все "второстепенные" моменты, относящиеся к рукописи.¹⁵ Решать вопрос о принадлежности памятника ко времени помогает и лингвистический анализ.¹⁶

По мере распространения и укрепления христианской веры на Руси возрастала и нужда в евангельских чтениях. В момент появления христианства могли быть достаточны тексты евангельских отрывков на праздничные дни церковного года. Но круг чтений праздничного или краткого апракоса скоро дополняется до полного апракоса (из тетра). Факты истории апракосов дают возможности предполагать

следующую последовательность появления переводов славянских евангелий: 1. краткий апракос; 2. четвероевангелие; 3. полный апракос¹⁷; т.е. последний представляет собой третий по времени перевод евангелия, хотя имеет основание предположение, что полный апракос мог быть известен на Руси уже с конца XI-го в.¹⁸ (первое русское четвероевангелие датировано III4-м годом).

Внимание исследователей привлекали в первую очередь древнейшие полные апракосы. Подробное и многостороннее описание Мстиславова и Юрьевского ев. имеется в работах Л.П.Жуковской.¹⁹ Характеристика Добрилова евангелия и литература о нем находится в статьях Н.Б.Тихомирова.²⁰ Место Милятинова ев. III8 г. определено также в труде Л.П.Жуковской.²¹ Об евангелии Рум-104 - XII-XIII вв. можно читать в указанной статье Тихомирова.²² Миниатюры и орнамент новгородского ев. 1270 г. описаны О.С. Поповой²³ (она называет рукопись Евангелием Лотыша, вместо традиционного названия "Симоновское ев."; эта замена названия является не слишком удачной²⁴). Менее богатую литературу имеет Пантелеймоново ев. (Соф. № I)²⁵, которое одни исследователи относят к XII-му веку, а другие - к XIII-му. Наиболее полное и подробное описание Архангельского ев., вторая часть которого была списана с полного апракоса (лл. 77-175) в 1092 г., дано М.А.Сokolовой²⁶.

У нас имеются тексты (в виде фотокопии) названных выше полных апракосов, которые и послужили материалом для анализа. (Условные сокращения, употребленные в статье: Мст. - Мстисла-

вово евангелие до III7 г.; Юрв. - Юрьевское ев. III8-III28 г.; Дбл. - Добрилово ев. III64 г.; Мил. - Милатино ев. III88 г.; Пант. - Пантелеймоново ев. XII-XIII вв.; Сим. - Симоновское ев. I270 г.; Рум-IO4 - евангелие XII-XIII вв. из собрания Н.П. Румянцева; Мт. - Матфей; М. - Марк; Л. - Лука; И. - Иоанн; нд. - неделя; пн. - понедельник; вт. - вторник; ср. - среда; чт. - четверг; пт. - пятница; сб. - суббота; вс. - воскресенье; пд. - пятидесятница; нл. - новое лето).

Работа по списыванию какой-либо книги могла выполняться одним человеком; в таком случае правомерно предположить существование общего для всех частей полного апракоса оригинала. В Дбл., например, наблюдается лишь один почерк. Но в большинстве случаев отдельные части полных апракосов переписывались одновременно несколькими лицами.; с целью ускорения работу могли распределить между несколькими писцами, каждый из которых имел перед собой свой оригинал, отличавшийся от оригиналов других частей. О разных оригиналах свидетельствуют разные нормы правописания в отдельных частях, разные принципы нумерации недель, отличия в лексике и т.д.

Отдельные писцы (говорившие на разных диалектах русского языка) могли делать несколько списков, причем они встречались с несколькими оригиналами. При новом переписывании они могли употреблять слова, находившиеся в оригинале, или вместо них вставляли слова, которые казались для них более понятными и выразительными. Такая практика отмечается не только в древних,

но и в более поздних списках — "для лепшого выразумения люду хрестіанского посполитого".²⁷ Далее, напр., писец-южанин мог выучить на месте работы — скажем, в Новгороде, новые соответствующие слова, употребление которых там считалось естественным. Кроме всего этого, писец мог знать несколько синонимов, и для обозначения одного и того же понятия он употреблял разные варианты, чтобы язык его работы становился более красочным или чтобы доказать свое умение. Писец, наконец, мог передавать по-своему греческие, непеведенные слова оригинала. Все эти моменты могли оказывать влияние на язык списков; они касаются прежде всего языка частей, характерных только для полных апракосов — языка чтений летне-осеннего цикла.

Чтения цикла от пасхи до пятидесятницы полные апракосы могли унаследовать от кратких апракосов. Лексика этого цикла более однородна, чем в следующих циклах, хотя и здесь наблюдаются расхождения. Небезынтересно отметить при этом, что во многих случаях, когда лексика всех основных полных апракосов совпадает, по выбору слов Юрв. отличается от всех остальных.

В стихе И. I. 7 читается в Юрв. съ приде въ послоушество да послоушествуетъ о свѣтѣ; во всех остальных списках имеется съ приде въ свѣдѣтельство да свѣдѣтельствууетъ; в одном лишь Бим. находим съ приде въ свѣдѣтельство да свѣдѣтельствууетъ... В ст. И. I. 19 Юрв. употребляет слово жрьца (вин.мн.), все остальные — иереа. Ст. И. I. 28 содержит сочетание об оноу страну юрдана, в других — об онѣ полъиердана; Л. XXIV. 14 в Юрв. о при-

лоучивъшихъ сѧ, в остальных — о приключъшихъ сѧ; Л. XXIV.20 в Юрв. старѣишины жрьцьскы (вин.мн.), в остальных — архиереи; И. I. 42 (в ср. I-й нд. после пасхи) в Юрв. находим ты прозовеши сѧ кифа, во всех остальных — ты наречеши сѧ кифа; И. I.48 Юрв. имеет подъ смокъвиѧ, в остальных читается подъ смоковницею (в Рум-Ю4: подъ смокъвничею); в стихе И. II. 14 Юрв. употребляет слово тръжъники (вин.мн.), а остальные — пѣнажъники; в И. II. 17 Юрв. имеет зависть на месте других — жалость; в ст. И. III. 23 в Юрв. после глагола крѣстахоу сѧ употреблено еще наречие тоу, чего нет в остальных списках, в них имеется только крѣшахоу сѧ; в ст. И. III. 25 в Юрв. находим существительное сѣоупрашание, вместо которого остальные рукописи имеют сѣтазание; в ст. И. III. 30 в Юрв. находится а мѣѣ понижати сѧ, в остальных же — мѣнити сѧ (в Дбл. мнить сѧ); в ст. И. У. 37 читаем в Юрв. ни лица емоу видѣсте, вместо чего в других полных апракосах стоит ни видѣниѧ его видѣсте; разные корни глагола наблюдаются в ст. И. VI. 18: Юрв. — вѣтроу великоу вѣющоу; Дбл., Пант. — дыноущоу (в Сим. дѣхноувшю). Обнаружены десятки случаев, в которых наблюдается подобное отношение между полными апракосами. В выборе слов, языковых средств отмечена определенная связь Юрв. с древнейшими, глаголическими тетрами — Зографским и Мариинским. В Юрв. находится (И. I. 44) ѡбже филипъ отъ виѣсаиды отъ града андреова — как в Мар.; название города в остальных памятниках: отъ виѣсаидѣска града андреова; употребление разных приставок отмечено в стихе И. I. 54: сѣходаша в Зогр., Мар. и

Юрв. низъходаща - в остальных апракосах. В одном и том же сочетании слов в одних рукописях употреблено имя прилагательное, а в других - существительное: въ кана галилѣисѣи - в Мар и Юрв., в остальных же рассматриваемых памятниках - въ кана галилѣи.

Случаи лексических совпадений и расхождений между отдельными полными апракосами могут подтверждать предположение, что между древнейшими и более поздними сохранившимися евангелиями могло существовать огромное количество промежуточных списков. В качестве доказательства стоит привести хотя бы один пример: в стихе Мт. VIII. 28 читается сочетание въ странѣ гергесиньскѣ - так и в Мар., Зогр., Остр. Название этой местности передается в такой форме и в большинстве кратких и полных апракосов - за исключением Юрв., где стоит въ отраноу гадариньскоу. В большинстве известных среднеевропейских переводов Библии в этом сочетании находится корень Гергес-; так, напр., в чешской Кралицкой Библии 1579-1593 г. ²⁸; в немецкой Библии 1759г. ²⁹; так и в первых переводах венгра Гашпара Кароли. ³⁰ В греческом издании 1900 г. также имеется Гергес-. В латинской Вульгате отмечен корень Герас- ³¹; в новейших критических венгерских изданиях Библии обнаруживается корень, употребленный переписчиком Юрв. - Гадарен- ³²; так же и в польском переводе 1966 г. ³³ Издатели последних переводов ссылаются на греческие оригинальные тексты Библии (хотя до сих пор не известна конкретная греческая рукопись, которая могла бы послужить первоначальным ис-

точником, оригиналом для первого славянского перевода).

С особенной очевидностью проявляется, например, органическая связь между Юрв. и Пант. — не только в цикле от пасхи до пятидесятницы, но и в циклах от пд. до поста. В ст. И. I.39 Юрв., Пант. имеют къто оубо ты еси; в м. къто в других списках употреблено местоимение что. Писцы Юрв., Пант., Дбл. (как и Зогр., Мар.) написали сочетание отъ же година ѡко деватаѡ, тогда, как в Остр., Рум-104, Сим. употреблено порядковое числительное десатаѡ. В ст. И. III. 4 Юрв. и Пант. (как и Мар.) имеется предложение (еда можетъ) въторое въ чрево въльсти матерѣ своеѡ, в других рукописях здесь находятся слова въторицею (Рум-104 — въторичею); в Дбл. вместо глагола въльсти находим въмѣстити сѧ; в Рум-104 на месте чрево находится въ оутробоу как в Зогр. и Остр. ев.

Л.П.Жуковская убедительно доказывает тесную связь Юрв. с древнейшими тетрами.³⁴ Критерии такой связи обнаруживаются и в Пант. Приведем примеры:

Для обозначения объекта или субъекта действия в апракосах употребляются имена существительные: в Пант. эта категория (как и в Юрв.) иногда выражается местоимением. Эта практика характерна для тетров, в которых нет паузы между отдельными стихами. Вместо собственного имени Исоусъ Пант. несколько раз имеет указательное местоимение и: в 6-ю нд. по пд. (Мт. IX 18) в чтении читаем се князь пришьде кланаше сѧ емоу (в зачатном стихе); подобные примеры находятся и в стихах М. XII. 13, XIII.

I; в чтении на заутреню в великий чт. читается (Л. XXII. I) въ оно приближааше са праздникъ опрѣснѣкъ нарицаемъи пас-
ха. и искаахоу иереи и книжници како и быша оубили (в Юрв.
этот стих – без слова опрѣснѣкъ); во 2-ом воскресном еван-
гелии Марка (X. I. I) имеем: въ оно и миноувѣши соуботѣ.
мариѣ магдалини и мариѣ имковлѣ и саломѣ. коупиша аромафѣ.
да пришьдѣше помажѣть его; в зачальном стихе чтения на пн.
4-ой нд. нового лета (Л. VII. 36) отмечается въ оно мола-
ше же и н кто отъ фарисѣи Іса – с одновременным употребле-
нем местоимения и собст.им.; чтение на 16-й нд. начинается
словами: въ оно глаше имѣ вм. народомѣ. В зачальном стихе
чтения на пт. 13-й нд. (М. IX. 33) пд. пишется въ оно при-
де Ісѣ въ капърнаоумѣ и въ домоу бывѣ въпрашаше – послед-
нее слово заменяет оученики остальных рукописей. Таких при-
меров в Пант. наблюдается немало.

О возможной связи Пант. с Юрв. свидетельствуют и следу-
ющие факты:

зачальный стих чтения на вс. 16-й нд. по пд. (Мт. XXV.
14) в Юрв. оформлен так: Рече гѣ прѣтчѣ сиѣ. подобно естъ
прство нбное члвкоу црѣ. иже призѣва свои рабы. прѣдѣсть
имѣ свое имѣние; соответствующий стих Пант. отличается от это-
го только в правописании и порядке слов, тогда как остальные
памятники имеют на месте этого стиха более короткое и простое
содержание: рече гѣ прѣтчѣ сиѣ. члвкъ нбкый отъхода. призѣва
своѣ рабы – Мст., Дбл., Рум-104 и др. Чтение для заутрени в

пн. 7-й нд. поста (Мт. XXI. 18-43) начинается оборотом въ оно врѣма (Юрв.), который в апракосах типа Мст.ев. заменен сочетанием оутро же; в Пант. на этом месте отражается влияние обоих типов евангелия: въ оно. оутро же.

В полноапракосных чтениях Пант. употребляется соединительный союз ти, что наблюдается в Юрв., Синайском патерике, Изборнике Святослава 1076 г., Успенском сборнике XII-XIII вв. и др. Этот факт, однако, мало убеждает в родстве Пант. с Юрв., так как он отмечен во всех рассматриваемых полных апракосах.

Но нельзя считать случайностью совпадение в написании в Юрв. и Пант. рече же къ копачьмѣ в стихе Л. XIII. 7 (в чтении для чт. 8-й нд. н.л.). И.И.Срезневский отмечал эту форму лишь в Юрв. 35

В Юрв. часто не обозначается мягкость согласных, что имеет место и в Пант., нередко как раз в тех случаях, где и в Юрв. буква пишется без йотации; так, например, в обоих памятниках встречаются написания в окончаниях -ру вм. -рю, -ну вм. -ню, -лу вм. -лю: оѣтвору, въ ну, въ поустыну, азъ глагоду, и др.

Еще два момента, свидетельствующих о том, что писцу (или писцам) Пант. могла быть знакома рукопись Юрв.:

В обоих памятниках имеются тождественные "описки", одинаковое употребление слов, оформление сочетаний слов, которыми они отличаются от всех остальных полных апракосов. Чтение для сб. 7-й нд. по пд. (Мт. XI. I) в древнейших тетрах кончается словами: ... преиде отътоуду оучить и проповѣдовать въ градѣхъ ихъ -

на месте последнего слова в Юрв. и Пант. стоит одинаково местоимение вашихъ (в Дбл. это слово выскоблено). В тексте чтения для чт. 18-й нд. н.л. (М. ХУ. I) апракосы имеют предложения ты ли еси прѣ жидовскѣ (или иудѣискѣ). онѣ же отъвѣщавъ рече емоу. ты глещи - перед последним словом в Юрв. и Пант. написана еще частица ли, чего нет ни в тетрах, ни в других полных апракосах. В чтении на вт. 8-й нд. н.л. (Л. XII. 48) содержится сочетание лишьша просать отъ него - В Юрв. и Пант. пропускается личное окончание глагола. Может вызывать интерес и тот факт, что такие "неправильности" в Пант. обнаруживаются как раз в тех циклах, в которых наблюдаются и случаи написания полностью зачальных оборотов въ оно врѣмѣ. Этот оборот пишется без сокращения только в древнейших полных апракосах (вне круга кратких и тетров). Любопытно, что в Дбл. ни разу не встречается полное написание этого сочетания, оно пишется исключительно сокращенно с выносным В. То же самое отмечается и в рукописях Сим. и Рум-104. В не сокращенной форме данный оборот написан сравнительно чаще в Мил. и несколько раз в Пант.

Что касается другого зачального оборота рече гѣ своимъ оученикомъ, глагол пишется в нем очень часто сокращенно с выносным Ч в Дбл. и Рум-104, реже в Мил. В Дбл. сокращается и слово ученикомъ, с выносным Ч над буквами оу.

Все эти данные говорят в пользу предположения о том, что писцы и древнейших списков употребляли сокращения, и писцы более поздних рукописей могли стремиться избегать сокращений. Первые

памятники могли делаться с большой поспешностью, чтобы скорее удовлетворить требования заказчика. При этом мог доминировать фактор срочности; при переписывании применялись многочисленные сокращения. Позже, когда все более или менее важные желания были удовлетворены, и все монастыри, церкви были снабжены необходимыми богослужебными книгами, списчики и художники стали уделять больше внимания рукописи, вследствие чего уменьшается количество сокращений; инициалы и заставки становятся более декоративными (вопреки указаниям древних отцов ³⁷). Доказательными примерами в сфере полных апракосов могут служить рукописи Сим. и Рум-104. В этом отношении Пант. стоит где-то между Юрв. и Сим.

В чтениях четырех недель с понедельника пятидесятницы по воскресенье 4-й ид. по гн. в полных апракосах даются основные нормы христианской веры и указания, поучения; как вести себя верующему. Возможно, что как раз поэтому имеется почти полное совпадение в отношении содержания чтений и их последовательности в данных памятниках. В этих чтениях, отрывках евангелия Матфея обнаруживается огромное богатство древнерусского языка, который "так обилен значениями слов, что очень нередко встречается более трех значений, даваемых одному слову". ³⁸ При лексическом сопоставлении указанных чтений выясняется множество возможностей передавать на древнерусском языке одно и то же понятие, находящееся в греческих оригиналах. При таком сличении выявляется близость или сходство одних полных апракосов, и рас-

хождение между другими. Некоторые греческие слова обычно или сравнительно часто не переводятся,³⁹ многие из них сохраняются и в современном русском языке. Другие же слова, употреблявшиеся в традиционном церковно-русском языке, были использованы классиком русской литературы – А.С.Пушкиным и некоторыми другими поэтами.⁴⁰

В тексте Мт. XVIII. 10 читаем: блудѣте са и не радите единомуу отъ малыхъ сихъ; возвратная частица после первого глагола пишется в большинстве памятников: в Мст., Юрв., Дбл., Рум-104, Сим.; так же и в Остр.ев., Мар., Зогр. и Гал. Указанный глагол пишется без частицы в Мил., Пант., как и в Сав. кн. и Арх-I. Второй глагол предложения в форме не родите употреблен в Пант., как и в Мар., Гал. и Сав. кн.; в полных апракосах на этом месте встречаются разночтения: в Юрв. и Сим. находим не брѣзѣте, а Мст. Дбл. и Рум-104 дают не преобидите. В стихе Мт. XVIII. 12 имеем сочетание аште бѣдетъ етероу члвку .Р. овыць...; в полных апракосах здесь находится местоимение нѣкни – Мст., Юрв., Дбл., Ми., Пант., Рум-104, Сим.; краткие апракосы Сав. кн. и Арх-I дают единомуу, в тетрах Мар. и Зогр. наблюдается етероу (в Зогр. нет существ. за ним). Остр.ев. стоит особняком в этом отношении: здесь пишется етероу дрогоуоумоу члвкоу; имя числительное 100 в полных апракосах передается через съто, в тетрах же и в древних кратких апракосах оно обозначено буквой .Р. Грамматическое и лексическое различие обнаружено в стихе Мт. XVIII. 16: в глаголических тетрах читаем: да въ оустѣхъ двои

ли трии (в Мар. трехъ) сѣвѣдѣтель станеть всѣкъ глаголь; в некоторых полных апракосах находится также сѣвѣдѣтель – так в Пант. и Ми., но в древнейших списках полного апракоса здесь стоит послоухоу – так в Мст., Юрв., Дбл., а также в более позднем Сим.; вместо сочетания въ оустѣхъ дѣвою в Мил. отмечено дѣвою оустѣ; в большинстве евангелий в этом сочетании наблюдается местоимение всакъ, лишь Дбл. и Сим. употребляют всѣ-всѣ.

Различие в употреблении находится в ст. Мт. XVIII. 17 : в тетрах и кратких апракосах наблюдается сочетание рыци цркви, к ним примыкает Мил.; в Юрв., Дбл. и Сим. читаем повѣжьцркви, а в Пант. – веди и въ цркъвь. В этом же стихе имеется слово странѣникъ в Юрв., Дбл., Пант. и Сим., а в древнейших списках евангелия – язычѣникъ в Мар., Зогр., Гал, Остр., Арх-I, то же и в Мил.; одна лишь Саввина книга употребляет слово поганѣ, что встречается и в Синайском патерике.

В чтении для вт. I-й нд. по пд. стих Мт. IV. 24 содержит слова обѣснѣныи и мѣсачныи зѣлы недѣгы имѣща и ослабленыи жи-
лами – так в Мар., Зогр., Гал., а также в Пант. (где читается слово мѣсачныи) и Мил; в других полных апракосах в оформлении этого содержания имеются разночтения: в Юрв. пишется обѣснѣ обо-
умирающа въ врѣмена лоунѣнаи и ослабленыи; писец Дбл. оформляет этот отрывок иначе: обѣснѣи и раслабленыи и обоумирающа въ врѣ-
мена лоунѣнаи; то же самое и в Сим., но в конце предложения здесь повторяется слово раслабленыи; вариант Мст. отличается от древнейших списков лишь в употреблении конечного глагола, в

нем имеется въздрючаща са.

В стихе Мт. У. II читаем поносить вамъ в Мст., Мил, Пант., как и в Зогр., Гал., (в Мар. поносить са вами); Юрв., Дбл., Сим. употребляют другой корень: укорать вы.

Стих Мт.У. 20 содержит отрывок аще не избоудеть правда ваша; соответствующее сочетание в Пант. и Мил. отличается от этого, в них имеем глагол изобилоуть, и в них нет отрицательной частицы не.

Различие в глагольной форме и прилагательном обнаруживается в ст. Мт. У. 21: в древнейших рукописях евангелия употребляется причастие прош.вр. речено бысть - В Ма., Зогр., Гал., так же и в польских апракосах Пант. и Мил; в Юрв., Дбл. и Сим. находим простую форму прош. вр. рече са; для всех списков, употребляющих причастие, характерно и наличие корня древън-, в остальных же - първ- (в этом же значении Син. пат. имеет и корень ветх-).

В ст. Мт. У. 22 (чтение для ср. I-й нд.по пд.) в тетрах читается повиньнъ естъ геонѣ огньнѣ; Мст., Юрв., Дбл. и Сим. здесь имеют езероу (Дбл. и Сим. озероу) огньоу (слово это с начальным о- встречается и в Пант. в чтении на ср. 4-й нд. цикла н.л. Л. VIII. 23); Пант. и Мил. в этом стихе имеют сочетание родоу огньоу (в Мил. - членная форма прилаг. огньоу-моу). Название места для наказания дается и в стихах Мт. У.29: тetry здесь имеют слово геона, к тетрам примыкают Пант. и Мил.; в Юрв. и Дбл. употреблено езеро горяще, а в Мст. и Сим. - езеро огненное.

Так же в стихе Мт. У. 22 металлическая монета названа словом цата в Мст., Юрв., Дбл. (в Сим. Чата); в Пант., Мил употреблено слово кондрать — как и в Зогр., Гал., вместо правильной формы Мар. кодрантъ.

В различных списках ев. наблюдаются разные образования от корня люб-. В ст. Мт. У. 28 в рассматриваемых тетрах находится сочетание оуже любви сътворити съ неѡ, к ним примыкает полный апракос Пант.; а в дальнейшем — сколько списков, почти столько и вариантов образования: в Юрв. имеется любодѣство, Мст. и Мил. — любодѣи, а Дбл. — прѣлюбы. Аналогичное содержание находится и в Мт. У. 32: в тетрах оно выражено словами творить ю прѣлюбы д ти; Юрв., Дбл. и Сим. имеют написание творить еи любодѣти; в Пант. и Ми. представлен особый вариант: прѣлюбы сътворить. Во второй части этого же стиха в тетрах находим и иже подѣпѣ-гѣ (Гал. потѣбѣгоу) поемлетъ. прѣлюбы дѣть (Мар. творить; в Юрв. и Сим. обнаружена форма местоимения еже; форма потѣбѣгоу отмечена в Мст., Юрв., Пант., Сим. и Гал.; подѣбѣгоу в Дбл.; (в Мил. пропущен один слог в данном слове: потдѣгоу!). Глагольная форма поемлетъ употреблена в Гал., Мст., Юрв. и Дбл., а в более поздних апракосах Пант., Мил. и Сим. наблюдается пойметъ. В конце стиха Юрв. имеет написание любодѣть, Дбл. — прѣлюбодѣть, Сим. — любодѣи естъ, а Пант. и Мил. — оуже прѣлюбы сътвори съ нею.

Стих Мт. У. 45 в чтении на об. I-й нд. по пд. имеется как в полных, так и в кратких апракосах. В Мар. здесь пишется дѣд-жить на праведѣны и на неправедѣны, то же и в Зогр., но без второго предлога на. В правописании глагола отражаются и фо-

нетические особенности языка отдельных памятников: в них преобладают первоначальная форма дъждить, но Сим. имеет написание дъжгаеть, а Гал. дъжчить. В конце отрывка порядок слов в апракосах отличается от порядка, находящегося в Мар. (за исключением Мил): не на правьдны читается в Остр., Арх-I, Мст., Юрв., Дбл., Пант. и Сим. (лишь в Сав. кн. пишется обидьливна).

Различие в оформлении приставки и выборе слов представлено в предложении, содержащемся в стихе Мт. VII. 16, в чтении для вт. 2-й нд. по пд.: Мар. еда обемлнть отъ тръниѣ грозны. или отъ рѣпиѣ смокъви. Приставка в форме объ- в Пант. и Мил., как и в Зогр. и Гал.; объ- в Сим., обоу- в Дбл., а в Юрв. оби-. В большинстве старших списков отмечается сочетание отъ рѣпиѣ, но в Юрв. имеется отъ вълчыца, в Дбл. - отъ волченѣ, а в Сим. - отъ волчыца.

Расхождение в употреблении лексемы обнаруживается в стихе Мт. IX. 15, в тексте чтения на пт. 2-й нд. по пд.; в тетрах Мар. и Гал. пишется еда могоуть снве брачьнии плакати са. вм. прилаг. брачьнии в Мст., Юрв., Дбл. и Сим. представлено слово чъртожьника; глагол плакати са - в тетрах; инфинитив желѣти употреблен также в Мст., Дбл. и Сим.; два памятника - Мил. и Пант. - имеют другой корень: постити са. В большинстве рукописей на этом месте наблюдается слово женихъ, но в Мст. и Юрв. - невѣстъникъ. В конце данного стиха это слово повторяется, в употреблении его Сим. примыкает к Мст. и Юрв. Конечный глагол отрывка възалчють объединяет Мст., Юрв., Дбл. и Сим.; во всех

остальных списках на этом месте читаем глагольную форму постать са.

Слово соучьць (в Пант. соучьць) наблюдается в большинстве рассматриваемых памятников в ст. Мт. VII. 3. 4 (чт. для сб. 2-й нд. по пд.). Без уменьшительного суффикса, в форме соукъ встречается в Юрв., Дбл. и Сим.

Разночтения имеются в ст. Мт. IV. 21 в чт. на вс. 2-й нд.: в тетрах Мар., Зогр. и Гал., в кратких апракосах Остр. и Арх-I, а также в полных апракосах Мил. и Пант. здесь обнаружено сочетание завазающа мрѣжа своа; писец Юрв. употребил корень готов-, в Дбл. тот же корень, но с приставкой: приготовающа (среди источников стоит особняком Сав. кн., там находим строаща мрѣжа има).

В ст. Мт. X. 9-10 наблюдается расхождение между отдельными списками в употреблении приставки, суффикса и слов (чт. на вт. 3-й нд.) в Мар., Зогр. и Гал. читается не сътажите, в Мил. и Пант. — не сътаѣте, в Мст., Юрв., Дбл. и Сим. — не притажите; слово с отрицанием ни мошны отмечено в тетрах; в Мил. и Пант. находится ни врѣтища, а в Мст., Юрв., Дбл. и Сим. имеем ни мѣха. Следующие после этого слова ни дѣвою розоу ни сапогѣ написаны в тетрах и Мил, Сим., а в остальных рукописях отмечены слова ни дѣвою срачицу ни оноуща.

Совпадение в употреблении падежа, но различие в лексемах обнаруживается в ст. Мт. X. 27 в чтении на чт. 3-й нд.: в тетрах здесь находится предложение и еже въ оухо слышите, проповѣдите на кровѣхъ; Мил. и Пант. также имеют въ оухо, но в конце стиха в них стоит на стѣнахъ; остальные полные апракосы вм. сочетания въ оухо

имеют въ слоухъ, а в употреблении конечного слова — на кровѣхъ они совпадают с тетрами. В этом же чтении (ст. 29) содержится вопросительное предложение, в составе которого обнаружено несколько расхождений между отдельными памятниками: в Мар. читаем не двѣ ли пѣтици на ссарии вѣнимѣ есте; текст Зогр. отличается от этого во второй половине предложения, в нем стоит пѣназоу вѣните са; Мст., Юрв., Дбл., и Сим. одинаково имеют на единой мѣртѣ продаета са, Мст., начальная буква глагола в Мил. и Пант. не совпадает: в Мил. находим мѣнимѣ еста, а в Пант. — вѣнимѣ еста; в Гал. здесь наблюдается сочетание два врабѣа.

Разночтения в грамматическом числе и падеже, а также в выборе слов отмечены в отрывке чтения на 3 во. (ст. Мт. УІ. 28): в Мар. читаем сѣмотрите кринѣ сельныхъ; в названии растения тот же корень наблюдается еще в Гал. и Арх-І, так же и в Остр., но в последнем вместо формы род.пад. употреблена форма вин.пад. В остальных списках находим корень цвѣт-; в Пант. сочетание стоит в форме род.п.ед.ч.: цвѣта польскаго; в остальных полных апракосах корень цвѣтъ — сочетается с уменьшительным суффиксом: цвѣтыць польскихъ в Юрв., цвѣтыць сельныхъ в Мил., цвѣтыца польныя в Сим., а в Дбл. — цвѣтыца сѣльнаго.

Показательны и разночтения, находящиеся в ст. Мт. ХІ. 17 (вт. 4-й нд.) : в Мар. и Гал. читаем пискахомъ вамъ и не пласасте, так и в древнейших списках полного апракоса (Мст. и Юрв.) ; на месте первого глагола в Дбл. стоит плескахомъ, а в Пант. и Сим.

- пиделовахомъ, Мил. имеет сопохомъ, а Зогр. - свирахомъ.

Текст продолжается словами: плакахомъ вамъ и небисте се бѣ-
так в большинстве полных апракосов: Чст., Юрв., Дбл., Пант.
и Сим.; плакахомъ вамъ и не рѣбасте - в тетрах Мар., Зогр.,
Гал., а также в Мил.

Эти соответствия - различия и совпадения - хотя и не многочисленны, но показательны. Они говорят в пользу выдвинутого выше предположения о том, что между сохранившимися отдельными памятниками должен был существовать целый ряд промежуточных списков. Никак нельзя считать случайными многочисленные случаи совпадения в тексте Мст., Юрв., Дбл., Сим.; то же можно сказать и относительно текстов Мант. и Мил. ев. Привлеченные данные свидетельствуют о богатстве древнерусского языка, а также об умении писцов, что прекрасно выражается в использовании ими множества средств живого языка, с которым древнерусские писцы свободно обращались. Возможности обозначения разными словами одного и того же понятия сохраняются и в современных диалектах русского языка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Самунов, Б.В.: Некоторые соображения о древнерусской книжности XI-XIII веков. ТОРДЛ т. XI, М-I., 1965, стр. 300.
2. Волков, Н.В.: Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV веков и их указатель. Памятники древнерусской письменности СХХIII, 1897, стр. 12.
3. Лихачев, Д.С.: Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения. *Slavia*. 1958, 4, /XXVII/ стр. 585.
4. Жуковская, Л.П.: Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник. Сб. Исследования по лингвистическому источниковедению (под ред. Коткова С.И. и Князевской, О.А.) Москва, 1963, стр. 20-35.
5. Жуковская, Л.П.: О некоторых проблемах истории русского лат-го я-а древнейшего периода. ВЯ, 1972/5, стр. 69.
6. Срезневский, И.И.: Древние памятники русского письма и языка X-XIV веков. Общее повременное обозрение. Спб., 1882.
7. цит. раб., стр. 51-59, 95.
8. Воскресенский, Г.: Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста. Сергиев Посад, 1894.

9. Амфилохий: Четверо-евангелие Галичское 1144 года, том I.
Москва, 1882, стр. У-УІ.
10. Дурново, Н.Н.: Введение в историю русского языка. Москва,
1963. стр. 52-59.
11. Жуковская, Л.П.: Типология рукописей древнерусского полного
апракоса XI-XIV вв. в связи с лингвистичес-
ким изучением их. В книге "Памятники древ-
нерусской письменности (отв. ред. Виногра-
дов, В.В.), Москва, 1968, стр. 199-322.
12. Жуковская, Л.П.: Повторяющиеся чтения как лингвистический
источник. Сб. "Восточнославянские языки,
источники для их изучения (ред. Жуковская,
Л.П. и Тарабасова), Москва, 1973, стр. 72.
13. Лихачев, Д.С.: указ. соч., стр. 590.
14. В сообщении под заглавием "Действительно ли была безыменна
большая часть трудов древнерусских писателей?" на обычном
заседании ИМП Общ. Люб. Др.р. Писъм. 21-го марта 1897 г.
Опубликовано в Памятниках древней письменности, том СХХІV,
1897, стр. 30.
15. Князевская, О.А.: О лингвистическом аннотировании древне-
русских рукописей. Сб. Исследования по
лингвистическому источниковедению (ред.
Котков, С.И. и Князевская, О.А.), Моск-
ва, 1963, стр. 6-18.
16. Ушаков, В.Е.: Устюжская Кормчая. XXX, 1961/1, стр. 21.
17. Жуковская, Л.П.: О переводах евангелия на славянский язык

и о "древнерусской редакции" славянского евангелия. Сб. "Славянское языкознание" под ред. Виноградова, В.В., Москва, 1959, стр. 86-97. *Slavia*.

она же: Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. Вопросы Славянского Языкознания, вып. 7, Москва, 1963, стр. 79.

18. Жуковская, Л.П.: Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. Сб. "Источниковедение и история русского языка" (ред. Коткова, С.И. и Дубровиной, В.Ф.); Москва, 1964. стр. 109.

19. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. Сб. "Исследования источников по истории русского языка и письменности" (ред. Жуковская, Л.П. и Тарабасова, Н.И.), Москва, 1966. стр. 44-76.

Жуковская: О возможном родстве Юрьевского евангелия и галицко-волинских полных апракосов XII-XIII вв. Сб. статей к семидесятилетию академика Виноградова В.В. "Проблемы современной филологии". М., 1965. стр. 136-148.

Жуковская: см. сноску № 6, стр. 72-98.

20. Тихомиров, Н.Б.: Каталог русских и славянских пергаменных рукописей XI-XII веков, хранящихся в Отделе рукописей Государственной Библиотеки им. В.И. Ленина. Записки Отдела руко-

- писей, вып. 27, М., 1965. стр. 95-99, и
II7-136; вып. 30, М., 1968. стр. 108-110.
21. Типология рукописей: стр. 255, 257 и след.
22. Записки Отдела рукописей, вып. 30, стр. 87-90, II6-II1.
23. Новгородская рукопись 1270 г. Записки Отдела рукописей, вып. 25, Москва, 1962, стр. 184-219.
24. Розов, Н.Н.: Искусство книги древней Руси и библиогеография. Кн. Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. стр. 25.
25. Абрамович, Д.И.: в кн. Описание рукописей С.-Петербургской Духовной Академии. Софийская библиотека, вып. I. Санкт-Петербург, 1905, стр. I-9.
- Гранстрем, Е.Э.: кн. Описание русских и славянских пергаменных рукописей; (под ред. Лихачева Д.С.), Труды Отдела рукописей, Ленинград, 1953, стр. 21-22.
- Свирин, А.Н. : Искусство древней Руси XI-XVII вв. Москва, 1964, стр. 65. Шонкой, П.: О характере Пантелеймонова евангелия XIII в. *Dissertationes Slavicae*, вып. VIII, Серед, 1972. стр. 35-40.
26. Соколова, М.А.: К истории русского языка в XI веке. Известия по русскому языку и словесности. Т. III., кн. I. Ленинград, 1930, стр. 75-135; об
Арх. ев. см. также: Жуковская, Л.П.: Новые данные... указ. раб. Тихомирова, Н.Б. За-

писки Отдела рук., вып. 25, стр. 149-152;
166-175, вып. 30, стр. 105-108.

27. Аниченко, У.В.: Церковнославянская традиция в украинской и белорусской переводных литературах XVI-XVII вв. *Slavia* XXXV., 1966/I., стр. 67; в этом же номере: Коляда, Г.И.: Новое в языке первопечатного Апостола. стр. 59.
28. Bible Kralická podle původního vydání Kralického z let 1579-1593. Praha, 1954.
29. Von Hieronymo Burckhardt, Basel, 1759;
30. Ujj Testamentom az-az a' mi urunk Jesus Kristusnak Ujj Szövetsége. Magyar nyelvre fordítottatott Károli Gáspár által. Ultrajektomban, MDCCXCIV.
31. Biblia sacra juxta Vulgatae. Ornavit Aloisius Claudius Pillion. Parisii, 1887.
32. Károli Gáspár fordítása, Bp. 1934.; ld. még Ujszövetségi Szentírás. A görög eredeti szövegből a fordítás a magyar-
rázó jegyzetekkel készítette a Szent István Társulat
Szentírás Bizottsága. Bp. 1963.
33. Pismo Święte Novego Testamentu. Poznań, 1966.
34. Жуковская, Л.П.: Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. стр. 51.
35. Срезневский, И.И.: Материалы... том I стлб. 1279.
36. Жуковская, Л.П.: Юрьевское евангелие... стр. 56-57.
37. В Синайском патерике, напр., пишется: аще твориши себ к'нигы. Не оутвар ихъ красьно страсть бо ти сть. Изд.

Синайский патерик (под ред. Коткова, С.И.) Москва, 1967.
л. 181. об.

38. Замечание архим. Амфилохия в предисловии своего труда
"Четверо-евангелие Галичское 1144 года", стр. 3.
39. Обилие греческих слов отмечается и в суздальском наречии
в словаре Екатерины II.: "Сравнительные словари всех язы-
ков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы".
Часть I. Санкт-Петербург, 1789, Предисловие Палласа, П.С.
группа таких слов собрана, напр., в статье Кнуда Йордала
"Греческие заимствования в русском языке". *Scando-Slavica*,
т. XIV. Copenhagen, 1968, стр. 227-256.
40. В стихотворениях современника Пушкина А.С., - Давыдова Д.В.,
часты такие слова и выражения, как в юны годы; прах; средь
моря; забыть навеч театр; богиня празнества; кадимая жреца-
ми; я... готов на бранну прю; окуйте мощны длани и др.
(изд. Советский писатель, 1936., вступительная статья, ре-
дакция и примечания Орлова, В.)
41. Жуковская Л.П.: Типы лексических различий в диалектах рус-
ского языка. ВЯ, 1957/3, стр. 102-111.

ИЗ ЛЕКСИКИ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

П. Шонкой

Выдающееся произведение средневековой славянской переводной литературы в прошлом столетии было мало известным памятником. ¹ Отдельные его части издавались, ² на некоторые характерные его черты указывалось, ³ но рукопись полностью не была издана, и в большинстве старых учебников как истории русского языка, так и старославянского языка она даже не называлась среди памятников. Среди духовно-нравственных сборников, описанных Н.В. Волковым, СП находится под № 589, ⁴ перевод которого — ссылаясь на большинство ученых — Т.А. Иванова относит к кирилло-мефодиевскому времени. ⁵

Произведения исторического жанра (хроники, летописи и т.п.) имеют гораздо менее ограниченный состав слов, чем, скажем, жития; первые — "богаче красками и разнообразней по языку". ⁶ Известно и то, что лексика напр. апракосов, в которых количество эпизодов и круг лексики строго определены, беднее лексики житий. В житиях употребляются слова, обороты речи, которых не может быть в евангелиях. В житиях больше возможностей изображать более полно и многосторонне природу и общество, в условиях которых существует и действует человек; описывается сам человек, его отношение к окружающему его миру, дается внешняя и внутренняя его характеристика и т.д. Всего этого нет в апракосах, но все-таки, нельзя отрицать значение изуче-

ния их словаря.

Исследование некоторых древних славянских памятников облегчается тем, что их издания снабжены словоуказателями (Изборник Святослава 1076 г., Успенский сборник XII-XIII вв. и др.). Новейшее издание Синайского патерика (под ред. С.И. Котова подготовили В.С. Голышенко и В.Ф. Дубровина, М., 1967), на которое и опирается настоящая статья, не имеет словоуказателя, поэтому все работы, статьи, касающиеся лексики этого памятника, могут иметь свое значение, тем более, что Син.пат. является древнейшим русским списком житийных текстов, многочисленные указания из памятника привлекает В.Ф. Дубровина в своей статье, в которой она разбирает проблему лексических гречизмов.⁷ Т.А. Иванова не видит в СП "никаких лексических особенностей, характерных для памятников, переведенных на Руси."⁸ Но фонетическое и морфологическое оформление слов, несмотря на некоторые необычные лексические элементы, говорят в пользу правдоподобности русского происхождения списка. Фонетические и морфологические особенности, указанные В.Ф. Дубровиной в Введении в издании СП допускают возможность видеть в рукописи памятник русского языка даже в том случае, если иметь в виду, что не все доказательства автора убедительны (так, напр. словом на локътиѹ передано греческое *λεκτικίω* на "носилках" 206/16; в написаниях истинѣ, троубѣ, чистотѣ можно видеть скорее дательный притяжательный)⁹.

В СП употреблено около 3600 слов, среди которых ведущее

место (в количественном отношении) занимают существительные (около 1300) и глаголы (свыше 1100). Орфография некоторых слов обращает на себя внимание; в словах м'ного, к'то, в'ся и т.д. вместо ъ, ь пишется знак в виде запятой над буквой, за которой раньше находились знаки редуцированных гласных. Форма мъногъ - лишь в единичных примерах; формы къто нет, читается только к'то; для никъто всего 2 случая; нѣкъто - 9 раз, в остальных случаях (их 60) нѣк'то, и 4 раза нѣкто - без обозначения редуцированного; чъто, наоборот, в большинстве случаев пишется с ь (чъто - 108 раз, ч'то - 40 раз; чѣсо - исключительная форма; для нич'то всего два примера, имеются только формы чѣсо, ничѣсо, нѣчѣсо; местоимение всѣ чаще пишется в этой форме - во всех падежах; предлог отъ чаще пишется в форме ѡ, причем до листа 72 отмечена форма в 70 случаях, а в остальной части текста - 30; написание ѡ - в 347 случаях (1 раз ото); исключительными являются написания по средѣ, прѣде (25 прим.) - прѣде (5 раз); преобладает корень котер-, нѣкотер-; котерѣ (им.п.ед.ч.) 1846/14, котерии (им.п.мн.ч.м.р.) 736/2; нѣкотерии (им.п.ед.ч.) 96/8, 1746/4, остальные 7 примеров - в разных падежных формах и лишь 1 раз которѣ 1806/9; для прѣдѣ 23 прим., а предѣ - в 18 случаях; в выборе слов отмечено: нынѣ (19 прим.), нына (7 прим.) и нынѣчю (3 раза); дѣла (92 раза), дѣла (2 раза), дѣльма (1 раз) - ради (48 прим.); тѣчѣ (29 раз), тѣчию (23 раза), тѣкъмо (6 раз), тѣк'мо (26 раз), тѣкмо (5 раз);

Сравнительно часто употребление союза и в форме ти, что обнаруживается и в таких памятниках, как напр. Изборник Святослава 1076 г., Юрьевское ев. и др.;

в твор.пад.ед.ч. сущ-ных ср.р. - ^ъ основы можно указать на окончание -имь: съ кацѣмъ жестокомъ житиимъ и мльчаниимъ 82/7, съ м'ногноимъ гноимъ 74/13, строимъ твоимъ добрымъ 1686/8; такая форма встречается и в некоторых апракосах, как напр., Остр. ев., Пант. ев. XII-XIII вв. (Собр. № 1), Муз. ев. (Рум.104); "Гранес Григория Богословца" XI в., ¹⁰ в житии Саввы Освященного ¹¹ и др. (слово гноемъ - в Зогр., Мар.; Добрилово ев., Юрьевское ев., Ев. 1270 г., - Митятино ев.);

твор.пад.сущ-ных мн.ч. этого же типа встречается в форме: съ м'ногами слъзами и въздыхании 536/8, 736/12, соуѣтъными пронырьствии 44/16, съ м'ногими оуказании 1436/3-4; в евангельских текстах, начиная с первых переводов, употреблена соответствующая падежная форма съ оружии (Зогр., Мар., Сав.кн., Остр. ев.); среди полных апракосов она имеется напр. в Пант.ев., в Ев. 1270 г.; в стихе Ио. XVIII 3 в Доб., Крв., Рум.104 читается съ ороужиемъ (в Успенском сборнике встречается сочетание тацѣми, словеси и ороужиими 241в/5-7) ¹²

Представляет интерес - своей редкостью - написание глагола с приставкой вы-: (войнѣ) вынымъ три златьники дасть старьцемъ 746/20; кроме этого одиночного примера в рукописи нет больше таких сочетаний. В словаре И.И. Срезневского - целый ряд примеров для префикса вы-, большинство которых привлечено

из русских летописей. ¹³

Наконец, еще два интересных случая: тв.п.ед.ч.сущ-го * а-основы ж.р. выступает и в форме: съ симъ аввѣ давидѣмъ 46/2, межу селевѣкимъ... и киликимъ 566/4. Считал ли писец такую форму возможной, или же мы имеем дело с описками, судить трудно, основываясь только на этих двух примерах.

В СП имеются слова, знакомые разным славянским языкам и продолжающие свое существование и в более поздние столетия, как об этом свидетельствует, напр., семьязычный словарь Лодерекера. ¹⁴ Некоторые лексемы памятника имеют параллели только в живых южнославянских языках – в болгарском и сербохорватском; другие лексические элементы представляют собой западнославянизмы – моравизмы. Все эти факты говорят об интересной судьбе и сложном пути перевода, с момента возникновения до его появления на Руси, с одной стороны, и о значительной близости средневекового книжного языка славянских народов – с другой. Многие слова, считавшиеся раньше заимствованиями из старославянского языка, могли бытовать и в русских говорах. ¹⁵

Круг слов рукописи, относящийся к христианству, к церковной практике, полон гречизмов, как это вообще заметно в памятниках письменности религиозного содержания. Греческие термины, обозначающие церковные чины, должности, службы в большинстве случаев остаются без перевода, хотя эти слова

приобретают славянскую оболочку.

Из семантических групп лексики СП рассматриваются:

- 1) некоторые слова, связанные с природой и её явлениями;
  - 2) названия растений;
  - 3) названия животных, птиц и насекомых;
- 1 Природа, природные явления.

блато¹ : блата иерданьскача (вин.мн.ч.) 86/1, по блатоу (дат.п.ед.ч.) 74/3;

Ш боура² : (род.п.ед.ч.) 85/10;

для обозначения глубин – естественных и созданных человеком – употреблены слова: коудѣль 4 10/3, к п ли (дат.п.едч.);

бана³ : нѣщии просиша оу игоумена. да баню съзъскдють оу маилстыра 566/16-17; и се създа са бана 566/19; оци наши. и лица свои рѣдько оумывахоу. мы ж бана (вин.п.мн.ч.)... оорѣтаемъ 116/10-11

дно⁵ : (глубина): корабльць... стрѣмо дноу (дат.п.беспредл.) иде и погразе 506/19;

стоуденьць⁶ : показаша намъ стоуденьць зѣло великъ и добръ глахоу намъ. съ кладазь крѣстиании нѣсть по стѣ- ствоу нѣ бже дарованиѣ жсть намъ, 566/6-9;

оуболь⁷ : (жена нѣк'то) уболь ры-аш ... 57/10, (жена) низъ- вѣсивъше (сидионъ – т.е. изображение – Феодосиѣна),, въ оуболь абиѣ скоро вода изиде въ кладазѣ. на- ко до полѣ кладазѣ испльнитисѣ 51/19-576/2;

глубина⁸ : 1306/2, глубина 173/13; въсходать до нбсь и низь-
ходать до прѣисподньихъ (до бездны) 1396/10-11;
ты жъ възвыши сѧ до нбсь и сътвори сѧ до безд-
ныхъ 174/8-9;

источникъ⁹ : (созданная баня измы тѣчию абимъ (одинъ разъ) и
абимъ исъше) не изиде вода ѿ источника 57/4-5;

пещера¹⁰ : 1266/6, 127/11;

ровъ¹¹ : ровъ издры и ископа. и въпаде сѧ въ Амоу. юже
сътвори 1076/4-5;

дальнейшие слова:

вълнениѣ¹² : (море) 856/8;

пучина¹³ : (море, пучина, водоворотъ, беспредельность) - связа-
но с пукать, пук (звукоподр.)¹⁶; пришѣдше на
пучиноу. и възвѣмъ добръ пловоющемъ 496/1-7;
възврати въ пучиноу морьскоу 506/8; пловахомъ на
пучинѣ 516/2, окытахомъ сѧ по поустыни. како
по пучинѣ морьстѣи 117/5-6; пришѣдше же въ
средѣ пучинѣ недоста намъ воды 120/19-20;

въздохъ¹⁴ : въздоуси мене не троужають 63/17; смѣхъ же на
въздоусѣ бѣсомъ многѣ бѣаше 174/5;

въстокъ¹⁵ : на въстокъ 47/15, 936/13, на въстоки 51/6, въсто-
учьныи 236/6;

оугъ¹⁶ : на оугъ 11/9, на югъ 396/3; на западъ 666/9;

вѣтръ¹⁷ : вѣтроу же не напокошь (т.е. благоприятно¹⁷)
соущю имъ плонти 496/4-5, браньнѣ быс ѿ проти-

- вѣннихъ вѣтръ 85/9-10; противнии вѣтри на
спѣхъ намъ быша. и прѣидохомъ бескрѣби 85/16-18;
- гора¹⁸ : в некоторых случаях возможно предположение значения
"лес" ¹⁸; (братъ... приде...) въ чюдную гору
83/14; иде хъ въ гору ав'ва ан'тониѣ да половлю
94/9; ходащемъ въ горѣ 126/2 и др. хотя имется
и мѣсто лѣсно 10/1; (больше примеров с корнем лѣс -
нет!);
- горица¹⁹ : (горка) изиде на горицу 46/17; посади и на единой
горици 5/4;
- громъ²⁰ : мѣлнии бывъши. и грому великоу зѣло 25/13-14;
- дждъ²¹ : въ слѣдъ насъ идаше облакъ. и вѣнѣ корабля не
оуджи 121/2-3; бѣс лоускъ (рябь, пестрение) въ
очюу кто. како дждевныя поугѣвица расѣдати сѣ
начаша 167/8-10;
- зара²² : слнчнана зара 78/11;
- заходъ²³ : прѣже захода слнчннѣ 1086/11;
- земля²⁴ : 356/13, 61/17, 616/6, 686/9 и в разных падежных фор-
мах; въсколѣба сѣ земля вельми. и обронишасѣ гра-
ди 356/13-14; земьнии азѣци 148/1 ; прил. от это-
го слова земьныхъ (род.п.мн.ч.ср.р.) 129/2, земьнана
(вин.п.мн.ч.) 1506/4; абиѣ зимоу земля и поглѣти
срацинина 686/9;
- зима²⁵ : обычно в значении "зима", но слово может иметь и
значение "холод", "холодно" - как в зап.-славянских
и южнославянских языках ¹⁹; зимѣ велицѣ бывъши

596/17; въ зимоу нѣсть ми зимы 63/19, 1156/13, зѣ-
ло зимы сѧ наахъ 1156/10; како нѣси зимонѧ (т.е.
от холода) намър'ль 1156/15;

знои²⁶ : 186/20, 63/18, 128/7, 11; въждаахъ сѧ отъ люта зноа
11/10-11; и зноа сего трыплю вѣдн огнь вѣчньи 98/14;
ѿ жажда и отъ зноа полаще 96/17; зноа зѣло соущю
отъ бо авѣгость мѣсць 11/2-3; толѣкоу зноа соущю 98/8-9,
1176/20;

зѣзда²⁷ : зѣзда свѣтозлачьноу 706/7;

камн²⁸ : (в им.п.ед.ч. слово не употреблено:) камень м'ного-
цѣньнъ (вин.п.ед.ч.) 1526/13, съ драгымъ каменьмъ
1496/13-14; плоскъ камень (вин.п.ед.ч.) 1306/1; глосу-
бина въхожаше въ камн (вин.п.ед.ч.!) 1306/2-3; вин.
п.ед.ч. камень, род.п.ед.ч. камене, дат.п.ед.ч. ка-
мени, тв.п.ед.ч. каменемъ и каменьмъ; местн.п.ед.ч.
камени;

камени²⁹ : чѣто оубо быша камениа вѣврѣжена ѿсусомъ навъгиномъ
86/2-3, в остальных случаях слово имеет значение,
"драгоценные камни": прѣже заключениа драгаго ка-
мениа 150/2, камениа дѣла многоцѣньнаго 153/1,
нача распростирати (раскладывать) камениа 153/14-
15; стѣноу каманоу 60/20; монастырь въ каманицѣ
436/18;

камыкъ³⁰ : не только со значением "драгоценный камень": камыкъ
зѣло чюднь 1316/16, 20, 132/5, 7; оузырѣ дѣва на

десате камька 86/6;

каменьникъ³¹ : егоже наричють кавидарионъ (каѿидарионъ -
гранильщик) 1526/11-12;

море³² : имеетъ правильные падежные формы за исключениемъ слу-
чая твор.п.ед.ч.: прѣдъ моремъ 1226/18, какъ пѣськъ-
мъ 1226/10;

мороморъ³³ : на мороморѣ (местн.п.ед.ч.) 1316/1;

морьскъ³⁴ : при краи морьстѣмъ 126/3, по поучинѣ морьстѣи 117
/6, боура морьскыа (род.п.ед.ч.) 85/10, пѣська
морьскаго 996/3;

мразъ³⁵ : лютоу ношѣ подѣхъ мраза 1156/12;

небо³⁶ : (изъ 14 примеровъ слово пишется полностью всего два
раза): 936/13, нѣбо 366/16, 1036/14, 1436/3, до
нѣсе 236/12, съ нѣсе 1456/12 - съ небеси 36/4;
недостойныи нѣоу (дат.п.ед.ч.) 536/12, на нѣси
(местн.п.ед.ч.) 506/5, 99/13, 143/17; нѣса (вин.
п.мн.ч.) 1216/13; до нѣсъ 139 6/10, 178/8;

прилагательное отъ этого слово отмечено только
съ суффиксомъ -ѣн-: прѣвнѣе нѣсьное 196/11, прѣство
нѣсьное 109/13, прѣства нѣснаго 116/13, 986/2,
нѣснаго огна 1436/6, прѣствоу нѣсноумоу 45/4, суб-
стант. нѣснаѣа даѣтъ са 1506/4;

облакъ³⁷ : 366/18, 1206/19, 121/3, прѣдъ облакѣмъ 1226/16,
до шоблакъ 426/20;

островъ³⁸ : 856/4, въ островѣ 73/13, 856/3, 98/8, 1306/4;

потокъ³⁹ : 108/16; высыхающий поток называется соуходоль:
ѿ соуходола 536/13, въ соуходолѣ 696/10;

поустыни⁴⁰ : слово употреблено сравнительно часто, что объясняется содержанием памятника; прич. от этого корня: въ поустыниѣ странѣ 986/8,

прѣсть⁴¹ : (прах, пыль, озадки, отрепье) 436/4, 67/9; пьрѣсти 17/9;

рѣка⁴² : 746/3, рѣкоу огню 306/13, на рѣкоу 696/13;
рѣки (род.п.ед.ч.) 736/20, рѣки (им.п.мн.ч.) 44/13;

свѣтъ⁴³ : употреблено только с значением "свет": в'са лѣта живота не разгнѣти свѣщнаго свѣта. нъ въ ноци свѣтъ освѣщаше и 36/16-18; придохомъ на гороу къ свѣтилоу. ид же отъ свѣтъ 606/15-16; ничьсо же видѣхомъ ни свѣта ни яко изгорѣло чьто отъ хворости на 606/9-10; мѣсто свѣта исплѣнено 93/6;

слѣньце⁴⁴ : 109/3, слнце 286/10, 456/20, слнца (род.п.), 426/14, слѣньцю (дат.п.) 1086/11, зарѣ слѣньнаѣ 78/11, слѣньчнаго зноѣ 1216/5.

Кульминация Солнца выражается словами:

въ насто ации пладнь 49, 28/3, пладни а:

въ диноу пладнюю 33/11: полоудне⁵⁰ бо

б 51/16; глаголом: б же пладною 51/4;

снѣтъ⁴⁵ : въшьлѣ въ врьтѣпѣ. и закрьлѣ са (без связки!)

древы и снѣгы 586/9;

стоуденик⁴⁶: (холод) стоудениу (дат.п.ед.ч.) 1186/5;

троусъ⁴⁷ : (землетрясение) баше бо са палъ троусъмь (о городе) 236/10;

тъма⁴⁸ : ("темнота" и "множество, 10000"):обрѣтохъ на поу-
ти женоу стоащю въ тъмѣ 133/10-11; имъ корабль
три тъмы полъ 576/14, пати тъмъ 138/3, тъмѣ зълъ
нѣси ли сътворишь 1626/6;

Для обозначения расстояния отмечены следующие сочетания:
прѣшъдѣша рѣкоу как попърища единого 3/13-14; как попърище
едино отъ врьтѣпа твогѣго сѣжю 11/7-8; бывъшю же ми как до
дозорѣна⁵¹ единого 116/1, намъ зъращемъ издадеча 126/7, деса-
тиу попърищъ ѿ града 156/12, разно⁵² же бѣста отъ себе как
к. попърищъ 166/6-7; как отъ три десать попърищъ. елиискаго
града. киликѣна. стѣл'пника дѣва бѣста разно себе какошести
попърищъ 17/14-16, отъ четырь попърищъ. козиака града киликѣ-
на. стѣл'пникъ стоаше 39/5-6, бѣста бо разно ѿ себе к. и
д. попърища 39/15, како дѣвою попърицоу на югъ 396/3, старыцъ
вънѣ юдоу стѣны градъныа како попърища три 45/14-15, оци
того мѣста възведеша ны. выше манастира. како единого, дост-
рѣла⁵³ 566/5-6, како ѿ к. и четырь попърищъ манастира. стѣло
кѣсть 57/Б/11, доидохомъ на село ѿ шести попърищъ рос'соу 60
/16, сѣлѣзъ же отъ гроба како връженикѣ каменѣ⁵⁴ 626/11-12,
како ѿ единого попърища. стѣго иер'дана, рѣкы лав'ра кѣсть
736/19-20;

ѿиде ѿ него не маломъ ѿшествиѣмъ⁵⁵ 746/6-7, ѿиде ѿ мене
 ꙗко камени врьжениа 866/16, толь же оѡховѣ разно ѿ себе,
 ꙗко дѣвѣ попьрици 87/16, ѿ три дѣтѣ (вм. д с тѣ) попьрицѣ
 рима градъ ꙗстъ малъ 1046/3, видѣхъ оѡсы приходяща. до три
 попьрицѣ тѣчинѣ. не могоушемъ (так!) ближе пристoupити III/
 17-19, въ томъ (градъ) гора ꙗстъ ѿ шести попьрицѣ II2/4-5,
 отъ дѣвонѣ десатю попьрицѣ. алезан'дриа. лавра ꙗстъ II2/18-
 19, ведоу та въ манастирь подаля ѿсоудѣ⁵⁶ II5/1-2, манас-
 тирь ꙗстъ ѿстоа ѿ илма. милиискорѣ⁵⁷ (около двадцати тысячъ
 шаговъ - /fere viginti passuum suilibus / (II66/19, (ити) къ
 мукъ ѿстоашемъ илма великомъ ѿстоаниѣмъ⁵⁸ 126/1-2, мало
пространѣство сѣтворивъ 127/3, ваше чѣтырь пѣр'стѣ⁵⁹ глѡубина
 вѣхожаше въ камы 1306/2-3, ѿ села нарицаема теракоусть. въсь
 ꙗстъ ꙗко ѿ попьрицѣ града. Дѣ гонатъ нарицаемъ... въ прѣдѣлѣ-
 хъ сего села. ꙗко единѣмъ попьрицѣмъ дѣти пасахоу овьца 145/5-
 10, (оѡцѣ) далече вѣселенна баше 176/16, оѡ же растоаниѣ⁶⁰
 попьрицѣ дѣвою на десате 37/1 (въсь) ѿстоаше же ѿ иер'дана
 стго. .Г.ю знаменни⁶¹ 646/14, ѿстоить же ѿ лавры рѣка. попь-
 рице одно 746/8, старыцѣ оѡдаше. въ странахѣ сехоуста села.
 попьрице мало къ илмоу 1256/13-14, ꙗко ѿ единого попьрица.
 стго иер'дана рѣки лав'ра ꙗстъ 736/19-20, ѿстоаше же ѿ цѣркве
 полъ попьрица 756/18-19, ꙗко попьрицю дѣвонѣ на деса(так!).
 лавра ꙗстъ 36/6-7, ѿстоаше же клѣтка ѣгоукладаза дѣвѣ
 части попьрицю II66/5-6. ѿстоить же ѿ ожиа града. попьрицѣ.
 Ѧ. ти 66/18, ꙗко отъ осми попьрицѣ града село ꙗстъ имъ цѣрквѣ
 76/20 - 7661, хожаше до единого попьрица села своего 77/3-4,

прѣдъ мною идаше. єдинѣмъ попыришь 776/9, (ѡшьльци) врьто-
градъ же имоуть остоащъ (так!) ѿ нихъ попыришь шести 1106/20-
111/1;

Растения

- быликъ⁶² : былика и фуника тѣчию въкоушаща 82/14,
вишь⁶³ : (зеленые ветви): да вънемлю вишю (дат.п.ед.ч.) 46/16,
дрѣво⁶⁴ : вижю... ха. на древѣ (на крестѣ висаща 42/4, (въс-
хотѣша) оуношю прѣже обѣсити на древѣ 47/13, обрѣтъше... дрѣ-
ва моурикина 96/18-19, тѣр'новьяна дрѣва садаще масло дерева-
ноу 171/3, ковыкаль (сосуд) древанъ 36/14, въшьль въ врьтѣпъ.
и закрыль сѧ древы и снѣгы 586/9,
дрѣва⁶⁵ : принесѣте сѣмо дрѣва. принесеномъ же дрѣвомъ. въжъ-
гъ же на патриархъ 226/16-19; (расколотые дрова);
срубленное дерево обозначается и словами дрѣво-дрѣ-
вой-древыце:
дрѣво⁶⁶ : велико дрѣво. ꙗже имѣ прѣдъ домоу своимъ лежѣще
158/1-2,
дрѣво : онъ же възьмѣ дрѣво. и възложивъ на плещи свои 138/
5-6; се дрѣво възьми 1376/20, дарова ꙗмо толико
дрѣво... въ потрѣбѣ. ꙗмоу же и хоташе. 138/8-9;
древыце⁶⁷ : дажъ ми мало древыце. да покрывъ клѣтъцю мою 173/6-
19-20;
дѣно⁶⁸ : (дупло): (заклучи сѧ) въ дѣнѣ платанову 46/5;
жито⁶⁹ : 16/19;
зеликъ⁷⁰ : (послатъ въ врьтѣ) пѣ (по!) зеликъ 111/3, принеси

намъ зелик III/5, (ав'ва) бды зелик III/I4, набрѣ-
менивъ кто (осыла) зели-а III/7-8;

зръно⁷¹ : поне же и зной зѣло и зръна пшеничѣна ѿ класъ падають
I28/II-I2;

класъ⁷² : в'са стѣа частии (так!) класъ прорастища 556/20-
57/I;

кореник⁷³ : (оузърѣхомъ) окроугъ источника мало корени-а II7/I0;
иже са кореникѣмъ крѣмлаше II5/6/5-6;

кедрѣ⁷⁴ : видѣхъ нечѣстиваго превъзнасаша са . и высашаса како
кедры ливаньскы-а I07/20 - I07/6/I;

овощѣ⁷⁵ : ни овоща сада (впереди: ни пекви са о ади) I76/I4;

плодѣ⁷⁶ : (только в переносном значении) ѿ нихъ плодъ възвѣ всемоу
добронравію I59/I2, се врѣмѣ показати плодъ желанію
I596/I4;

пшеница⁷⁷ : бысть пшеница скоудо и прода-аша са пшеница въ
земли сеи. на злотъникъ кѣбѣла 59/4-6, пшеница не
обрѣтають са 59/9-10, в'са пшеница проклила са
отъ 59/19-20, възимати имъ по полоутѣкъ в локоу пше-
ница 59/I-2, (гла житаръ) пшеница не имамъ I66/I8,
отъ бо житѣница исполънена пшеница I7/II-I2, идаше
пакы пшеница прода-ать 75/3-4, (старыць) одинож
же иде въ жатѣхъ хотя жати. се бо обычай естъ
скутанемъ ходити на села и жати. възиде же старыць
на село. и на дѣнь наймъ са възимаше пшеницу I28/
I-4, да-аше сѣмидалъ (сѣмидаль - крупчатая мука)
малымъ мрави-амъ. пшеницу же великимъ I286/I6-I7,
иди ги законъниче погребѣ хар'ти-а въ пшеници. или

въ ачъмени I40/I9-20;

из пшеницы изготвяляются:

бращьно⁷⁸ : иди сътвори да сънѣмъ бращьна 58/6-7,

каѳаръ⁷⁹ : (каѳара - чистый, т.е. белый хлеб): сътвори любъ-
ве (так!) дажъ мѣ мало аиць. и мало каѳара I586/
II-I2; се вижъ чистыа (каѳаръ) и аица I59/3;

посмагъ⁸⁰ : (слово употреблено только во мн.ч.) - вид хлеба,
сухарь, лепешка) намакаше же и посмагъ. и на
хлѣвины възметаше да п'тица ѣдатъ I286/I7-I8;

просфора⁸¹ : (просвира - причащение, жертва, приношение): на
четыри дъни одиноу просфороу изѣдаше 29/7,
довольнъ сы просфоръ!!! прѣвѣноюу 286/2I, прос-
форы (вин.п.мн.ч.) I36/I7, I4/I, I786/I4 (как жерт-
ва!));

хлѣбъ⁸² : 7/I4, I3/I5, 74/I9, II3/8, I33/3,5, I45/I9, I456/2,
I766/4, I77/I8, I786/7, ни вина пивъ. ни хлѣба ѣды.
нъ тѣчиа отроубы I0/I9 - I06/I, въкоушаа хлѣба и
воды I26/I6-I7, мало хлѣба 73/4, приде же вечеръ
хлѣба трѣбоуа I776/I0, не хожа хлѣбоу нъ ризѣ
(дат.п. - управление глагола хотѣти), 7/I5-I6, хлѣ-
бомъ питаѣтъ мѣжа I36/I2-I3, хлѣбъ (вин.п.мн.ч.)
I36/6, 386/4, 636/20, 80/2, I296/20, I3I6/I3, давъ
ѣмоу и мало хлѣбъ въ сънѣдъ 386/2, чадо по чьто не
въкоуси хлѣбъ наже ти дахъ 386/5;

хлѣбъць⁸³ : хота оу него коупити хлѣбъць. II3/I8;

серис⁸⁵ : обща же са оуноша не пити украсъ (εἰκράς - отвар перца, тмина и аниса). ни вина до живота своего. бдаше же серис трозима зелѣ (берѣс - цикорный, τριβήρα - огородное растение) I296/I6-I8;

сочиво⁸⁶ : (зерно чечевицы): (дѣва възьмѣши) намочено сочиво I246/I4-I5, I25/I9, I256/I, старьць питаше и (льва). помеща ѡмоу хлѣбъ и мочена сочива 74/I8-I9;

сѣма⁸⁷ : (господарь) поймаше своѣ воли и сѣма свое. и сѣашеиного нивоу I3/I0-II;

сланотокъ⁸⁸ : (горох): старьць... изнесъ хлѣбъ и сланотокъ. намоченъ постави предъ ними и бдаше II3/8-I0;

тер'миа⁸⁹ : (δέρμα - "бобов"): бдаше дѣньмъ .θ. мѣдъницъ тер'миа 95/8-9;

трѣниѣ⁹⁰ : трѣниѣ бѣ са сърасло I266/I3;

трѣсть⁹¹ : (ошьльникъ) набодѣ са на трѣсть 76/6-7, роздвигъ мѣсто (т.е. рану) иза трѣсть (занозу) 74/I2-I4;

трѣска⁹² : (заноза): (львѣ) имаше бо трѣстановъ трѣскоу оу-нѣзьшоѡмоу 74/5;

тыкъ⁹³ : (сосуд) изнесъ тыкъвъ своѣ дахъ ѡи (пить воды) II/I2;

хворостѣ⁹⁴ : ни ѡко изгорѣло чѣто отъ хворостиа 606/I8;

ѡеми-ана⁹⁵ : вѣложите ѡеми-ана (т.е. зажмите!) 39/I0;

ачьмь⁹⁶ : въ ачьмени (местн.п.) 140/20;

Животные - птицы - насекомые

вельблудь⁹⁷ : оставивъ вельблуды бѣжа 75/6, съ трѣми вельблуды 75/8-9;

вепрь⁹⁸ : (свинья): двѣ лѣва хотѣща вепрь въсхитити 64/9;

волъ⁹⁹ : поймаше своѣ волы 13/10;

влѣкъ¹⁰⁰ : обрѣте сѧ въ пастуха мѣсто влѣкъ 296/14-15, (настолько жесток был разбойник) ꙗко влѣкъмь и възвахоу 114/2-3;

звѣрь¹⁰¹ : чюдити сѧ старьцо. толкъ разоумоу звѣри 74/17-18, звѣрьмь (твор.п.) 74/4, 1156/17, 116/3, 157/20; звѣрикъ (им.п.мн.ч.) 44/15, 76/11, звѣрии дѣла 606/15;

змиа - змиа¹⁰² : видѣхъ змиа зѣло прѣвелика 28/6, искавъша змиа 876/10, хопленъ быс нѣкто ѿ оцѣ змию 1536/2-3;

конь¹⁰³ : ꙗко и конь бѣсоуѧ сѣбѣти съ неѣх 174/2;

кошута¹⁰⁴ : (коза): се кошута пришѣдъши. ста ѿ насѣ мало 586/12;

лѣвъ¹⁰⁵ : (слово употреблено сравнительно часто, что опять следует из содержания памятника) - "зверь" и имя монаха;

лѣвичъ¹⁰⁶ : (лѣвенок): (авѣва) принесе двѣ лѣвица. въ платици 106/9;

- мышь¹⁰⁷ : (хлѣбъ) акы мышьми или псы каденъ II76/II;
- мьскѣ¹⁰⁸ : (мул) : распѣра мьскѣ дѣтищѣ и оуби и 696/5-6, бысть мьщѣникъ (потонщик мулов). ѿ |ди-
ноу же иде съ мьскы въ ерихо 696/3;
- овьнѣ¹⁰⁹ : (баран) видаше овьнѣ (вин.п.ед.ч.)... хота-
ща и рогы толочи 34/I3-I4, по чѣто въвели кѣсте
сѣде (сюда!) овьнѣ съ 34/20 - 346/I, пакы того
же видаше овьна 346/5, влажущю са кѣмоу овь-
ноу 346/I9;
- овьца¹¹⁰ : словесына пасти овьца (вин.п.мн.ч.) 66/9, дѣ-
ти пасахоу овьца I45/8-9;
- овьча¹¹¹ : (одиному) овьчати старѣи не могоу быти 79/4;
- осьлѣ¹¹² : имаше же та лавра, одинъ осьлѣ 74/20, пасомъ
осьлѣ отъ льва 746/6, кѣде кѣтъ осьлѣ 746/I2,
оуиъ гѣ кѣже твораше осьлѣ 746/I4, да коу-
пачъ осьлѣ въ потрѣбоу себѣ 75/I, вельболоудь-
никъ же иже отъ осьла поалѣ... имы осьлѣ съ
собоу 75/2-4, лѣвъ же познавъ осьлѣ (вин.п.
ед.ч.) тече къ нѣмоу (75/7, старыцѣ бо мѣнаше
тако лѣвъ изѣлѣ осьла 75/II, и кѣтъ видѣти, осѣ-
ла вѣдноу III/8;
- пѣсѣ¹¹³ : (пес): оуѣша и пѣси мои II6/I;
- пѣса¹¹⁴ : (щенок): (старыцѣ) питаше пѣсата I286/I5;
- рыба¹¹⁵ : она же възъмши рыба начатъ ю омывати I31/6
I4-I5, се съ камень обрѣтохъ въ рыбѣ. I316/20
- I32/I, оуловивъше прѣм'ногы рыбн 85/7-8,
онѣ же шѣдѣ коупи намѣ (вм. имѣ) хлѣбы и вина

- и рыбы 1316/13-14;
- свиница¹¹⁶ : пасоущо ѣмоу свиница (вин.п.мн.ч.) 64/8;
- врань¹¹⁷ : видѣхъ же и дѣва врана бес троуда параша на лице ѣго. и крилома своима затрѣпажа ѣмоу лице 72/1-3; абиѣ бѣжаста врана ѿ него 726/12;
- голоубица¹¹⁸ : навивѣшица ми са голоубица. тѣмьна и смѣръ-даши. вѣтраго ѣсть 736/15-16;
- голоубыць¹¹⁹ : голоубыць врьхоу главы ѣмоу стоуащѣ 736/11-12,
- коура¹²⁰ : (не болѣло ѣсть) ни коура мое 169/18-19;
- пѣтица¹²¹ : 126/9; пѣтица 79/14; пѣтица ѣдаты 1286/18;
- мравица¹²² : (муравей): даѣше сѣмидаль малымъ мравица-мъ 1286/16;
- мѣшица¹²³ : (мушка): толѣкоу зноуѣ соущо и мѣшицамъ 98/9, трыплю же и мѣшица (вин.п.мн.ч.) 98/12;

Слова, привлеченные в настоящей статье, составляют лишь 0,1 часть всех имен существительных, употребленных в памятнике. Все они относятся к указанным сферам действительности. Подавляющее большинство остальных слов рукописи связано с темой: человек, его внешний облик и внутренние (душевные, нравственные) черты; семья, семейные и общественные отношения, одежда, питание; деятельность человека и орудия труда; здоровье - болезни, смерть, исцеление и т.д., т.е. в центре всех эпизодов СП стоит человек, с его отношением к природе, обществу, религии. Характер лексики СП, а также многие фонетические явления и орфографические особенности свидетельствуют о том, что перевод

был сделан в очень ранний период славянской письменности, и его данный список принадлежит образованному книжнику южно-русского происхождения.

СНОСКИ

1. Ягич, И.В.: Критические заметки по истории русского языка.
Спб., 1889, стр.26, сноска I.
2. Срезневский, И.И.: Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, LXXXII, Патерик Синайский (в Русском списке XI-XII вв.)
"Сб. ОРЯС", т. XX, № 4. Спб., 1879, стр. 49-110.
3. Дурново, Н.Н.: Очерк истории русского языка. М-Л., 1924, стр. 128.
4. Селищев, А.М.: Старославянский язык, часть I, М., 1951, стр. 90.
5. А.И.Соболевский: Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 32, 47, 101.
4. Волков, Н.В.: Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI-XIV веков и их указатель.
"Памятники древней письменности СХХIII, 1897, стр. 87.
5. Иванова, Т.А.: Заметки о лексике Синайского патерика. В книге "Проблемы современной филологии". Сб. статей к семидесятилетию академика В.В.Виноградова". М., 1965, стр. 154.
6. Ходова, К.И.: К вопросу о выявлении лексической нормы в русском литературном языке древнего периода. В кн. "Памятники древнерусской письменности. Язык и

текстология". М., 168, стр. 98.

7. Дубровина, В.Ф.: О лексических гречизмах в оригинальных и переводных житийных текстах по русским спискам. В кн. "Памятники древнерусской письменности", стр. 117-146.
8. Иванова, Т.А.: указ. соч. стр. 139.
9. Введение, стр. 8,9.
10. Срезневский, И.И.: Материалы... т. I, столб. 525.
11. Виноградов, В.В.: Орфография и язык Саввы Освященного по рукописи XIII в. В кн. "Памятники древнерусской письменности", стр. 61; в форме знам нимъ автор допускает опisku.
12. Издание Успенский сборник XII-XIII вв. (под ред. С.И. Коткова); М., 1971, стр. 396.
13. Срезневский, И.И.: Материалы... т. I, столб. 439-459.
14. Dictionarium septem diversarum linguarum, videlicet Latine, Italice, Dalmatice, Bohemice, Polonice, Germanice & Vngarice... a Petro Lodereckero Prageno, Bohemo, Pragae, Anno 1605.

15. Львов, А.С.: Из наблюдений над лексикой старославянских памятников. Уч. зап. Инст. славяноведения, т. IX. 1954, стр. 139.
16. См. Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка т. III, М., 1971, стр. 415;
Slovník slovenského jazyka, diel III., Bratislava 1963, /red. St. Peciar/; стр. 664; V. Machek: Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957, стр. 406; J. Holub-Fr. Kopečný: Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 305; Kar. Kálal a Mir. Kálal: Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1923, стр. 557.
17. Срезневский, И.И.: Материалы... т. II. стлб. III 4.
18. См. напр. об этом выступление И. Русека на VII международном съезде славистов в Варшаве в 1973 г.: Czy Metody przetłumaczył Pateriki który? (на немецком языке).
19. Št. Jančovič: Noví obsírní maďarsko-slovenský a slovensko-maďarský slovník. I. oddiel, v Presporoku, 1863, стр. 126. Slovník slovenského jazyka V., стр. 608; V. Machek: Etymologický slovník стр. 585; Bolgár-magyar szótár /szerk. Bödey József/, Bp., 1956, 261 old.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ "ИСТОРИИ О АТЫЛИ, КОРОЛИ УГОРСКОМ"

П. Шонкой

Описание памятника.

Памятник находится в Польше, в познаньской библиотеке Рачинских. Каталог библиотеки составили М.Е.Сосновски и Л. Курцман. Сборник, в который включена История, зарегистрирован в первом томе каталога (Познань, 1885), как Manuscripte : p. CLXXXVII; №94: Manuscript in kleinrussischer Sprache aus dem XVII.Jahrhundert /над последней строкой написано карандашом: XVII.w./, 172 Blatt. Потом следует перечисление произведений, имеющих в сборнике: 1. Powiest' o witezich, a zwłaszcza o sławnom rycery Tryszczanie, o Jeneazotie i o Bowie i o innych mnohich witezich, S. I-127; 2/. Istoryja o kniaźati Gwidonie, S. 129-171; 3/. Istoryja o Atyli, koroli uhorskom, S. 173-234; 4/. Letopiseo wielikoho kniaźstwa litowskoho i žomojtskoho, S. 235-291; 5/. Kopja potwierdzenia przez Władysława IV. z roku 1635, dnia 8 marca, rejestru oprawy dworu królewicza Kazimirza, S. 293-301; 6/. Uchwała Zygmunta I i panów rad z roku 1528 na sejmie ważnym z roku 1528, dnia 8 maja, o obronie ziemskiej, W.X.Litt., S. 301-327; 7/. Verschiedene Familien-Notigen eines knichowski seit dem J. 1637. und einer anderen, nicht gekannten Familie seit dem J. 1622., S. 328-344.

История рассказывает о походах "угров" (т.е. гуннов, так как писец памятника отождествляет угров, т.е. венгров с гуннами), начиная с их похода в Паннонию в 373-ем г. (стр. 51). Описание событий оканчивается повествованием о войне между сыновьями Атиллы, происшедшей после смерти правителя гуннов. Памятник, по всей вероятности, представляет собою перевод с латинского оригинала. По мнению И.Н.Голенищева-Кутузова История — переводное произведение венгерского гуманиста Николая Олаха. По его же мнению западнорусский текст восходит к польскому переводу Циприана Базылика (Краков, 1574) (см. И.Н.Голенищев-Кутузов: Гуманизм у восточных славян. Москва, 1963, стр. 65.), текст которого местами был неразборчив для переводчика. Об этом свидетельствуют неточности в транскрипции чужих имен и географических названий с латинского языка на западнорусский. Таковыми являются, например, на месте Zazholm латинских текстов мы находим написание Лязгалем (стр. 2); вм. Токсонового написано Торонового (стр.9) и др. Об этом же говорит непоследовательность переводчика в написании одного и того же имени: зъ Зутропею, тв.п. (стр.30), Зутропя, им.п. (стр.35), Зутропию, вин.п. (стр.35) — имя сестры бискупа в Реймсе. Непоследовательность подобного рода имеется и в переводе славянских слов, напр., прэмирье (стр. 14), прымерья (стр. 18), прэмире (стр. 25), прэмерья (стр.25).

Произведение является компиляцией, описанные в нем события известны из разных латинских летописей средних веков. Пи-

сец часто ссылается на "старую угерскую кройнику", данные которой он принимает за несомненно верные. На основании этой "старинной венгерской летописи" составитель Истории говорит о следующих деталях истории гуннов: войска Аттилы состояли из 1000000 человек; разорение города Реймса произошло после каталаунской битвы; испанское королевство получило свое наименование от ишпанов - гуннских гетманов; город Толос сдался Аттиле; Аттила убил своего брата Буду после каталаунской битвы; гунны убили 11000 девушек недалеко от города Кельна; Аттила умер в 445-м году; во время возвращения сына Аттилы, Чабы, на татарскую землю еще был жив его дед, Бендэгуз. Интересно, между прочим, что титул Аттилы в средневековых хрониках - Attila Rex Hunnorum, только в немногих памятниках встречается выражение: Attila Rex Hungarorum. По этому вопросу богатую библиографию дает Баллаги в журнале Irodalomtörténeti Közlemények 1892.: Adattár. Польский перевод хроники Каллимаха имеет заглавие "Historia spraw Atyle króla węgierskiego /Суприан Базылик Тłумасзиł, Kraków, 1574/, но это не рукопись. а печатное издание (см. цит. раб. Баллаги, стр.246).

История и ее перевод возникли, несомненно, в сфере гуманизма. Об этом свидетельствуют содержание и форма произведения. О том, что оно могло распространиться в Литовском Княжестве посредством польского языка, свидетельствуют многочисленные полонизмы.

Во вступительных строках своей статьи "Что такое древнее западнорусское наречие" акад. Е.Ф.Карский говорит о языке, "который в течение нескольких столетий был органом умственной, нравственной и политической жизни народа в Великом княжестве

литовском". В этой же статье (в сборнике Труды по белорусскому и другим славянским языкам, Москва, 1962, стр.253-262.) он дает определение данного наречия, которое легло в основу белорусского наречия; а в заключительных строках он высказывает свое мнение: "Старое западнорусское наречие,будучи разговорным в устах образованного общества, постоянно опиралось на язык простого народа местного белорусского", поэтому "называть его следует белорусским языком". Так называет это наречие и А.И.Соболевский ("Лекции по истории русского языка", Москва, 1907, стр. 37), а И.Н.Голенищев-Кутузов - украино-белорусским языком (см. его цит.раб. стр. 34).

В языке Истории наблюдаются черты западнорусского наречия. Не все, конечно, языковые явления памятника совпадают с соответствующими явлениями языка западнорусского наречия. Язык текста указывает, с одной стороны, на его близость к русскому языку, а с другой стороны, на сильное влияние польского языка; в основном чувствуется западнославянское влияние.

При изучении языка Истории сразу бросаются в глаза случаи непоследовательности в употреблении звуков и форм, т.е. в их отражении на письме в тождественных положениях. Можно предположить, что переводчиком был поляк, или же он жил в среде, в которой был широко распространен польский язык. При переводе текста на современный русский язык приходится пользоваться почти исключительно польско-русским словарем.

Некоторые фонетические явления, характеризующие язык Исто-

рыи:

На месте старинных сочетаний ТРЪТ, ТРЬТ появляется сочетание ТРЫТ. Е.Ф.Карский объясняет это явление следующим образом: глухие ѣ, ь, находящиеся в безударном положении, выпадали, а плавный Р, оказываясь между согласными, вновь вокализовался, обратился в слогаобразующий звук, из которого потом развилось сочетание РЫ. (см. раб. Карского "Русская диалектология", Ленинград, 1924, стр. 89). Начиная с XIII-го века, в западнорусских памятниках наблюдаются случаи написания форм, доказывающих слоговость плавных, так как в них могут и не присутствовать глухие. В нашем тексте имеются такие примеры: до внутрене (16), у крови (21), крови (22), кравое (27); но находятся и формы, в которых глухие перешли в гласные полного образования: кровью (21,22), крови (34), кров (51), терпеливый (7), потвердила (8), твердити (13); случаи употребления формы с -РЫ-: криваво (6), земля дрыжить (28), дрн-жачой (32), трывала (6,53), до вытыванья (24).

Переход О в Е: все такого рода примеры замечаются в заимствованных словах: уберы (8), за бога фалили Евиша (9) (п. Jowisz=Iupiter), Толеса, до Толесу (29).

Переход Е в О: в Исторыи находим ряд случаев, когда на месте общерусского Е после Ж, Ш, Ч, Ц появляется О (из-за отвердения согласного Р встречается и написание с -РО); в большинстве случаев тут ударение не играет никакой роли. В ряде случаев мы, конечно, имеем дело с польскими формами,

а также с аналогией. Появлению этой фонетической особенности способствовали две причины: общерусская тенденция – переход Е в О после мягких согласных (перед твердым согласными) и вторичное отверждение ж, ш, ч, ц. Общерусский переход Е в О осуществился, по-видимому, раньше отверждения шипящих и ц. Примеры из текста: для жонъ (3), обужоны (3), дужостью (4), осажоно (9), нестрыжоны (9), оскаржоно (13), положоны (16); перестрашоны (3), ушолъ (6), шолковый (8), нашол, шол, зашол (8), рушо-ный (15), в иншом (16), меньшее (17), вашого (21), товарышовъ (22); догорающее (2), преречоным (2), засмучоны (4), прылучо-но (5), чоло (6), чотырохъ (7), чоловек (12), ничого (14), отлучоний (14), в обчой (20), девочок (30), з плачом (35); спрацованы (4), половицю (6), обецовало (12), местцо (13), столицю (29), вызнавцовъ (46).

Унаследованный от общеславянского языка звук А западнорусского наречия ничем не отличается от соответствующего звука русских говоров. В тексте Исторыи обнаруживаются случаи, когда вместо ожидаемого А мы находим О – отражение общерусского О, особенно в приставке РОЗ-: розумели (3), ростропный (7), ро-казовани (7), розшыранья (7), ропустивши (10), порозвальять (12), роздражненный (16), до розознаванья (16), розважыш (25), розсветившы (51).

Статьи, работы, посвященные анализу белорусского и западнорусского языков, обычно подчеркивают их характерные черты – аканье, дзеканье и цеканье. Что касается первой из этих черт,

она замечается в памятнике лишь в немногих случаях: до ламанья (8), обавяючы ся (37), в нараженью (7), насажаний (8), скланять (14), намавлиять (25), зламалъ (25); а последние две черты даже следов не имеют.

Русское местоимение "каждый" в тексте передается в форме КОЖДЫЙ (за исключением двух случаев), отражающей также общерусскую форму, которая восходит к древнему корню КЪЖД.

Первое О в словах рода "блогославенный" появляется под влиянием польской формы *blogosławiony*.

Переход А в Е - сканье - (где А восходит к древним *ę, ja, ja, ię, ę*) в безударном положении - характерное для языка памятника явление: держечы (2), паметки (2), пять тисечей (5), звитежства (9), хотечы (16), чынечы (16), десеть кротъ стотисечей (8), на погледенью (9), паметаючы (9), боечы ся (10), видечы (11), хвалечыне (16), десетма тисечми (17), просечы (17), месеца (18), тресеньем (18), декало ся (18), ездечы (22), неспечы (25), уве-зала (30) и т.п.

Возвратная частица СЯ встречается в форме СЕ, СА. Правда, первые 10 строк на странице 20, в которых замечаются эти формы, написаны не той же рукой, которой была написана остальная часть текста. Тут же наблюдаются и варианты "езыком, дла" вм. для, Едоре: вм. Ядре.

Явление отвердения плавного согласного Р отражено в языке Исторыи, причем Р отвердел не только в заимствованных словах, но и в исконно русских: теперь (2), непрятел (2), Матрынус (2), ударыть (3), Детрык (3), окрыком (3), назавтрэе (4), рымяне (4),

у цэсара (6), обурыл (7), чотыры (7), на горячость (7), кыв-
ды (7), исторыкове (8), жолнерык (8), поветрэ (10), порадок
(10), с прыязню (10), в шырыну (13), до Афрыки (13), теснины
мора (13), прэмире (14), прымеря (18), о прышлой битве (17),
трэтую (17), узрат (21), берыте (21), подойзрэнне (22), добрэ
(22), прыгода прыпала (24), прэкладаль (26), пры его отцу (27),
яко былъ рэкъ (28), Хрыстуса (33), к верэ (37), отворывшы (47),
трыста (51) и т.п.

В памятнике мы часто находим отверждение и других соглас-
ных (т.е. отражение их отверждения); положение тут то же самое,
что и в связи с отверждением Р — отверждение их замечается и в
славянских словах, и в заимствованиях: Сабэллик (11), бъкыч
(6), до Вэнуса (7), вэсэлю (51), людми (14), розышла ся (27),
королми (14), только (20). Вообще в тексте твердых согласных
очень много.

В языке памятника часто встречается отражение перехода
В в У, особенно в начале слова, когда после В стоит соглас-
ный: у своей владности (2), узрость (9), отъ усходу слонца
(10), уважаючи у себе (10), у Францэи (11), у войща (20), у
крови (21), у голову ранено (23), усюды (23), у великом вонт-
пенню (24), у многих речах (25), з учорашнее поражки (26),
упавшы у небезпечность (26), неузнывать (27), у своей мощи
(31), у вере (33), всевшы у корабль (36), усихъ дорогъ искалъ
(39), у весь светъ (40), у перекопъ вскочывшы (46), укротца
(49), у годъ (52). Внутри слова этого перехода нет. В конце

слова В также остается неизменным, в этом положении после него обычно пишется ѣ : противѣ (2), угровѣ (3), пожитковѣ (2), у воковѣ (9), для наездовѣ (2), жолнеровѣ (3), живѣ осталь (6), гѣтмановѣ (7) и др.

Обратное явление т.е. переход У в В обнаруживается гораздо реже: вже - вжо (почти всегда), повтекали, вгорскихъ и др.

На месте неслогообразующего У иногда употребляется форма УВ или УВО: ув угрехъ (38), уво всихъ людей (48), уво всихъ народовъ (50); есть пример и для формы ВОВ: вов покою (15).

В одном месте замечается написание "вколо" вм. "около".

В употреблении вставочного Д после губных согласных также наблюдается непоследовательность, что указывает на большое западнославянское влияние: зоставленне (4), намовленъем (4), рымяновъ (5,6), до земли (5), закрывленого (7), робленне (8), обовляючы ся (9,47), установленъемъ (10), намовляти (19), намавляль (25), розгроменне (20,26), мовенъе (21), справленне (22), преломена (24), обмовлено (28), поздоровенъе (29), обявенъе (32, 36), домовляючы (35), трафляими (14), трафяють (41).

На месте сочетания ЖД (старославянского происхождения) в тексте имеется Ж: от нароженъя (7), осажоно (8), вожемъ (42); на месте русского ЖИЖ из ЗД встречается написание: зъездчали (10).

В языке Исторьи полногласные формы сохраняются более строго, чем в современном русском языке: тое ворожки (10), за отволокою (15), выворочають (16), поломи (18), до порожневанья (21), въ середнемъ гүфе (22), очы окърочали (24), нагороду (45,50),

В формах превосходной степени прилагательных, как правило, пропускается буква И из суффикса най-: налепей (7, 18), наборздей (8), напервей (10, 20, 42, 46), наможнейший (16), наменьшымъ (16), навернейшие (18), нашляхэтнейшие (21), начольнейшымъ (22), наокрутнейший (35); из окончания -ого, -его род. п. ед. ч. слов местоименного склонения часто пропускается последняя буква -О: среднег узросту (7), до чог (11), з людю постороннег (14), Атылевог (12, 27), за нашог веку (12), што новог (13), ничог знаменитшого (14), которог (16), оног члвка (17), до одног (19,26), людю ничемног (19), всего доброг (21), от некоторог (22), дня вчорашнег (26), кождог (45);.

В связи с сочетаниями Г, К, Х + гласный или согласный замечаются явления: в сочетаниях Г, К, Х + и встречаются написания ГИ, КИ, ХИ (за исключением одного случая: многыми словы (19): знаки (25), поки (25), дороги (33), дольгихъ (49), нахилить (27), без похибы (41) и др.; после букв Г, К, Х пишется обычно Э : шляхэтние (36), гэтманы (50) - при угерскимъ (28), в котором отражается произношение Г=г; языку памятника присущ звук проточный Г=г : передавая чужие слова, в которых имеется звук г, переводчик текста пишет всегда букву Г, а звук Г=г передается всегда через КГ.

В дат. и мстн. пп. ед. ч. существительных ж.р. на -а, основа которых оканчивается на Г, К, Х, отражается изменение задненебных согласных по второму смягчению: на дорозе (II, I4, 29, 30), на послузе (I5), тобе яко слузе (29), в ласце (I3), в руце (I6, 24), в кройнице (53), по матце (53).

НОВЕЙШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

И.Х. Тот

Образование современных восточнославянских языков является самым важным вопросом их изучения. Понятно, что большое внимание было уделено выдающимися учеными исследованию образования восточнославянских языков, то есть рассмотрению тех сложных процессов, в результате которых сформировался древнерусский язык, из которого позднее развились современные восточнославянские языки. Самые интересные теории были разработаны такими крупными учеными нашего века, как А.А.Шахматов, Т.Лер-Сплавненьски, Н.Трубецкой, Б.М.Ляпунов, Д.А.Булаховский, Р.И.Аванесов. Выдвинутые ими теории объясняли образование современных восточнославянских языков из двух или трех больших древнерусских диалектов, распавшихся и затем различным образом перегруппировавшихся и вновь соприкоснувшихся между собой. Источником изучения глоттогенетических процессов восточнославянских языков служат их письменные памятники и восточнославянские диалекты. Однако, несмотря на усилия упомянутых ученых, полученные результаты оказались мало обоснованными, противоречивыми или слишком схематичными. Развитие любой науки время от времени требует критического обзора и переоценки имеющихся в науке теорий и новых сообщений в свете последних достижений, накопленных в науке. Таким образом, естественно и закономерно, что и вопросы образования восточнославянских языков потребовали пересмотра и кри-

тической оценки имеющихся научных теорий. Создание новой теории стало необходимым не только общими закономерностями развития любой науки, но продиктовалось и недостатками имеющихся теорий, и новыми результатами, достигнутых в последнее время в общем языкознании и в конкретном изучении восточнославянских языков.

Вероятно, о недостатках теории, имеющихся в нашей науке, говорить здесь будет излишним, поскольку они известны всем, кто интересуется этими вопросами. Важнее всего, хотя бы бегло, пересмотреть новые результаты языкознания, которые дают основы для создания новой концепции по интересующим нас вопросам. Из новейших достижений общего и специального языкознания мы только выделяем следующие:

1. В области общего языкознания подчеркиваем следующие достижения: структурное понятие языка, применение принципов фонологии, разработка методов внутренней реконструкции и релятивной хронологии и пр.
2. В сравнительно-исторической грамматике славянских языков также были достигнуты значительные результаты. Из них напомним следующие:

а/ вопросы аканья, которые раньше трактовались как специальные проблемы русистики и белорусистики; результаты исследований А.Вайана, В.Георгиева, Ф.П.Филина, Б.К.Журавлева получили общеславянское значение несмотря на то, что принимается ли теория В.Георгиева отдельными исследователями или отвергается ими. ¹

б/ исследователями поднялась проблема сравнительно позднего

происхождения гласного [o] в славянских языках. ²

В/ результаты новейших исследований, особенно в области восточнославянских языков, привели некоторых ученых к тому, что стало необходимым совершенно по-новому трактовать вопросы II и III палатализаций заднеязычных согласных. Дальше всех пошел по этому пути З.Штибер, который отрицает осуществление этих палатализаций на восточнославянской территории. ³

3. В области изучения древнерусского языка были достигнуты новые результаты и возможности благодаря введением В.Кипаринским результатов изучения древнерусских заимствований в прибалтийско-финских и балтийских языках. ⁴

4. Также были сделаны значительные шаги вперед и в области сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков. Вышли в свет такие труды, как "Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков" под редакцией Н.И.Бутакевича (Одесса, 1958 г.), "Сравнительно-историческая грамматика" Т.П.Ломтева (М., 1961 г.), "Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков" В.И.Борковского (М., 1968 г., 1972 г.). Появились и сравнительно-сопоставительные грамматики восточнославянских языков, как например, "Сравнительная грамматика русского и белорусского языков" М.И. Гурского (Минск, 1962 г.). Были созданы и новые исторические грамматики русского, украинского и белорусского языков.

5. В последнее время обновилась своими методами и результатами

диалектология восточнославянских языков. Получили новое толкование такие термины, как ареалы, изоглоссы. Выработалась лингвогеографическая оценка полученных диалектологами результатов в синхронном и диахронном аспектах. Вышли из печати Диалектологический атлас белорусского языка и первый том Диалектологического атласа русского языка. Появилось большое количество работ по описательной диалектологии восточнославянских языков. Наряду с ними были изданы и издаются и в настоящее время словари различных диалектных областей. Из них напомним:

"Псковский областной словарь с историческими данными" (Выпуск I, Ленинград, 1967 г.), "Словарь русских говоров Среднего Урала" (Свердловск, 1964 г.), "Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики" (Рига, 1963 г.), "Краткий Ярославский областной словарь" (Ярославль, 1961 г.)

Заслуга обновления русской и восточнославянской диалектологии принадлежит Р.А.Аванесову и Ф.П.Филину. В качестве результата этого обновления появились монографии, посвященные отдельным вопросам исторической и описательной диалектологии. В них отражается новый подход к диалектным явлениям и новая оценка достигнутых результатов. Не стремясь к полноте изложения, отметим из них следующие: "Русская диалектология под редакцией Р.А.Аванесова и В.Г.Орловой" (М., 1964 г.); В.Г.Орлова: "История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров" (М., 1959 г.); "Образование севернорусского наречия и древнерусских говоров" (редактор В.Г.Орлова, М., 1970 г.), К.В.Горшкова: "Очерки исторической диалектологии Северной Руси" (Москва, 1968.) .

Обогащением результатов многолетней работы нескольких поколений диалектологов является "Историческая диалектология русского языка", написанная К.В.Горшковой (М., 1972 г.). Эта книга заполняет уже давно существующий пробел в русистике.

6. Очень значительны достижения последних лет в области изучения памятников восточнославянских языков. Это относится прежде всего к изучению древнерусской письменности. Трудно переоценить значение новгородских берестяных грамот и надписей киевского Софийского собора. Они представляют собой совершенно новый материал для изучения древнерусского языка. Однако, и известные нам памятники располагают таким материалом, который позволяет исследователям по-иному толковать некоторые явления древнерусского языка. Так, например, на основании данных ранее известных памятников В.В.Колесов изучал вопросы возникновения [ǫ] в древнерусских диалектах и открыл заместительную долготу на месте ѣ в сильной позиции в новгородских памятниках.⁵ В.Марков, изучая особенности Путятиной Минеи XI в., детально изучает особенности редуцированных гласных. Результаты его исследований позволяют ему по-новому осветить некоторые вопросы исторической фонетики восточнославянских языков. Например, он относит так называемое "второе полногласие" к периоду до падения редуцированных,⁶ что раньше уже было предложено А.И.Соболевским. Л.П.Жуковская по рукописи XIII вв. развивает учение о задержке редуцированных в определенных звукосо сочетаниях⁷. А.Князевская, изучив рукописи ростовского происхождения, охарактеризовала северо-восточный древнерусский диалект с точки зрения

редуцированных гласных. ⁸

Более поздние периоды формировавшегося русского национального языка также детально изучены П.И.Черных, М.А.Соколовой, занимавшихся исследованием делового языка. ⁹ Катков детально и основательно изучал южнорусское наречие и разговорный язык XVI-XVIII вв. ¹⁰

Новые достижения общего языкознания и изучение восточнославянских языков последних лет дают возможность критически оценить имеющиеся теории, пересмотреть их, вскрыть их противоречия и создать новую синтезу относительно происхождения восточнославянских языков. Эта трудная, кропотливая и очень ответственная задача была выполнена известным советским диалектологом, историком языка Ф.П.Филиным, попытавшимся по-новому переосмыслить некоторые положения традиционной сравнительно-исторической грамматики восточнославянских языков в своем раннем произведении "Очерк истории русского языка до XIV столетия". Ф.П.Филин в последнее время посвятил две большие монографии вопросам образования восточнославянских языков. В своей работе "Образование языка восточных славян" он изучает предпосылки образования древнерусского языка и его основные особенности. В своем новом капитальном труде "Происхождение русского, украинского и белорусского языков" (М., 1972 г.) Ф.П.Филин на огромном фактическом материале рассматривает те сложные, не всегда достаточно ясные, часто очень трудно поддающиеся анализу процессы, которые привели к формированию современных трех восточнославянских языков.

Положительные стороны исследований Ф.П.Филина можно подытожить следующим образом:

1. Автор подробно рассматривает и критически оценивает почти всю литературу предшествующих лет, посвященную вопросам глоттогенезиса восточнославянских языков.

2. В исследовании отдельных вопросов автор привлекает материалы памятников письменности и данные восточнославянской диалектологии, причем он стремится соотнести свои данные с определенной территорией и дать их хронологию.

3. Автор в своих изысканиях исходит не из малочисленных, случайно выбранных особенностей древнерусского языка, что было характерно для исследователей предшествующих лет. Он распространяет свои исследования на все уровни древнерусской языковой структуры, вовлекая в свое обследование кроме данных фонетики, данные морфологии, синтаксиса и, особенно, данные лексики, в изучение которой автор внес большой вклад.

Ф.П.Филин в своей работе над реконструкцией особенностей древнерусского языка оперирует не только данными фонетики или несколькими особенностями морфологии, а старается исследовать историю всех уровней древнерусской языковой структуры. В этом заключается главная заслуга его книги.

Чтобы показать исследовательский метод Ф.П.Филина, проиллюстрируем его результаты. Здесь мы остановимся на разделе книги, посвященном изучению становления фонетической структуры современных восточнославянских языков. Исследовательские приемы ав-

тора ярко отражены в главе "Фонетические диалектизмы древнерусского языка" (стр. 97-338), где он рассматривает следующие вопросы: аканье, гласные [o] и [õ], судьба фонемы **ѣ**, совпадение гласных [y], [i], изменение [e] [õ], второе полногласие, изменение [g] > [x]. Большое внимание уделено автором вопросу о следствиях падения редуцированных. Он подробно освещает историю свистящих и шипящих согласных, судьбу сочетаний **ч**, **ѣ**, историю фонемы [ch], упрощение групп согласных, рефлексацию сочетаний ***ѡj**, ***ѣj**, ***зj**, ***дj**, согласный [w], протетические согласные, отверждение и смягчение согласных, изменение [l] > [ɹ], сохранение звонкости согласных. После рассмотрения перечисленных явлений он подводит итоги своим исследованиям, разделяя полученные результаты на 3 категории:

1. Диалектизмы, возникшие до образования языка восточных славян или в самом начале его формирования. В эту категорию входят следующие явления: изменение сочетаний **кѡ**, **кѣ**, **ѡѣ**, отсутствие 3-ей палатализации [ch], судьба сочетаний [tɕ], [dɕ], аканье, оканье, изменение [g] > [x], [h], совпадение свистящих и шипящих. Характерной чертой этих изменений является тот факт, что они не стали специфическими чертами ни одного из восточнославянских языков, а остались "на уровне диалектизма" в них. Причину этого факта автор усматривает в том, что характерные особенности восточнославянских языков возникли позже, только в XII-XIV вв. II

2. Древние явления, возникшие до падения редуцированных гласных. Автор сюда относит следующие процессы: "второе полногласие", из-

менение [o] > [ô] , сужение [a] > [e] , совпадение [i], [y] , изменение [e] [o] , упрощение сочетания [gn] , локальные рефлексy *zdj , *zqj , *zq , судьба сочетания *dj , сохранения [w] , протеза согласных, отверждение [r̥] , изменение сочетания tьlt > tьlt . Характерной чертой этих особенностей является тот факт, что они не совпадают полностью с границами современных восточнославянских языков, поскольку они возникли также до их формирования. Возможно, однако, что некоторые из них (совпадение [i], [y] , изменение [e] > [o] , [r̥] > [r̥]) все-таки могут стать характерными приметами одного из восточнославянских языков. 12

3. Поздние явления, появившиеся после падения редуцированных гласных. Автор сюда относит следующие процессы: заместительная долгота [o], [e] в новых закрытых слогах, отпадение начального [j̥] , рефлексy сочетаний trьt , tlьt , рефлексy [z̥j], [b̥j] , изменение сочетаний [ky], [qy], [chy] , отверждение гласных перед [l], [i] дзеканье и цоканье, рефлексy новых сочетаний с [j] , прогрессивное смягчение заднеязычных согласных, отверждение губных согласных, сохранение звонких согласных, упрощение сочетаний [wl] . Характерной чертой этих процессов является то, что, возникнув позже, после падения редуцированных гласных (т.е. в XII-XIV вв.), некоторые из них стали характерной приметой одного из трех восточнославянских языков. 13

Известно, что при изучении глоттогенезиса современных восточнославянских языков исследователи старались определить количество древнерусских диалектов, устанавливая наличие двух или

трех диалектов в древнерусском языке. Ф.П.Филин по-новому решает этот вопрос, подчеркивая не количество древнерусских диалектов, а обращает внимание на качественные, функциональные особенности древнерусских диалектизмов. Относительно этого вопроса мы можем сказать следующее:

- 1/ поскольку автор исходил не из одного показателя, а из нескольких, причем не однородных, полученная им картина диалектного членения древнерусского языка стала более пестрой, чем в традиционной литературе. Наиболее древние диалектизмы разделяют древнерусский язык не на две зоны, а на несколько зон.
- 2/ отдельные диалектизмы, как мы видели, появились до падения редуцированных гласных, которые можно соотнести с определенной территорией, однако, они только в редких случаях стали собственностью одного из восточнославянских языков. Появившись на определенной территории, они не привели к значительным расхождениям в древнерусском языке, не повлекли за собой распад древнерусского языка.
- 3/ только самые поздние диалектизмы, возникшие после падения редуцированных, привели к распаду древнерусского языка и к формированию современных восточнославянских языков.

Наши высказывания подчеркивают, что окончательное формирование всех трех восточнославянских языков началось с паде-

ния редуцированных гласных, выражаясь иными словами, оформление, выработка восточнославянских языков осуществились в тот период, о котором мы располагаем значительным количеством письменно закреплённой информацией.¹⁴ Это обстоятельство увеличивает значение письменных источников в сфере изучения глоттогенетических процессов восточнославянских языков.

4. Важность закреплённой в письме информации особенно возрастает для тех исследователей, которым недоступно непосредственное наблюдение живых восточнославянских говоров, т.е. для тех лингвистов, которые работают вне границ Советского Союза. Больше всего они могут заниматься изучением исторических процессов формирования современных восточнославянских языков, если эти исследователи обращаются к их памятникам. Изучение памятников может дать в руки исследователей новейшую информацию.

Они могут дать более точную абсолютную хронологию определённых языковых процессов, указывая одновременно на их территориальное распределение. Чтобы показать эту функцию письменных памятников, приведём один пример из Музейного Евангелия конца XII — начала XIII вв.

Говоря о протезе [w] в памятниках древнерусского языка, кроме примеров А.И.Соболевского, Ф.П.Филин приводит примеры на [w] из словаря И.И.Срезневского. Среди них встречаются и формы вужа из Ипатьевской летописи XV в., и вузы из Пандект Никона Черногогорца 1296 г., суздальского происхождения.¹⁵ Это слово с начальной протезой известно и из Музейного Евангелия северного, вероятно, новгородского происхождения: воуза сго языка 1336.

Имеющаяся в Музейном Евангелии форма свидетельствует о более раннем существовании этого слова с протетическим *w* в древнем новгородском диалекте; вероятность наличия этого слова в данном фонетическом облике подтверждается формами с протетическим других слов, приведенных Ф.П. Филиным и из других памятников новгородского происхождения (2-ая Новгородская летопись под 1478 г.) ¹⁶ - вобежь, вобжи.

Возможно, что встречаемые в памятниках формы, которые раньше считались исследователями только "описками", при более тщательном анализе окажутся не простыми "описками", "ошибками" писцов, а отражают существовавшее некогда реальное произношение, представляющее собой диалектное явление древнерусского языка. Возможно, действительное, реальное произношение скрывается за написаниями скърб- вм. скърб-, которые встречаются в памятниках начиная с XI в.

Приведем данные, которыми мы располагаем относительно этой формы: скърби Минея Дубровского XI в. (66), скърбъ Бычковская псалтырь XI в. (5а), оскърбъвъ, оскър'блать, скър'бъ, оскър'бивъ Синайский пат. (146, 16а, 45а, 69б скърби, скърбъ, Беседы Григория Великого на евангелие (52а, 53а), скербъ Добрилово ев. II64 г., Гал. ев. 1266-1301 гг., Холмское ев. XIII-XIV вв., Поликарпово ев. 1307 г., Луцкое ев. XIV в., скерба, прискербъна Типографское ев. XII-XIII вв., скербаша Добрилово ев. II64 г., Одесское ев. XII в., скерба Софийское ев. XIII в. (5а).

Этим формам А.А. Шахматов не придавал никакого значения:

однако, В.Ягич считал их приметой южнорусских памятников, поскольку они встречаются в тех памятниках, которые были переписаны на юге или юго-западе древней Руси.¹⁷ В пользу того, что написания типа скѣрб- могут передать реально существовавшее некогда на юге древней Руси реальное значение, служат следующие соображения:

- 1/ написание с ѣ отражает эволюцию редуцированного гласного в сильной позиции, так как в памятниках, отражающих вокализацию сильного редуцированного, пишется вместо ѣ графема е : [скѣрб-] ;
- 2/ написание с е встречается в таких памятниках, которые отражают живую особенность южного диалекта древнерусского языка — заместительную долготу. Можно предположить, что в них и написание с е передает живое произношение;
- 3/ хотя по нашим сведениям в современных русских говорах не встречается форма скѣрб-, подобного рода перегласовка известна из корня ѣтъ — Б.М.Ляпунов обнаружил диалектную форму [ѣтѣс] .¹⁸ Наличие в диалекте континуанта формы с перегласовкой делает наше предположение о существовании формы скѣрб- в южном говоре древнерусского языка более вероятным.

Рассмотренные нами проблемы показывают, что новые достижения советского языкознания дают мощный толчок к дальнейшим исследованиям в области изучения восточнославянских языков.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Георгиев, В., Журавлев, В., Филин, Ф. Стойков, С.: Общеславянское значение проблемы аканья. София, 1968.
2. Milewski, T.: Z zagadnien' językoznawstwa ogólnego i historycznego. Warszawa, стр. 309-326.
3. Stieber, Z.: Druga palatalizacja tylnojęzykowych w s'wietle atlasu dialektów rosyjskich na wschód od Moskwy. Rocznik Slawistyczny, 1968/I. стр. 6.
4. Kiparsky, Valentin: Russische historische Grammatik. I. Heidelberg, 1963. стр. 75-84.
5. Kiparsky, V.: Ук.соч. стр. 101.
6. Марков, В.М.: К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. стр. 224-237.
7. Жуковская Л.П.: Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIX в. Труды Института языкознания. М. 1957, стр. 5-106.
8. Князевская О.А.: О лингвистической интерпретации древнерусских памятников письменности. М., 1973.
9. Черных, П.Я.: Язык Уложения 1649 г. М., 1953.
Соколова, М.А.: Очерки по языку деловых памятников XVII в. Л., 1957.
10. Котков, С.И.: Южновеликорусское наречие в XVII в. М. 1963.
11. Филин, Ф.П.: Происхождение русского, украинского и белорусского языков, М., 1972. стр. 348.
12. Филин, Ф.П.: Ук. соч. стр. 348.

- I3. Филин, Ф.П.: Ук. соч. стр. 356.
- I4. Филин, Ф.П.: Ук. соч. стр. 306.
- I5. Филин, Ф.П.: Ук. соч. стр. 301.
- I6. Филин, Ф.П.: Ук. соч. стр. 301.
- I7. Ягич, В.: Критические заметки по истории русского языка.
СПб. 1889. стр. 15, 16.
- I8. Ляпунов, Б.М.: Несколько слов о рукописи евангельских чтений,
хранящихся в библиотеке Императорского Одесского Общества ис-
тории и древностей. Записки Имп. Одесского Общества истории
и древностей, Т. XXVII. Одесса, 1907, стр. 77, 89.

ДАННЫЕ К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ
ЯЗЫКОВ В СЕГЕДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И. Х. Тот

В 1975 году наша страна отмечает 30-летнюю годовщину освобождения Венгрии. В связи с этим событием нам хотелось бы осветить 25-летний период развития славянской филологии в Сегедском Университете им. Аттилы Йожефа.

В наши дни широкое распространение во всех областях науки получило т.н. "моделирование", использование моделей. В университете им. Аттилы Йожефа уже 25 лет существует Кафедра русского языка и литературы, которая обеспечивает преподавателями русского языка значительную часть территории Венгрии. История кафедры русского языка и литературы может быть рассмотрена как "модель", на примере которой можно изучать проблемы трудности и успехи готовящей педагогов нестоличной "лаболатории", т.е. изучать вопрос о том, как складывается своеобразная образовательно-воспитательная и научная функция одной из "клеток" нестоличного университета. К этому мы хотим привлечь внимание всех интересующихся проблемой, остановившись на сегедских традициях в области славистики.

I. Обучение в университете славянским языкам - в том числе и русскому - восходит к 1849 году, когда преподаватель языка Йожеф Ференц проводил занятия по славянским языкам в будапештском университете. Что касается научной славистики, то ее основателем в Венгрии и первым крупным, добившемся международного признания исследователем и распространителем был профессор будапештского университета Оскар Ашбот. Это был первый венгерский славист, написавший практическую грамматику русского языка /*Gyakorlati orosz nyelvtan* Bp. 1888 /, которая была переведена на немецкий и финский языки. /*Kurze russische Grammatik, Leipzig, 1889* /.

Кроме того, он издал книгу для чтения на русском языке для начинающих / *Russische Chrestomatie für Anfänger, Leipzig, 1890*/. Своей грамматикой Ашбот хотел удовлетворить интерес к русскому языку, пробудившийся во второй половине XIX века под влиянием русской литературы. Один из его учеников – Шандор Бонкало – занимался русской и украинской филологией. Другой его известный ученик – Агошт Павел – одновременно с разработкой южнославянской филологии написал грамматику русского языка, которая, однако, не была издана. После поражения Венгерской Советской Республики и последовавшей в 1920 году смерти Ашбота русская филология в Венгрии оказывается оттесненной на задний план. Это противостоит расцвету русистики в Европе в 20-х годах. Причины оттеснения русистики на задний план двояки: I. Контрреволюционная власть признала, что русский язык, советская культура и наука стали языком победоносной революции пролетариата. Всяческое воспрепятствование распространению русского языка, русистики было таким образом воспрепятствованием распространению революционной идеологии.

2. Вторая причина приостановки исследований в области русистики заключалась в том, что отечественных славистов интересовали в первую очередь славянские элементы, заимствованные венгерским языком, их место, время и источники. В связи с тем, что пласт заимствованных из русского языка слов в нашем языке количественно не велик, внимание исследователей, естественно, привлекало изучение других славянских языков.

I.2. Что касается сегедского университета, мы должны заметить,

что общее положение здесь было таким же, как и в других университетах Венгрии: Потребность в разработке русистики не созрела. Однако, своеобразное географическое положение университета делает понятным тот интерес, который был проявлен по отношению к сербохорватскому языку, а также к языку словаков, живших в окрестностях Сегеда. Эта потребность была удовлетворена обучением сербохорватскому языку, которое вначале проводил д-р Михай Дорослаи.

1.3. К началу II мировой войны сложилось поколение венгерских славистов, которое хотело трудиться под знаком идеи мира с живущими вокруг славянами. Для представителей этого поколения был характерен взгляд, который Ласло Хадроич сформулировал следующим образом: " Весь ход культурного и политического развития роднит венгров с живущими вокруг или в одном с ними государстве народами, и характерной чертой этого родства является то, что это родство оказалось действенной объединяющей силой вне пределов языковых границ." I

Это новое поколение наших славистов сознательно исследовало ждущие своего разрешения вопросы и искало возможностей создания творческих "лабораторий", предназначенных для их разработки. С точки зрения изучения венгерских и южнославянских связей для Сегеда, т.е. для сегедского университета открывалась большая перспектива, что объяснялось в первую очередь географическим положением города. Играло роль и то обстоятельство, что в г. Печ в это время прекратил существование гуманитарный факуль-

тет.

Понятно, что внимание занимающихся южными славянами специалистов было обращено на сегодский университет как на учреждение, открывающее возможности обеспечить организованное изучение южнославянской филологии. В Сегеде получил доцентуру по этнографии один из выдающихся учеников Оскара Ашбота, много сил отдавший установлению дружественных венгерских и южнославянских связей, Агошт Павел, которому 12 апреля 1941 года присудили звание доцента за работу в области южнославянских и венгерских языковых и литературных связей. Среди объявленных в нашем университете между 1941-1944 годами лекций - лекция Агошта Павела "Король Матнаш в словенских народных преданиях". Параллельно с его лекциями д-р Михай Дорослаи вел занятия по сербохорватскому языку.

I.4. В сегодском университете все возрастала потребность в формировании южнославянской филологии. Для этого, однако, необходимо было ввести преподавание основополагающих предметов славистики, имеющих всеобщий характер (старославянский язык, сравнительная грамматика). Без них серьезная разработка славянской филологии немыслима. Удовлетворить эту потребность выпало на долю д-ра Ласло Хадровича, приват-доцента университета, которому 12 декабря 1942 г. было поручено читать лекции по основополагающим предметам славистики. В 1943 году, во втором семестре, Ласло Хадрович прочитал курсы лекций: "Источники и происхождение церковнославянского языка", "Южнославянские языки и народы". Эти курсы он продолжал читать и в I-м

семестре 1943-1944 учебного года. Вторым курсом лекций была "История хорватской литературы средних веков". Во втором семестре 1943-1944 учебного года он читал лекции "Морфология церковнославянского языка" и "Литературы древней Рагузы". Объявленные в первом семестре 1944-1945 учебного года курсы: "Морфология церковнославянского языка" и "Вук Караджич и его эпоха", из-за военных событий не были прочитаны. В это время д-р Михай Дорослаи проводил занятия по сербскому языку, а позднее Льёрль Вандор и Иенё Краммер получили приглашение преподавать хорватский и словацкий языки. Как показывают наши данные, в университете создались возможности разработки общей славянской и южнославянской филологии. Вырисовывались даже наиболее важные контуры разработки южнославянской филологии. Об этом свидетельствуют опубликованные в Сегеде статьи Ласло Хадровича, Агошта Павела, Болтана Чука.

На основании всего сказанного выше, мы можем установить, что хотя и могли существовать условия для возникновения в Сегеде одной из "лабораторий" как общей, так и южнославянской филологии, однако, в фашистской Венгрии разработка славянской филологии, противостоящей национализму, официальному курсу, становится все более затруднительной и, более того, подозрительной. Решение и здесь, как и в других областях, приходит с освобождением.

2.1. После освобождения возросло значение русского языка и стремление к его изучению. Стало возможным, хотя ещё факультативно, изучать русский язык. Университет предоставил возможность удовлетворить эту назревшую потребность, обеспечив необходимые

условия для овладения русским языком. В I-II семестрах 1945-1946 учебного года д-р Хассан Брен, с 1-ого сентября 1945 года получивший приглашение читать лекции, объявляет о лекциях, тема которых, бесспорно, относится к русистике: "Введение в языкознание русского языка". Он же читает курс лекций: "Некоторые главы из истории славянской фонетики" и проводит занятия по болгарскому языку. Д-р Матиаш Ланг проводит занятия по сербохорватскому языку для начинающих и уже владеющих основами языка.

Руководство университета желало, чтобы изучение славистики также было обеспечено в университете. Поэтому во II-ом семестре 1947 учебного года был основан Институт славянской филологии, которым временно руководил д-р Антал Клемм. Он читал курс: "Введение в славянское языкознание". Д-р Матиаш Ланг объявил о курсах лекций: "Введение в сербский язык" и "Сербская народная песня и ее эпоха". Занятия по словацкому языку вел Дьюла Петерфи. Т.к. Антал Клемм официально не был славистом, но горячо интересовался судьбой Института, он стремился расширить фонды библиотеки и передать руководство специалистам. В июне 1947 года факультет предложил Ласло Хадровичу занять пост заведующего кафедрой славянских языков. Это предложение было принято ученым советом единогласно. Ласло Хадрович, как об этом свидетельствует помещенная в I-ом номере журнала "Тисатай" за 1947 год его статьи, считал первоочередной задачей кафедры разработку южнославянской филологии. Одна-

ко, назначение Ласло Хадровича на пост заведующего кафедрой не последовало, т.к. созданный в 1947 году в г. Печ ВУЗ был соответствующими организациями предназначен для обучения южнославянским языкам. Антал Клемм, возглавлявший Институт славянской филологии, в I семестре 1948-1949 учебного года объявил следующие курсы лекций "Старославянский язык", "Сербохорватский язык", "Литература славян, населяющих южную область (Делвидек)". Тогда же организуются и первые систематические занятия по русскому языку, которые проводит д-р Йожеф Эрдеди, специалист по финно-угорскому языкознанию, которому было поручено читать лекции по русской филологии с I-го февраля 1948 года. Во II семестре 1948-49 учебного года он читает курс лекций по литературе: "От Пушкина до Лермонтова". Кроме того, он ведет занятия по курсам: "Русский язык для начинающих и для студентов продвинутого этапа" и "Чтение легких русских текстов + описательная грамматика". Организация занятий по русскому языку подготовила решение министерства, согласно которому в сентябре 1949 года было введено обязательное обучение русскому языку в У-УІ классах школ и в I-II классах гимназий.

В 1949 г. в Сегеде была создана кафедра русского языка, заведующим которой стал д-р Йожеф Эрдеди. В I семестре 1949/50 учебного года впервые в учебном плане фигурирует русское отделение, как самостоятельное отделение, готовящее преподавателей двух языков.

С созданием кафедры русского языка возник ряд проблем.

Перечислим следующие:

I. Возникла необходимость в преподавателях русского языка, которые готовили бы и обеспечивали бы необходимыми языковыми, литературными и методическими знаниями будущих преподавателей русского языка. Первоначально эту задачу выполняли преподаватели, знающие язык, но получившие образование по другим специальностям.

Большую помощь оказывали находящиеся в Венгрии учителя с родным русским языком. Владимир Холопцев, Федорне, Милица Беляева, Ференц Ахи, Маткович Калманне — были теми преподавателями с родным русским языком, которые несли на своих плечах трудную и самоотверженную работу по обучению студентов до тех пор, пока их не сменили воспитанные ими ученики. Нужно обратить внимание и на то, что, как сначала, так и впоследствии, большую помощь оказывали советские коллеги. Из Советского Союза приехали к нам переклассные специалисты, которые работали в нашем университете продолжительное время.

Профессор Т. Анчадгов преподавал историю СССР, С. Ковалев — географию СССР, С.Д. Краевский — историю русской литературы, М.А. Мартынова — историю языка. Их работу продолжал А. Карпов и продолжает Д.С. Чернявская. Соответствующие государственные учреждения оказывали всяческую помощь, в том числе предоставили возможность будапештским специалистам приезжать в Сегед. В числе тех, кто не побоялся трудностей, связанных с такими поездками, нужно назвать: Эмиля Балецкого, Имре Ботоша, Иолан Ахи, Акоша Гереба, а позднее — Иожефа Кхаса, Золтана Кирая, Яноша Элберта, Дьёрди Сёке.

В результате успешной работы и преподаватели, и студенты добились значительных результатов в овладении русским языком. Возродилась старая добрая традиция: обучая, учишься сам! Первоначально студенты старших курсов принимали участие в обучении начинающих. Когда мы говорим об этих временах, на память приходят имена таких преподавателей, как Тотне Розалия Мера, д-р Янош Сарка, Иолан Ахи, д-р Янош Береш, Бела Тот, Геза Лендел, д-р Бентилла Шандорне, д-р Атоштон Дьердьне, д-р Бенце Дьердьне. Позднее в университет пришли преподаватели, окончившие русское отделение: Иштван Пете, Ференц Борсеки, Ласло Форгац, д-р Иштван Палли, Нандор Бенедек и Миклош Рац (позднее временно заведующий кафедрой). Из сегедских преподавателей нужно еще упомянуть и Сильвестера Патаки, который читал и лекции по описательной грамматике. Затем появились представители нового "поколения" преподавателей, окончивших институты и университеты в Советском Союзе, среди которых мы назовем Иштвана Феньвеши, ставшего впоследствии заведующим кафедрой. Кафедра развивалась и к концу 1958 года постепенно сложился коллектив преподавателей кафедры русского языка. Мы с радостью отмечаем, что из нынешних 17 преподавателей 11 получили образование в Сегеде и совершенствовали свои знания в Советском Союзе.

2. Не меньшую проблему представлял собой первоначально и прием студентов. В первые годы будущие преподаватели русского языка начинали знакомиться с основами русского языка лишь пос-

ле поступления в университет. Как правило, в университет принимались студенты, занимающиеся по двум специальностям, которые либо выбирали русский язык вместо одной из двух специальностей, либо - в качестве третьей. С 1949-1950 годов для получивших аттестат зрелости и пришедших с производства студентов открылась возможность обучения на отделении русского языка. Это были годы формирования нового рабоче-крестьянского слоя преподавателей.

Надо заметить, что между получившими аттестат зрелости и пришедшими без аттестата студентами была разница в уровне образования, в уровне знаний. Однако сознательное поведение, четкое мировоззрение приведших с производства студентов рабоче-крестьянского происхождения оказали положительное влияние на тех, кто располагал аттестатами зрелости. Родилось чувство ответственности друг за друга. Студенты охотно помогали друг другу. Можно было бы перечислить целый ряд начинаний, кажущихся наивными сегодня, свидетелями и участниками которых мы были, но в качестве положительной черты укажем на то, что создалась такая атмосфера, такой взгляд, согласно которому лень, уклонение от учебы, пропуски занятий, или недостаточная подготовка к занятиям, пренебрежение своими обязанностями - все это считалось постыдным.

В эти годы на русском отделении Сегедского университета был самый высокий процент студентов из рабочих семей. Вот несколько статистических данных:

1950-51 гг. Филологический факультет: из 116 студентов 43 - из рабочих.

Русское отделение: из III студентов 61 - из рабочих.
1951-52 гг. Филологический факультет: из 200 студентов 56 - из рабочих.

Русское отделение: из III студентов 60 - из рабочих.

Уровень обучения русскому языку в гимназиях повышался, и, соответственно повышался уровень знаний у абитуриентов. Вступительные экзамены дают возможность выбирать из числа поступающих лучших студентов. Введенная в 1967 году стажировка в Советском Союзе дает возможность нашим студентам углублять полученные знания, приобретать навыки владения языком в языковом окружении в советских университетах и институтах под руководством лучших советских специалистов.

По данным кафедры русского языка и литературы, начиная с 1950-51 учебного года до 1971-72 учебного года 658 студентов русского отделения получило диплом учителя русского языка. Это было вкладом нашей кафедры в почетное дело обучения русскому языку в Венгрии. Мы рассмотрели субъективные условия процесса обучения и достигнутые в этой области результаты. Прежде чем перейти к ознакомлению с объективными условиями развития, остановимся на учебном материале, который представляет собой переходное явление между субъективными и объективными условиями развития.

Известно, что количество и характер предлагаемого для обучения материала зависит от подготовки кафедры. Вполне понятно, поэтому, что между учебным материалом, предложенным первым студентам и теперешним студентам, существует большая качественная разница.

Первоначально задачей кафедры было обучить будущих преподавателей основам русского языка, включая и обучение чтению и письму. В дальнейшем, студентов надо было снабдить глубокими языковыми, литературными и методическими знаниями. Это была сложная и новая работа, т.к. в нашей стране не существовало разработанной методики для массовой подготовки преподавателей иностранного языка. Наряду с обучением русскому языку, нужно было дать основную информацию о Советском Союзе. Поэтому было введено изучение советской конституции, истории СССР и географии СССР для студентов русского отделения.

В дальнейшем, когда первоначальная подготовка студентов стала более основательной, открылась возможность ввести преподавание и теоретических предметов, исторических дисциплин. Недостаточно высокий уровень языковых знаний и предварительной подготовки обусловили то обстоятельство, что с 1950-51 учебного года подготовка специалистов по русскому языку велась по одной специальности. Можно объяснить улучшением предварительной подготовки тот факт, что с 1956 года снова стало возможным введение обучения по двум дисциплинам.

3.1. Говоря об объективных условиях, прежде всего надо отметить, что ощущалась очень большая нужда в учебниках.

Сначала, в целях овладения основами русского языка пользовались 2-томным учебником Н. Потаповой. Затем начали пользоваться учебниками и других советских авторов. Однако, часто было трудно достать учебники, т.к. их очень быстро раскупали. Возникла необ-

ходимость в создании учебников для студентов с родным венгерским языком, принимающих во внимание особенности венгерской системы обучения. Естественно, что в этой работе главную роль играли работники кафедр будапештского университета. В настоящее время появились учебники, написанные преподавателями кафедры русского языка и литературы сегедского университета. За последнее время из-под пера сотрудников кафедры вышло 9 учебников. Многие из преподавателей принимали и принимают участие в создании и редактировании учебников, предназначенных для всех школ и университетов страны.

Большую трудность представляло - и с точки зрения обучения, и с точки зрения научной работы - то обстоятельство, что библиотека кафедры была очень и очень небогата. Не будет преувеличением сказать, что из всех кафедр филологического университета библиотека Кафедры русского языка оказалась в самом трудном положении, т.к. ее приходилось создавать из ничего. Это было трудно, несмотря на то, что университет отпускал на библиотеку необходимые средства. Антал Клемм жаловался в 1947 году на то, что он не может достать необходимую специальную литературу, т.к. то, что нужно было библиотеке, невозможно было приобрести. Таким же было положение, в особенности с книгами, изданными на западе, и в начале 50-х годов. В настоящее время наша библиотека, насчитывающая 13000 томов, оказывает большую помощь в преподавании и научной работе. Нам удалось также собрать большое количество микрофильмов.

3.2. Мне хотелось бы коротко коснуться и научной работы кафедр

ры. В первый период для такой работы не было возможностей. Большую помощь в этом вопросе оказало руководство университета, когда в 1962 году был создан самостоятельный печатный орган кафедры: "*Dissertationes Slavicae*", получивший широкий отклик и за рубежом. В вышедших девяти сборниках наших ученых записок были опубликованы статьи, сообщения и одна большая работа. Мы с радостью отмечаем, что публиковать свои работы в изданиях выражают желание не только сотрудники кафедры, о чем свидетельствуют напечатанные здесь сообщения М.А. Соколовой из Ленинграда, Н.И. Букатевич из Одессы, В.В. Колосова из Ленинграда и Д.Н. Русинова из Горького. Разумеется, и наши сотрудники печатают свои работы не только в "*Dissertationes Slavicae*", но и в других отечественных и зарубежных изданиях.

В связи с объективными условиями развития кафедры и со спецификой научной работы ее сотрудников к 1958 году наметились 4 области научных исследований:

1. Исследования в области древнерусской литературы.
2. Исследования в области русской литературы XIX-XX вв., в которых особое место получают современные методы анализа художественного текста.
3. Исследования в области описательной грамматики русского языка и сопоставительной грамматики венгерского и русского языков.
4. Исследования в области истории русского языка и обработки памятников письменности.

К этим четырем областям присоединяются работы в области прак-

тического обучения языку. Чтобы проиллюстрировать достижения кафедры в научной работе, укажем, что трое из сотрудников кафедры защитили кандидатские диссертации. Две диссертации ждут защиты. Четверо защитили магистерские диссертации. Ведется работа над двумя докторскими диссертациями.

3.3. Мы хотим подчеркнуть особо, что уже и в первый период существования кафедры, когда работа преподавателей была особенно трудной и напряженной, среди преподавателей были такие, которые с удовольствием руководили научной работой студентов, их воспитанием. Еще в 1952 году начались занятия студенческих научных кружков, которые и сейчас разнообразят и украшают нашу учебно-воспитательную работу. Сейчас в трех студенческих кружках наши студенты ведут интересную и полезную работу, испытывая себя на научном поприще.

Наши студенты успешно выступают как на факультетских, так и на междугородных студенческих конференциях. Лучшие работы не только удостоиваются премий, но университет предоставляет возможность печатать их и в периодическом сборнике научных студенческих работ "Acta Juvenum".

О том, что наши ожидания в этой области не напрасны, свидетельствуют 16 магистерских диссертаций, защищенных бывшими студентами русского отделения. Это говорит за то, что среди преподавателей средних школ есть слой, для которого научная работа является потребностью.

3.4. Хочу сказать особо о той помощи, которую кафедра русского

языка и литературы оказывает педагогам в повышении квалификации и уровня научных знаний. Долгое время мы сами нуждались в помощи и поддержке. Развитие кафедры дало нам возможность прийти на помощь преподавателям школ. Это — многосторонняя и комплексная задача.

Так, например, д-р Феньвеш Иштванне, Елизавета Коняева в соавторстве с Иштваном Кошарашем написала учебник русского языка для гимназий, а также очень удачный иллюстрированный лексический минимум русского языка. С 1974 года на кафедре регулярно занимаются на организованных курсах по повышению квалификации преподаватели средних школ. На этих курсах они получают возможность познакомиться с новейшими достижениями русистики, слушая лекции по литературе, языку, методике. Сотрудники кафедры русского языка и литературы часто выступают на заседаниях Общества языкознания, на отечественных и зарубежных конференциях Общества по распространению научных знаний.

4.1. Суммируя все сказанное, в истории нашей кафедры и в истории славистики в Сегеде можно выделить три периода:

I. Период южнославянской филологии и общей славистики, когда русский язык был представлен лишь в 1945/46 учебном году. Этот период продолжался до 1948/49 учебного года и включал в себя основание Института славистики в 1946 году.

II. Начальный период деятельности Института русского языка, продолжавшийся с 1948—1949 учебного года до I семестра 1958 учебного года.

III. Создание кафедры русского языка и литературы, формирование ее коллектива, определение круга научных исследований и начало интенсивной научной деятельности (с 1959 года).

Имея в виду самые характерные черты развития кафедры за 25 лет, сделаем следующие обобщения:

1. Деятельность кафедры способствовала тому, что в средние школы пришли преподаватели, обладающие современными научными знаниями и знаниями методики. Тот факт, что более 600 преподавателей получили образование на нашей кафедре, свидетельствует о том, что деятельность кафедры русского языка и литературы имеет не только местное значение, но может быть измерена в масштабах всей страны, т.к. окончивших у нас преподавателей можно встретить повсеместно. Таким образом, работа кафедры оказывает позитивное влияние и на процесс обучения русскому языку в Венгрии.

2. За прошедший период удалось в основном установить соотношение между отдельными предметами, привести их к равновесию и провести соответствующие реформы. Кафедра стремилась к тому, чтобы улучшить знание языка у студентов, снабдить их специальными знаниями, повысить уровень идейного развития будущих преподавателей русского языка.

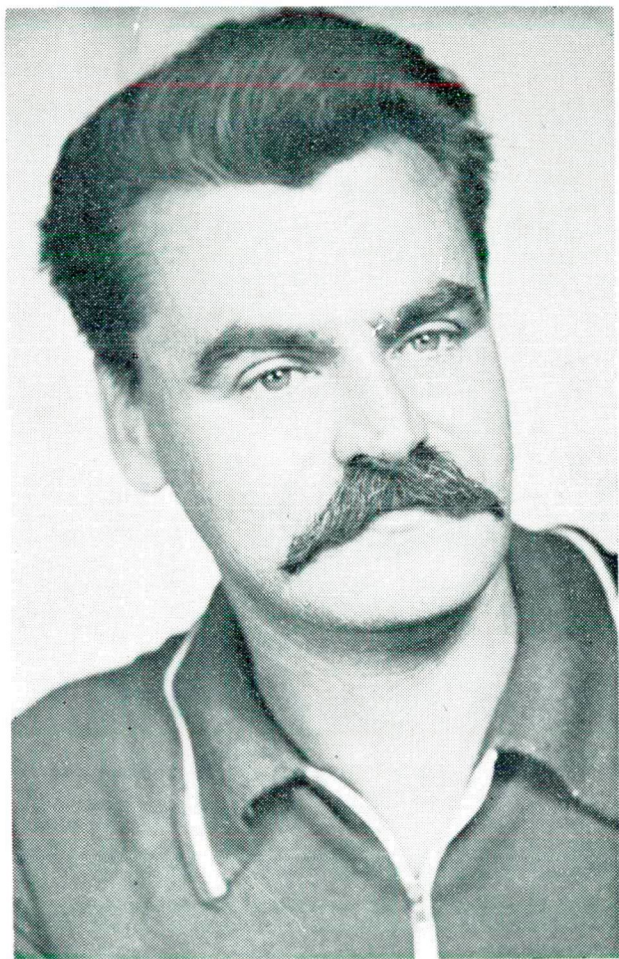
3. Сформировался свой профиль преподавательско-научной работы.

4. Все это было достигнуто в результате взаимодействия многих факторов. Отметим помощь университетского руководства и Министерства Культуры и Высшего образования. Понимание и оказанное

нам доверие побуждали преподавателей стремиться как можно лучше выполнять свои обязанности. Основопологающее значение имеет та помощь, которую оказала наука Советского Союза в решении сложных проблем. Методическая и разносторонняя теоретическая и практическая поддержка советских коллег во многом способствовала достижению перечисленных выше результатов.

Л и т е р а т у р а

- I. Ласло Хадрович: Наша южнославянская филология после освобождения.
Филологический вестник, 1970 /3-4. 270.

ПАЛ ШОНКОЙ

ПАЛ ШОНКОЙ

/1928-1975/

10-го января 1975 года после продолжительной, тяжелой болезни, которую он мужественно переносил, в возрасте 46 лет безвременно скончался сотрудник кафедры русского языка и литературы университета им. Аттилы Йожефа, Пал Шонкой.

Пал Шонкой принадлежал к тому поколению славистов, которое сложилось в годы после освобождения нашей страны от фашистского ига. Освобождение открыло для способного юноши из бедной крестьянской семьи, сына депутата кондорешской дирекции 1919 года, возможность поступить в сегодский университет, который он закончил в 1954 году, получив диплом преподавателя русского языка. С 1958 года он работал на кафедре русского языка и литературы. Его внимание сначала привлекает словацкий язык, которым он владел как родным. Об этом свидетельствуют его работы, в которых он занимается исследованием кондорешских словацких диалектов. В результате этих исследований он приходит к выводу о том, что жители Кондореша обосновались на этой территории в начале XVIII-го столетия и, в своем большинстве, говорят на средне-словацком диалекте. ¹

Работа, которую он посвящает словарному составу кондорешских словацких диалектов, содержит ценный материал. ² В сущности, эта работа представляет собой краткий, но ценный дифференцированный словарь, в котором можно найти те лексические элементы кондорешского

диалекта, которые либо не используются в словацком литературном языке, либо с фонетической или смысловой точки зрения отличаются от норм литературного языка. К этим же исследованиям примыкают и его работы в области истории словацких поселений, о которых мы также должны упомянуть. ³

Научные интересы Пала Шонкой распространялись не только на словаков, которыми он не переставал заниматься вплоть до самой смерти, но охватывали и другие области славистики. Он исследовал с точки зрения морфологии старинный, относящийся к XVI веку, кодекс на белорусском языке, находящийся в познаньской библиотеке Рачиньских, с оригиналом которого он познакомился во время своей научной командировки в Польшу. Работа, освещающая вопросы склонения существительных этой рукописи, является первой в Венгрии разработкой истории белорусского языка. ⁴ Научная ценность этой работы особенно велика, Пал Шонкой публикует отрывок из кодекса, с целью дать обоснованную картину языковых особенностей исключительно сложного с точки зрения языка кодекса. Работа в области истории русского языка началась с изучения светского языка XVIII столетия, когда на основе т.н. переписки Безобразовых он осветил особенности живого языка XVIII века, отделил его от шаблонов церковной книжности. ⁵

В своей дальнейшей работе он обращается к ранним русским памятникам письменности. Изучая Пантелеймоново Евангелие, ⁶ он обращается к вопросам русской исторической лексикологии, которыми упорно занимается последние годы жизни. Его внимание привлекает прежде

всего, лексикэ т.н. полных апракосных евангелий. Особенного внимания заслуживает работа, посвященная лексике полного апракосного евангелия, которая должна была стать кандидатской диссертацией. К сожалению, ему не удалось ее закончить. Из работ по исторической лексикологии упомянем еще работу, посвященную словарному составу Синайского Патерики, в которой Пал Шонкой исследует лексические южнорусские особенности этого интересного памятника письменности. Пал Шонкой был исследователем, увлеченным вопросами науки, много размышляющим, работающим с углубленным вниманием. Он ждал пока мысль созреет, вывод найдет неоспоримые подтверждения, он основательно исследовал тему. Об этом свидетельствует тот факт, что в его наследии мы обнаружили и другую обработку уже упомянутого нами кодекса XVI в. из познаньского собрания Рачиньских. К сожалению, закончить эту работу он не смог. Так как эта работа служит ценным дополнением к изучению этого интересного кодекса, мы издаем ее в X-ом томе наших ученых записок, *Dissertationes Slavicae*, вместе с другими его работами в области русской исторической лексикологии.

Пал Шонкой в 1958 года читал лекции по истории старославянского и русского языков и вел семинарские занятия. Его глубокие, освещающие проблемы занятия, которые проходили в тоне дружеских бесед, оставили неизгладимый след в сердцах его учеников, которые уважали его не только как преподавателя, но и как опытного старшего друга. Он всегда был готов помочь своим ученикам, когда они обращались к нему как по вопросам научной работы, так и по любым другим вопросам. Его простота и приветливость создавали вокруг

него светлую атмосферу. Он был приятным и полезным партнером во всех собеседованиях, касавшихся специально вопросов, и мог дать ценный совет своим сотрудникам и ученикам. С большой любовью он проводил и факультативные занятия по словацкому языку.

В лице Пала Шонкя венгерская славистика потеряла многостороннего ученого. Он всеми силами стремился к осуществлению своих научных замыслов. Интересуясь копиями Кодекса, он с увлечением исследовал тайны славянских языков и не подозревал, что смерть помешает ему закончить работу над любимой темой, достичь поставленной перед собой цели. Память о нем сохранится в его работах, память о нем сохраняют его ученики и коллеги.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Данные к словацкому языку села Кондорш. *Dissertationes Slavicae I.* Szeged, 1962. 41-48.
2. Zo slovníka kondorošského slovenského nárečia. *Dissertationes Slavicae II.* Szeged, 1964. 27-34.
3. Az újjászületett Csaba. /Tanulmányok Békéscsaba történetéből. Békéscsaba, 1970./ 37-56.
4. К истории системы склонения имен существительных. *Dissertationes Slavicae V.* Szeged, 1967. 15-21.
5. К русскому народно-разговорному языку XVII в. *Dissertationes Slavicae VI.* Szeged, 1968. 13-20.
6. О характере Пантелеймонова евангелия XIII в. *Dissertationes Slavicae VIII.* Szeged, 1972. 35-40.

СОДЕРЖАНИЕ

Чернявская, Д.С.	Художественный мир "лирической эпиграммы"	3
Хетсо, Г.	Символическая структура в "Трех сестрах"	
	А.П. Чехова.....	19
Салма, Н.С.	К вопросу об "изобразительности" стихотворений	
	Ив. Бунина.....	43
Хан, А.	К проблеме жанрового своеобразия ранней лирики	
	А. Ахматовой /ч. I/.....	55
Мещерокий, Н.А.	Александр Афанасьевич Потебня.....	85
Розов, Н.Н.	Из творческого наследия русского писателя XI	
	века Илариона.....	115
<u>Шонкой, П.</u>	Из лексики древнерусских апракосов.....	157
<u>Шонкой, П.</u>	Из лексики Синайского Патерика.....	183
<u>Шонкой, П.</u>	Замечания об "Истории о Атыли, короли угор-	
	ском".....	207
Тот, И.Х.	Новейшие достижения изучения образования вос-	
	точнославянских языков.....	219
Тот, И.Х.	Данные к истории изучения славянских языков в	
	осетедском университете...?	235
	<u>Пал Шонкой</u> /1928-1975/.....	255

